

АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

А.В. ШМОНИН

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ

Учебное пособие

Москва • 2010

УДК 343
ББК 67.52
Ш74

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты:

А.М. Кустов, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН;

П.И. Иванов, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Н.Н. Лысов, доктор юридических наук, профессор;

Л.В. Бертовский, доктор юридических наук.

Шмонин А.В.

Ш74

Актуальные проблемы криминалистической методики: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2010. – 208 с.

Учебное пособие призвано оказать помощь слушателям в освоении учебной дисциплины «Актуальные проблемы управления деятельностью органов предварительного следствия и дознания», в подготовке к проведению учебных занятий и формированию собственного мнения по актуальным проблемам заключительного раздела науки криминалистики.

Может заинтересовать сотрудников правоохранительных органов, профессорско-преподавательский состав юридических вузов, научных работников.

УДК 343
ББК 67.52

© Академия управления МВД России, 2010
© Шмонин А.В., 2010

Введение

Одной из функций управления органами расследования преступлений является их научно-методическое обеспечение средствами и методами раскрытия и расследования преступлений. Важная роль в этом отводится заключительному разделу науки криминалистики — криминалистической методике, которая аккумулирует знания, сформированные в предыдущих разделах данной науки, и, преломляя их в разрезе потребности практики, представляет в виде научно обоснованных рекомендаций по расследованию конкретной категории преступлений.

Таким образом, содержанием криминалистической методики являются знания, необходимые для выработки навыков раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, отражающие реализацию положений и рекомендаций общей теории криминалистики, криминалистической техники и криминалистической тактики в процессе расследования применительно к отдельным категориям преступлений. Ее теоретические положения и практические рекомендации широко используются в предупреждении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений.

Криминалистическая методика (методика расследования отдельных видов преступлений) исторически развивалась как неотъемлемая часть отечественной криминалистики, однако первоначально она рассматривалась как элемент уголовной тактики. По мере накопления эмпирического материала и исследований, проведенных Б.М. Шавером, С.А. Голунским, В.И. Громовым и другими криминалистами, методика была выделена в особый раздел, что нашло отражение в учебнике криминалистики (1935 г.).

Теоретической разработкой основных положений методики и определением ее места в системе криминалистики занимались также Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, А.И. Винберг, Б.Л. Зотов, Г.Г. Зуйков, А.Н. Колесниченко, С.П. Митричев, П.Н. Тарасов-Родионов. Параллельно шла разработка собственно частных методик применительно к отдельным видам преступлений (методика

расследования дел о преступлениях несовершеннолетних, рецидивистов, лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы). Развитию методики в значительной степени содействовали работы по общей теории криминалистики, криминалистической технике и тактике, уголовному праву и процессу, оперативно-розыскной деятельности и другим отраслям юридического знания.

Криминалистическая методика находится в состоянии активного развития и поэтому вызывает определенные трудности при изучении и использовании соответствующего научного продукта в практической деятельности правоохранительных органов в целом и в управлении органами расследования преступлений в частности.

На современном этапе криминалистическая методика, по существу, выполняет роль одного из направлений криминалистического обеспечения управления органами расследования преступлений, которое принято называть методико-криминалистическим обеспечением расследования преступлений.

В целях оказания помощи слушателям в совершенствовании необходимых знаний, умений и навыков в области управления органами расследования преступлений предлагается настоящее учебное пособие. В нем рассмотрены общие вопросы теории методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений как одного из направлений криминалистического обеспечения, проанализированы фундаментальные и прикладные проблемы криминалистической методики и пути их решения, а также проблемы внедрения частных криминалистических методик в практическую деятельность органов внутренних дел. В частности, рассматриваются такие проблемы, как история развития заключительного раздела науки криминалистики, современный понятийный аппарат криминалистической методики, классификация частных криминалистических методик, планирование конкретного акта расследования, и многие другие.

Каждая из указанных и иных проблем включает исследование своих аспектов современного состояния заключительного раздела криминалистики, но вместе с тем они имеют глубокие внутренние связи и образуют единую систему современных актуальных проблем криминалистической методики и путей их решения.

При подготовке настоящего учебного пособия автор использовал собственные предыдущие работы и труды других исследователей по рассматриваемой проблеме.

I. Зарождение, развитие и современное состояние криминалистической методики

Обращение к истории криминалистики в целом и криминалистической методике в частности не является новым. История криминалистики рассматривается в работах А.И. Винберга, Р.С. Белкина, И.Ф. Крылова, Ю. Торвальда, А.М. Кустова и других ученых. Следует отметить работы И.А. Возгрина, который наиболее полно исследовал историю развития криминалистической методики, а также появившиеся в последние годы труды Ю.П. Гармаева, С.Ю. Косарева, С.Н. Чурилова.

Криминалистическая методика имеет довольно длительную историю своего развития, к которой относится и весь период накопления эмпирических знаний, применявшихся при организации раскрытия и расследования преступлений.

Анализ положений источников древнерусского права и нормативных актов Средневековой Руси (договоров Древней Руси с Византией (911 г.); Русской Правды (XI – XIV вв.); договоров Великого Новгорода с Готским Берегом и с немецкими городами (1189 – 1199 гг.); Новгородской и Псковской Судных грамот (середина XV в.); судных списков (протоколов судопроизводства); правовых грамот (судных списков, сопровождаемых приговорами); бессудных, правовых грамот, выдаваемых судами одной из сторон без судебного разбирательства на основании того, что другая сторона уклонилась от явки в суд в назначенный срок, срочных (устанавливающих сроки явки сторон в суд); мировых (актов «полюбовного» решения тяжбы); Судебников (1497 г. и 1555 г.) и т. п.) позволяет говорить о существовании *прообразов криминалистических методик*, которые получили отражение в перечисленных и иных правовых источниках. При этом судебные акты XVI в. (в отличие от судебных актов до XV в.), для которых, за некоторым исключением, был характерен состязательный (обвинительный) процесс, свидетельствуют о развитии норм след-

ственного (розыскного) процесса как наиболее отвечающего в начале XVII в. потребностям социального развития. Последний, существуя с обвинительным началом, все более и более вытесняет его из сферы уголовного судопроизводства, оставляя за обвинительным процессом роль основного средства при гражданском судопроизводстве.

Начиная с издания Соборного уложения 1649 г., основанного на положениях Судебника 1550 г., указанных книг приказов, царских указов, думских приговоров, решений Земских соборов, Стоглава, литовского и византийского законодательства (позже в корпус правовых норм Соборного уложения вошли новоуказные статьи о «разбоях и душегубстве» (1669 г.), о поместьях и вотчинах (1677 г.), о торговле (1653 г., 1677 г.), все большую регламентацию стали получать не столько рекомендации по расследованию определенной категории преступлений, сколько отдельные вопросы проведения розыска и расследования. При этом со времен Судебника 1497 г. линия на усиление роли розыскного или следственного процесса в ущерб состязательному достигла в конце XVII – начале XVIII вв. своего апогея, что получило отражение в Указе от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо иных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказаниях лжесвидетелей и о пошлинных деньгах», в Кратком изображении процессов или судебных тяжб (1716 г.), являющемся частью Воинского Устава, Указах от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» и от 3 мая 1725 г. «О пояснении 5 пункта Указа 1723 ноября 12 «О форме суда» и в других нормативных актах.

Состояние преступности к началу XVIII в. и увеличение нормативных актов, регулирующих уголовное судопроизводство, которые в известной части были противоречивы, явились объективными предпосылками в необходимости теоретического исследования проблем расследования преступлений. Одной из первых известных отечественных работ, содержащих описание рекомендаций по проведению допросов, очных ставок, обысков и других следственных действий, является сочинение Ивана Посошкова «О скудности и богатстве», датированное 24 февраля 1724 г. Однако в сочинении отсутствовали рекомендации, относящиеся к порядку производства расследования преступлений, или, иначе говоря, методические рекомендации по расследованию преступлений, что полностью соответствовало тенденциям

действующего в то время законодательства (отход от регламентации особенностей расследования отдельных категорий преступлений к детализации отдельных процессуальных действий).

Символичной стала расправа над И. Посошковым (поднеся свое сочинение Петру I, он в возрасте 72 лет попал в застенки тайной канцелярии и умер в заключении в Петропавловской крепости), после которой теоретические изыскания в области уголовного судопроизводства в целом и проблем расследования преступлений в частности, не успев начаться, окончились. Возрождение таковых началось только в конце XVIII – начале XIX вв.

Таким образом, в России на протяжении всего XVIII в. не предпринималось попыток осмыслить и исследовать проблемы способов (методов) расследования преступлений, хотя таких проблем много, о чем может свидетельствовать привлечение к деятельности по раскрытию и розыску преступников. Например, широко известный случай привлечения к сыскной работе правоохранительными органами Российской империи XVIII в. Ваньки Каина (Ивана Осипова), который в своей практике использовал особый метод розыска и отождествления преступника по присущему для него способу совершения преступления. Этот метод был разработан на основе собственного криминального «почерка»¹.

Как представляется, такое положение было predeterminedено несколькими обстоятельствами: во-первых, количественным и качественным состоянием преступности XVIII – XIX вв., которое было обусловлено социально-экономическими условиями; во-вторых, отсутствием знаний и умений у лиц, обязанных по долгу своей службы раскрывать, расследовать и предупреждать преступления (потребность в таких знаниях и умениях в этот период стала только появляться и не могла быть восполнена собствен-

¹ Следует отметить, что не только отечественной правоохранительной системе был свойствен исторический этап, связанный с привлечением преступников к деятельности по расследованию преступлений. Так, профессиональный преступник Э.Ф. Видок был привлечен в 1810 г. парижской полицией к раскрытию преступлений, а впоследствии был назначен на пост шефа криминальной полиции Парижа. Результаты работы Э.Ф. Видока и его «команды», состоявшей лишь из бывших преступников, могут впечатлить не только его современников. За год работы Э.Ф. Видок с 12-ю сотрудниками арестовал 812 убийц, воров, взломщиков, грабителей и мошенников, ликвидировал притоны, в которые до него не рискнул «сунуться» ни один мировой судья и ни один инспектор.

ным опытом должностных лиц правоохранительных органов); в-третьих, наличием знаний в области раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, которые не могли достичь уровня научного осмысления проблем в этой области.

В начале XIX в. появилась первая известная современникам работа, описывающая порядок отечественной практики расследования преступлений. Она принадлежала Петру Раткевичу, который писал: «Судебное дело состоит из трех частей: 1) исследование, 2) определение, 3) приговор и заключение». Исследование, по мнению П. Раткевича, есть способ, по которому открывается истина и начинается «1) от лица, 2) от самого дела, 3) от причины, 4) от места, 5) от способа, 6) от орудий, 7) от времени, 8) от случая, 9) от удобства»².

В последующем работы, посвященные обобщению опыта и теории расследования, т. е. излагавшие советы и наставления по его производству, ряд из которых носил отчетливо выраженный криминалистический характер, стали издаваться все в большем и большем количестве³.

Работы перечисленных и иных авторов первой половины XIX в. носили комплексный характер. Они содержали, с одной стороны, комментарии действующих многочисленных нормативных актов, регламентирующих уголовное судопроизводство на основе теории уголовного процесса, с другой — рекомендации по организации расследования преступлений, в частности обстоятельств, способствующих расследованию, а также давали

² *Раткевич П.* Зерцало правосудия. СПб., 1805.

³ *Баршев Я.* Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841; *Долгов Д.* Основные формы уголовного следствия, вообще принятые при их производстве. СПб., 1846; *Казанский В., Колоколов Е.* Правила и формы для производства следствий, составленные по Своду Законов издания 1842 года. М., 1849; *Правила и формы для производства следствий, составленные по своду Законов издания 1857 года.* М., 1859; *Калайдович Н.* Указание для производства уголовных следствий. СПб., 1949; *Линовский В.* Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849; *Назнанский В.* Краткое руководство к познанию правил для производства следственных и военно-судебных дел на существующих узаконениях основанное. СПб., 1832. Ч. I; *Орлов Н.* Опыт краткого руководства для производства следствий. С показанием приличных узаконений. М., 1833.

некоторые элементы характеристики последних⁴. Кроме того, в рассматриваемый период происходила дифференциация знаний в уголовном судопроизводстве на теоретическую и практическую части. Ярким примером тому служит книга Н. Орлова, первая глава первой части которой посвящена «следствию вообще», вторая — понятию преступлений и преступников, третья — «производителям следствия» и другим процессуальным вопросам. Вторая часть книги раскрывает «способы проведения следствия», содержит классификацию уголовных дел, понятие проведения следствия и т. д. Работы Е. Колоколова разделены на общие положения о «следствии вообще» и «положения особенные». В последнем разделе автор излагает, выражаясь современным языком, криминалистические рекомендации по расследованию смертоубийств и отравлений, поджогов, злонамеренных банкротств, хищений и т. д.

Таким образом, имеются все основания констатировать, что в первой половине XIX в. в отечественной науке начинает непосредственно формироваться новая отрасль знаний, впоследствии получившая название криминалистики, а также ее самостоятельный раздел (часть, теория) — криминалистическая методика расследования преступлений.

Как обозначенные выше, так и другие авторы с середины XIX в. способствовали преобразованию существовавшей системы доказательств в процессе судебной реформы 60-х гг. XIX в. Расширение круга вещественных доказательств («немых свидетелей»), разработка и применение при расследовании преступлений средств (методов) их собирания и исследования вызвали растущий интерес и к формулированию отдельных методико-криминалистических рекомендаций.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в России отмечалось значительное увеличение числа уголовных преступлений. Данный период особенно ярко показывает обусловленность структуры и содержания правоохранительной деятельности проблемами общественного развития. Так, по сравнению с 50-ми гг. XIX в. уровень преступности в 1911 — 1913 гг. вырос в 3,4 раза. В 1913 г. при численности населения страны 19 млн человек было

⁴ Аналогичные тенденции наблюдались и в работах зарубежных авторов, например Ягемена, Циммермана, Рихтера, Штибера и других.

зарегистрировано 3,5 млн преступлений. В результате темпы роста преступности стали превышать прирост населения в два раза.

Если статистические данные свидетельствовали о количественном росте преступлений, то обстановка, в которой совершались преступления, приемы и средства, применяемые преступниками, подтверждали, что преступность прогрессировала также в качественном отношении путем усовершенствования способов совершения и сокрытия преступлений.

Житейский опыт и «здравый смысл», которых было достаточно в прежние времена для раскрытия преступлений, уже не могли помочь в изобличении преступников, применяющих все более изощренные способы совершения и сокрытия преступлений. Именно это и привело к возникновению своеобразного социального заказа — разработать новые эффективные средства и методы раскрытия и расследования преступлений, отвечающие требованиям времени, основанные на передовых достижениях естественных и технических наук. Противодействие качественно изменившейся преступности, естественно, требовалось вести новыми средствами и методами. Ответом на этот социальный заказ и стало возникновение новой отрасли научного знания, которую Рудольф-Арчибальд Рейс называл «научной полицией» или «технической полицией», либо «технические методы следственного производства», А. Вейнгардт — «уголовной тактикой», В. Штебер — «уголовной полицией», А. Ничефоро — «научной полицией», Г. Шнейкерт — «уголовной техникой», а Ганс Гросс — «криминалистикой».

Потребности практики противодействия преступности обусловили необходимость широкого и активного внедрения в данную деятельность достижений естественных и технических наук на основе (и в сочетании) совершенствования уголовно-процессуальных норм. Например, получили дальнейшее развитие судебно-химические и химико-микроскопические исследования. В свет вышли различные наставления, призванные оказать теоретическое содействие экспертам и следователям в изучении различных веществ, предметов, явлений и т. п. В частности, в одном из наставлений, посвященном исследованию «подозрительных пятен» (подготовленному на диссертационном исследовании Р. Лангеля «О распознавании и исследовании кровавых пятен»), были даны практические рекомендации по осмотру, изъятию и изучению предметов, имеющих такие пятна.

Указанные тенденции второй половины XIX в. способствовали зарождению основ методики расследования отдельных видов преступлений. Так, в руководстве для судебных следователей Г. Гросса, переизданном в России не менее 6 раз (на протяжении 30 лет), главное внимание уделено особенностям поведения некоторых категорий преступников, их языку и способам совершения преступлений. Одновременно небезынтересно обратить внимание на следующие обстоятельства. В предисловии к четвертому изданию «Руководства для судебных следователей, как системы криминалистики» Г. Гросс привел схему, в которой показал, какое положение, по его мнению, «должна занимать криминалистика в общей системе уголовных наук». Он отвел ей место в структуре криминологической феноменологии, которая, в свою очередь, является структурным образованием науки криминологии. Сама криминалистика, по его мнению, состоит из двух частей: «Учения о проявлениях преступлений» и «Учения о производстве расследований».

Таким образом, можно сделать вывод: криминалистика, хотя и берет свое начало в уголовном судопроизводстве, тем не менее зарождение ее было напрямую связано с криминологией и проявилось как элемент ее структуры; в предмет криминалистики ее основатель Г. Гросс включил (а) проявление преступлений (криминалистическая характеристика преступлений); (б) производство расследования (методика расследования отдельных категорий преступлений).

В основу научных изысканий первых российских криминалистов были положены идеи перечисленных и иных (Х. Вучетич, Ч. Ломброзо и С. Оттоленги (Италия), Гейндль (Германия), Э. Локар (Франция) и другие) ученых-практиков. Заметное место в процессе формирования методико-криминалистических рекомендаций в России заняли работы С.Н. Трегубова⁵, описывавшие широкий круг криминалистических средств и приемов и содержавшие рекомендации по расследованию пожаров, поджогов и железнодорожных крушений. А в трудах Б.Л. Бразоля⁶ наряду

⁵ Трегубов С.Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений: практическое руководство для судебных деятелей. Пг., 1915.

⁶ Бразоль Б.Л. Очерки по следственной части. История. Практика. Пг., 1916.

с «методологией» осмотра и обыска давались рекомендации по действиям следователя на месте железнодорожного крушения.

Становление отечественной криминалистики как отрасли научно-прикладных знаний совпало с известными социально-политическими преобразованиями, происходившими в России во втором десятилетии XX в. и в последующие годы. Деятельность правоохранительных органов (независимо от политических режимов в нашей стране) создавала объективные предпосылки объединения криминалистических знаний в единую научную систему с методикой расследования отдельных видов преступлений в качестве ее составной части. Теоретические изыскания становления советской криминалистики были связаны с именами, большинство которых впоследствии стали известными криминалистами, такими, как: Н.А. Бобров, Н.С. Бокариус, М.Н. Гернет, С.А. Голунский, В.М. Громов, А.А. Захарьин, Е.У. Зицер, А. Ивенин, С. Корнев, Н. Лаговиер, Э.Э. Левентон, П.И. Люблинский, Н.П. Макаренко, Г.Ю. Маннс, П.П. Михеев, В.М. Натансон, А.А. Поповицкий, С.М. Потапов, Г.К. Рогинский, В.Л. Русецкий, А.А. Сальков, В. Санчов, Н.Н. Семенов, П.С. Семеновский, М.С. Строгович, Н.В. Терзиев, А.Н. Трайнин, В.Ф. Черваков, И.Н. Якимов, и другими. При этом необходимо отметить, что российская криминалистика в указанный период потеряла таких видных ученых, как С.Н. Трегубов, Б.Л. Бразоль, вследствие их эмиграции из страны.

К первым отечественным методическим работам советского периода относится труд М.С. Строговича «Инструкция органам милиции о порядке производства дознаний» (М., 1924), в котором обобщался опыт расследования должностных и хозяйственных преступлений в области капитального строительства. В 1924 — 1929 гг. выходят в свет многоплановые работы по криминалистике, затрагивающие проблемы методики расследования отдельных видов преступлений.

И.Н. Якимов⁷ в своих трудах искал пути решения проблемы создания общего метода расследования по косвенным уликам, различая в системе уголовной тактики особенную часть — научный метод расследования преступлений.

⁷ Якимов И.Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924; Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925; Криминалистика: Уголовная тактика. М., 1929.

В.И. Громов в своих многочисленных общетеоретических и практических работах (часть из которых была подготовлена при непосредственном участии Н. Лаговьера, забытого и практически не упоминающегося последующими поколениями криминалистов) впервые выделил методические рекомендации в системе криминалистики в самостоятельный раздел науки. По его мнению, сделанные на основе опыта прошлого обобщающие практические выводы о методах работы, содержащие систематизированные практические указания по наиболее рациональному ведению расследования, могут облегчить работу следователя по уголовному делу.

Анализируя развитие системы криминалистики, Р.С. Белкин пришел к интересному выводу о том, что «вводя в науку термин «методика расследования преступлений», В.И. Громов не предлагал изменить систему криминалистики. Однако его предложение вызвало именно эти последствия, и уже в учебнике по криминалистике, вышедшем в 1935 г., методика расследования стала называться самостоятельным разделом криминалистики, таким образом, стала трехчленной»⁸.

Справедливости ради необходимо отметить, что западные криминалисты еще до работ В.И. Громова выделяли методические рекомендации в системе криминалистики в самостоятельный раздел науки. Так, в переведенной на русский язык работе А. Гельвича «Современная криминалистика. Методы расследования преступлений» (М., 1925) изложены, как сегодня принято говорить, общие положения методики расследования преступлений.

В справочниках по криминалистике, составленных П.П. Михеевым вместе с Н.Н. Семеновым (1926 г. и 1927 г.), а также лично П.П. Михеевым (1929 г.) на основе работ Р.А. Рейсса, Г. Гросса, Е. Анушат, А. Вейнгардта, Ничефоро, Оттоленги, Реефельда, И.Н. Якимова и других, известных в то время ученых-криминалистов, отмечалось, что криминалистика делится на три основных отдела: уголовная техника, уголовная тактика и методология. Методология в криминалистике учит правильному применению методов уголовной техники и тактики, направленных к расследованию преступлений. В. Громов, так же как и перечисленные авторы, не различал научные категории «мето-

⁸ Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. В 3-х т. Т. 1: Общая теория советской криминалистики. М., 1977

дика» и «методология». Поэтому третий раздел криминалистики до середины 30-х гг. XX в. назывался то «методологией», то «методикой».

Анализируя особенности развития криминалистики в целом и ее раздела методик расследования преступлений в частности, в 20-е — начале 30-х гг. прошлого столетия, нетрудно обратить внимание, что она по большей своей части основывалась на работах зарубежных авторов 20-30-летней давности, т. е. в определенной части не являющихся актуальными для новых реалий и не соответствующих достижениям естественных наук. В связи с этим показательным является переиздание в 1930 г. работы Г. Гросса «Руководство к расследованию преступлений». В предисловии к данной книге И.Н. Якимов отмечал не только несоответствие ее содержания «русской действительности», но и освещение в ней вопросов, потерявших актуальность, в связи с чем издаваемый текст книги был сокращен. Таким образом, переизданная в очередной раз работа Г. Гросса состояла из двух частей. Общая часть была посвящена вопросам производства следственных действий и характеристике преступников, а особенная часть — способам расследования убийств, телесных повреждений, краж, мошенничеств и подлогов.

В 30-х гг. прошлого века отечественная криминалистика приобрела трехчленную структуру. И хотя в ряде криминалистических работ подчеркивалось, что система криминалистики как науки о расследовании преступлений во всем ее объеме еще окончательно не выработалась, все же тенденция деления ее на три части (уголовная техника, уголовная тактика и методика расследования) стала преобладать и в конечном итоге взяла верх над иными подходами в разрешении данной проблемы.

Авторы первого учебника по криминалистике дали следующую характеристику данного раздела: «Частная методика изучает те специфические особенности, которыми отличается расследование отдельных видов преступлений. Так, например, методика расследования убийства изучает те приемы, которые на основе общих правил уголовной тактики и техники подлежат применению, исходя из особенностей данного вида преступлений»⁹.

⁹ Криминалистика: учебник для слушателей правовых вузов. Книга I: Техника и тактика расследования преступлений. М., 1935.

В 1936 г. вышла вторая книга учебника по криминалистике, объединяющая частные методики расследования преступлений (бытовых убийств, террористических актов, грабежей и разбоев, половых преступлений, поджогов, хищений социалистической собственности, должностных и хозяйственных преступлений). В ней давалась более развернутая система частных методик расследования преступлений и приводилось несколько вариантов их построения.

Наметившееся отставание отечественной науки криминалистики в целом и криминалистической методики в частности от практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, ставшее явным к середине 30-х гг. XX в., было обусловлено отчасти и политической ситуацией в стране, с одной стороны, предопределявшей требования к практической деятельности органов расследования, с другой — к науке, которая была поставлена на службу политическим интересам государства. Так, в одном из учебных пособий по курсу криминалистики 1938 г. отмечалось, что юридические журналы статей по криминалистике не печатали, новые научные кадры криминалистов исследовательскими и учебными юридическими институтами не выращивались, а в течение нескольких лет курс криминалистики был даже исключен из учебных планов юридических институтов. Вместе с тем в учебном пособии такое положение дел связывалось не с политическим режимом в стране, обусловившим сложившуюся ситуацию, а с «деятельностью врагов народа, орудовавших в области права», которые криминалистику «загоняли на задворки».

Таким образом, политическая направленность советской криминалистики стала отчетливо проявляться к середине 30-х гг. XX в. Критика зарубежных ученых-криминалистов в основном заключалась в том, что они рассматривают преступника не как представителя того или иного класса, действующего в определенных, конкретных условиях классовой борьбы, а как некоторую абстрактную личность, выступающую вне времени и вне пространства, как нарушителя объективного правопорядка. Для советской криминалистики в этот период политическая направленность расследования от начала до конца была важнейшим и необходимым требованием, без выполнения которого сплошь и рядом невозможны положительные результаты расследования.

В 1938 г. Б.М. Шавер опубликовал две статьи, посвященные содержанию криминалистики и принципам методики рассле-

дования преступлений. И хотя автор сделал попытку дистанцирования советской частной методики от криминалистических методик зарубежных авторов, которые, по его мнению, в силу классово-политической позиции не могли вскрыть истинные причины и механизмы преступлений в капиталистическом обществе, но далеко «уйти» не смог. Как и зарубежные авторы, Б.М. Шавер полагал, что методика расследования преступлений является самостоятельной частью криминалистики. В частности, он писал: «Если при определении понятия криминалистики как науки идет спор, должна ли быть включена в нее уголовная тактика или техника — эта часть уголовного процесса, — то совершенно бесспорным и общепризнанным является то положение, что частная методика, т. е. методика расследования отдельных видов преступлений, включает в себя как тактику, так и технику — является особенной частью и тактики и техники, отражая конкретное применение ее к расследованию отдельных видов преступлений»¹⁰.

Таким образом, Б.М. Шавер поддержал фактически существовавшую в это время точку зрения дифференциации системы криминалистики на две части: Общую и Особенную. К Общей части он отнес криминалистическую технику и тактику, а к Особенной — методику расследования. Последнюю разделил на применение основных принципов криминалистики к расследованию отдельных видов преступлений и методику их расследования¹¹.

Несмотря на то, что статьи Б.М. Шавера были пронизаны политической составляющей и по существу повторяли (дублировали) сформировавшуюся к тому времени основную тенденцию, складывающуюся в науке криминалистике, они, бесспорно, были знаковыми с точки зрения выработки единого системообразующего подхода в отечественной криминалистике в целом и криминалистической методике расследования в частности.

В учебниках по криминалистике, изданных позже¹², не просто сохранилась, но и получила свое развитие трехчленная система

¹⁰ Шавер Б.М. Об основных принципах частной методики расследования преступлений // Соц. законность. 1938. № 1.

¹¹ Шавер Б.М. Предмет и метод криминалистики // Соц. законность. 1938. № 6.

¹² Криминалистика: Техника и тактика расследования преступлений. М., 1938; Криминалистика: Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1939.

криминалистической науки. Заключительный раздел криминалистики — частная методика — был представлен в качестве особенной части техники и тактики расследования преступлений. В первой главе учебника 1939 г., кроме определения предмета методики расследования отдельных видов преступлений (или частной методики), содержался ряд ценных положений, сыгравших важную роль в развитии криминалистической методики. Именно они сформулировали задачи частной методики:

а) посредством изучения данных о раскрытии преступлений установить все известные способы совершения преступлений, а также определить методы раскрытия могущих возникнуть преступлений данной категории;

б) определить с наибольшей точностью участников и объекты, на которых могут быть обнаружены следы преступлений, и указать методы и способы обнаружения этих следов, методы и способы их исследования и проверки их достоверности;

в) по возможности точно определить методы установления круга лиц, среди которых может быть обнаружен преступник и выявлены важные для дела свидетели;

г) указать способы анализа, сопоставления и изучения фактов и событий, пользуясь которыми можно было бы установить истину в уголовных делах данной категории;

д) приспособить научные и специальные знания, необходимые для расследования данной категории дел, еще не используемые при разработке общих вопросов криминалистики; приспособить уже известные науке криминалистике приемы и методы к специфике расследования данной категории преступлений;

е) определить политическую направленность следствия с таким расчетом, который обеспечил бы раскрытие наиболее опасных и наиболее серьезных преступлений, гарантировал бы раскрытие целей и мотивов этих преступлений;

ж) разработать формы и методы сочетания оперативно-розыскных и следственных действий при расследовании отдельных категорий дел;

з) определить процессуальные особенности проверки и оформления доказательств, которые нужно учитывать при расследовании данной категории дел;

и) показать значение, которое имеет вопрос о квалификации преступления для правильного направления расследования данного вида преступлений.

В учебнике излагались также методики расследования хищений и растрат общественной собственности, должностных преступлений, выпуска недоброкачественной продукции, нарушений правил по технике безопасности, убийств, изнасилований и преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

В отличие от учебного пособия 1935 г. в названном учебнике впервые была предпринята попытка разрешить такие теоретические проблемы, как предмет, метод и задачи методики расследования преступлений. По существу, взгляды авторов были положены в основу дальнейшего формирования и совершенствования системы научных положений методики расследования преступлений, которые ими были определены как предмет частной методики.

В послевоенные годы в заключительном разделе учебников по криминалистике авторы стали выделять группу положений, общих для расследования отдельных видов преступлений. Б.М. Шавер назвал этот раздел криминалистической методики «основными положениями», включив в них понятие методики и характеристику структурных частей конкретных частных методик (уяснение состава преступления; обстоятельства, подлежащие выяснению и исследованию; основные приемы и методы обнаружения и фиксации доказательств; меры возмещения причиненного вреда и обеспечения конфискации имущества; выявление обстоятельств, способствующих совершению преступления). Он сформулировал также определение методики, под которой понимал часть науки советской криминалистики, обобщающей опыт расследования отдельных видов преступлений, определяющей в строгом соответствии с требованиями советского уголовно-процессуального закона и специфическими особенностями каждой категории уголовных дел научные приемы и методы раскрытия, расследования и предупреждения этих преступлений. В учебнике методики излагаются уже по единой схеме: задачи расследования; первоначальные следственные действия; особенности предмета доказывания; основные приемы и методы обнаружения и фиксации доказательств; выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

В 1955 г. была издана монография Б.Л. Зотова «Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений», в которой автор раскрыл понятие, задачи и некоторые принципы криминалистической методики. В своих выводах он

исходил из определения методики расследования отдельных видов преступлений, предложенного в учебнике по криминалистике 1952 г. Б.М. Шавером, изменив его в редакционном плане. Криминалистическая методика, как писал Б.Л. Зотов, является частью науки криминалистики, занимающейся изучением и обобщением опыта расследования различных категорий преступлений и на основе этого обобщения, в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, разрабатывающей наиболее правильные приемы и методы установления истины и изобличения преступника.

Несмотря на наличие некоторых работ, в период с 1950 г. до середины 60-х гг. XX в., развитие общих положений частных методик привлекало к себе явно недостаточное внимание ученых-криминалистов. Как правило, общетеоретические и прикладные проблемы криминалистических методик рассматривались в многочисленных учебниках и пособиях, проблемных статьях, а также в монографических работах, посвященных иным проблемам криминалистики. Например, в докторской диссертации А.Н. Васильева «Основы следственной тактики» (М., 1960) проблемы методики расследования отдельных видов преступлений освещались в связи с исследованием содержания, системы и задач следственной тактики.

Как представляется, процесс пополнения общих положений частных методик сдерживался существующими в то время представлениями о предмете криминалистической науки только как о технике и тактике собирания и исследования доказательств, методике расследования и предотвращения преступлений. Введенная Р.С. Белкиным (1967 г.) и поддержанная большинством ученых-криминалистов двухчленная структура предмета науки — изучаемые закономерности преступной деятельности и деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств, и основанные на их познании средства, приемы и методы раскрытия, расследования и предотвращения преступлений — способствовала интенсивному формированию общих положений криминалистической методики.

Автором диссертационного исследования общих теоретических основ криминалистической методики был А.Н. Колесниченко. Он исходил из того, что содержание криминалистической методики как раздела криминалистической науки складывается из двух частей: общих положений и конкретных частных методик.

Методологическим проблемам расследования преступлений посвящена докторская диссертация И.М. Лузгина, на основе которой была подготовлена и издана монография. Автор подчеркивал, что нельзя отождествлять методологию и методику. Под методологией расследования он понимал совокупность теоретических положений и сущность расследования как частного случая познавательной деятельности в системе советского уголовного процесса: она не преследует цели разработать частные методики собирания, исследования и оценки доказательств, а изучает природу этой деятельности как процесса познания, закономерности установления истины по уголовному делу, систему методов познания, особенности доказательственной информации, исследует характер знаний, достигаемых расследованием, подчеркивая, что нельзя отождествлять методологию и методику.

Несмотря на особый подход к определению сущности методологии расследования, исследования И.М. Лузгина, бесспорно, обогатили и теорию криминалистической методики.

Совершенствование теории криминалистической методики расследования преступлений в течение 70 — 80-х гг. прошлого века было тесным образом связано с изданием многочисленных учебников и пособий, подготовкой и защитой диссертаций, написанием монографий и проблемных статей, разработкой частных методик расследования, а также проведением всесоюзных совещаний и конференций. Так, создание учебников по криминалистике, раскрывающих в числе других вопросов и проблемы методики расследования преступлений, в течение данного периода было связано главным образом с пятью группами авторских коллективов: Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Высшей школы МВД СССР (позже Академии МВД СССР), Всесоюзного юридического заочного института, Ленинградского государственного университета и Киевского государственного университета. Заметный вклад в развитие теории криминалистической методики расследования преступлений внесли также научные криминалистические конференции в Свердловске (1970 г.), Минске (1973 г.), Алма-Ате (1974 г.) и Одессе (1976 г.). Они были организованы на базе юридических учебных заведений и правоохранительных органов этих городов по инициативе и при участии Координационного бюро по проблемам криминалистики при Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения

преступности. В 1978 г. на заседании ученого совета данного института были рассмотрены актуальные направления развития криминалистической методики и тактики расследования.

Небезынтересно отметить, что в рассматриваемый период актуальные проблемы криминалистической методики были предметом обсуждения на других, не специализированных, научных форумах. Например, на Всероссийской научной конференции «Демократия и право развитого социалистического общества» (1973 г.) с докладом о криминалистической классификации в методике расследования преступлений выступил И.Ф. Герасимов, о понятии и структуре методов расследования преступлений — А.В. Дулов.

О повышении научного и практического интереса к криминалистической методике наглядно свидетельствуют публикации этих лет: С.П. Митричева, К.К. Фахрутдинова, И.Ф. Пантелеева, И.Ф. Герасимова, А.И. Колесниченко, А.Н. Васильева, В.М. Быкова, Н.П. Яблокова, И.М. Лузгина, Н.К. Кузьменко, И.А. Возгина, В.А. Образцова, П.Б. Куцонис и других.

Анализ работ перечисленных и иных авторов позволяет констатировать, что дальнейшая разработка общих положений криминалистической методики привела к включению в их число: правовых основ методики; общих принципов организации расследования, включая принципы взаимодействия следователя и оперативного работника; данных о способе совершения преступления, имеющих особое значение для криминалистических методик; организационных мероприятий по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений; криминалистических характеристик и классификации преступлений; представлений о периодизации этапов процесса расследования (Г.Г. Зуйков, А.Н. Колесниченко, Р.С. Белкин, А.К. Гаврилов и другие).

Позже в общие положения методики были включены принципы, характеризующие процесс расследования или отражающие характерные черты частных методик (И.М. Лузгин, И.Ф. Пантелеев, Н.А. Селиванов и другие), принципы формирования частных криминалистических методик (С.Н. Чурилов). Вслед за включением в предмет криминалистики указания на изучаемые ею закономерности возникновения доказательственной информации о преступлении и преступнике и другие ученые-криминалисты стали раскрывать частные проявления общих закономерностей предмета этой науки применительно к спе-

цифике технических средств и тактических приемов, имеющих место в расследовании конкретных видов преступлений.

Позднее в содержание криминалистической методики включили общие положения, отражающие сущность, характер, направленность и формы проявления закономерностей собирания, исследования, оценки и использования доказательств, а также относящиеся к данному разделу науки частные криминалистические теории, которые опираются на эти закономерности.

Таким образом, общие положения методики по своему количественному и качественному состоянию в 60 — 80-х гг. прошлого века сложились в систему научных знаний, которая существенно приблизила теоретические представления криминалистической методики к практической деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. В результате криминалистическая методика превратилась в развитый раздел криминалистического научного знания, прочно связанный с остальными разделами криминалистики и решающий важные практические задачи в области борьбы с преступностью.

Вместе с тем у криминалистической методики возникли новые научные проблемы, не получившие на конец данного периода необходимого разрешения и поэтому требовавшие дальнейших глубоких исследований. Разрешение этих проблем выпало на период очередных политических, социально-экономических и правовых преобразований, порожденных процессами распада единого Советского государства. Они, в свою очередь, повлияли на организацию борьбы с преступностью во вновь образованных самостоятельных государствах, включая Российскую Федерацию, а также на развитие большинства юридических и других отраслей научных знаний. Кризисные явления в общественно-политической и социально-экономической сферах породили кризисные явления во всех отраслях научного знания. В силу данного обстоятельства произошли существенные изменения в развитии криминалистики, в частности криминалистической методики.

В 90-е гг. XX в. развитие криминалистической методики в известной степени затормозилось. Были сведены к минимуму подготовка диссертаций и других монографических работ, проблемных статей, разработка частных методик расследования. Каких-либо серьезных работ в данной области не появилось.

Всплеск активности в разработке методик расследования отдельных категорий преступлений наблюдался после принятия

Уголовного кодекса Российской Федерации (1996 г.). Появились новые статьи, существенным образом были изменены редакции некоторых уже существующих, что потребовало усилий криминалистики по разработке новых и модернизации имеющихся частных криминалистических методик.

Но в целом эти исследования существенного значения для развития криминалистической методики не сыграли. Одной из проблем такой ситуации явилось отсутствие новых подходов (парадигм) в разрешении складывающейся практики расследования преступлений. Данное обстоятельство предопределило возрождение интереса к фундаментальным аспектам криминалистической методики в начале нынешнего столетия.

В работах Ю.П. Гармаева, А.Ф. Лубина, С.Ю. Косарева, А.В. Шмони́на, М.В. Субботиной, Л.А. Щербич, В.Е. Корноухова, имеющих общеметодологическое значение для криминалистической методики, рассмотрены существующие фундаментальные проблемы, способствующие разрешению кризисных явлений в данной отрасли научного знания. Кроме того, ряд ученых разработал общие проблемы криминалистики, имеющие важное значение для развития заключительного раздела науки криминалистики. Так, на уровне докторских диссертаций эти проблемы рассмотрены С.И. Коноваловым, А.Ю. Головиным, О.В. Чельшевой и другими.

Очевидно, что вклад названных ученых в развитие науки криминалистики в целом и криминалистической методики в частности можно будет объективно оценить по прошествии времени. Но уже сегодня можно с уверенностью констатировать влияние результатов проведенных научных исследований на преодоление кризисных явлений в криминалистике.

Развитие научных основ криминалистической методики все активнее сказывается и на процессе разработки новых и совершенствовании существующих частных методик расследования преступлений. В данном направлении в Академии управления МВД России за последние годы построили свои исследования: на соискание ученой степени доктора юридических наук А.В. Шмонин, на соискание ученой степени кандидата юридических наук М.М. Милованова, Н.Х. Айнетдонова, Г.В. Костылева, В.М. Прошин, Н.М. Тарасик, Б.С. Белеков, А.Н. Столбов, Е.Н. Шустиков, Е.С. Крамская, А.А. Бейшеева, М.В. Дульцев, О.В. Шлегель.

II. Понятийный аппарат криминалистической методики

Понятийный аппарат криминалистической методики образуют ряд категорий, среди которых важное значение имеют такие, как «криминалистическая методика», «частная криминалистическая методика», «криминалистические рекомендации».

Криминалистическая методика в настоящее время рассматривается в двух значениях: как часть науки криминалистики и как практическая деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

В первых учебниках по криминалистике не приводились определения криминалистической методики (методики расследования отдельных видов преступлений).

Авторы учебника по криминалистике 1968 г. полагали, что методика расследования отдельных видов преступлений (криминалистическая методика. — *А.Ш.*), является необходимой составной частью криминалистики, представляет собой ее завершающий раздел, в котором достижения криминалистической техники и тактики синтезируются применительно к задачам и особенностям расследования отдельных видов преступлений.

По мнению И.Ф. Герасимова, методика расследования отдельных видов и групп преступлений является структурной частью криминалистики, в которой на основе общих принципиальных положений рассматриваются методы и средства, применяемые в раскрытии и расследовании конкретных видов и групп преступлений с учетом их криминалистической характеристики и типичных следственных ситуаций.

Л.Я. Драпкин и В.Н. Карагодин, разделяя его позицию, определяют криминалистическую методику как структурную часть криминалистики, разрабатывающую на основе общих положений методы и средства для участников производства по делам об отдельных видах преступлений, с учетом их криминалистической характеристики и ситуационных факторов.

Перечисленные определения можно охарактеризовать как функционально обусловленные, т. е. акцент в них сделан на результат выполнения криминалистикой своей служебной (практической) функции, включающей средства и методы раскрытия и расследования преступления.

Р.С. Белкин под криминалистической методикой предложил понимать систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации, осуществлению расследования и предотвращению отдельных видов преступлений. Аналогичную позицию высказывают (В.П. Бахин, Ю.В. Гаврилин, А.П. Резван, М.В. Субботина, Н.Г. Шурухнов и другие). Например, В.П. Лавров полагает, что криминалистическая методика (или методика расследования отдельных видов преступлений) — это четвертый раздел науки, представляющий собой систему научных положений и рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения преступлений определенного вида.

О простоте и понятности определения Р.С. Белкина обоснованно пишет А.С. Шаталов.

Давая краткий анализ существующих определений криминалистической методики, можно отметить следующие обстоятельства.

Определения, в которых научные положения сводятся к методам и средствам, применяемым в раскрытии и расследовании конкретных видов и групп преступлений (И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин), не безупречны. Очевидно, что к задачам криминалистической методики относятся, помимо прочего, разработка теоретических положений частных криминалистических методик. В связи с этим определения рассматриваемой категории должны учитывать данные обстоятельства.

Различия между взглядами В.В. Агафонова с А.Г. Филипповым и Р.С. Белкина сводятся к использованию при определении рассматриваемой категории термина «организация». Дискуссионные аспекты данной проблемы будут рассмотрены в других разделах настоящей работы.

В некоторые определения криминалистической методики включаются вопросы профилактики (предупреждения, предотвращения) преступлений (Р.С. Белкин, Н.П. Яблоков, Н.М. Букаев, В.В. Яровенко и другие). Н.Г. Шурухнов обращает

внимание на данное обстоятельство и отмечает, что от правильного разрешения названного вопроса зависит надлежащее понимание содержания методики расследования как раздела науки криминалистики и как системы научно обоснованных рекомендаций, используемых в практической деятельности по расследованию преступлений. Представляется, что вопросы профилактики преступлений входят в криминалистику в целом, а также в структурные ее части, включая раздел методики расследования. Поэтому при более полном определении методики расследования желательно оттенить роль методики в профилактике преступлений. Тем более очевидно, что общие методические рекомендации должны охватывать профилактическую деятельность лица, занимающегося расследованием. Аналогичная позиция была высказана Н.П. Яблоковым, который считает, что криминалистические приемы и средства предупреждения органически входят в приемы и методы самого расследования.

Также можно обратить внимание, что некоторые авторы, например В.В. Агафонов, А.Г. Филиппов, Н.М. Букаев, В.В. Яровенко, включают в определение понятия криминалистической методики вопросы раскрытия преступлений. Не касаясь проблемы соотношения понятий расследования и раскрытия преступлений, следует согласиться с тем, что раскрытие является функцией или составной частью расследования. Значит, представляется возможным деятельность по раскрытию преступлений, так же как и деятельность по предупреждению преступлений, оттенить в определении криминалистической методики.

Следует согласиться с постановкой вопроса о том, что рекомендации должны носить научно обоснованный характер, но при этом излишне указывать на необходимость их соответствия процессуальному законодательству (И.А. Возгрин, Н.М. Букаев и В.В. Яровенко). Именно научно обоснованный характер и предполагает разработку рекомендаций по организации и осуществлению расследования, базирующихся на изучении закономерностей конкретных категорий преступлений и их расследования. Очевидно, что такие рекомендации должны соответствовать не только процессуальному законодательству, но и другим отраслям законодательства, а также научным положениям, разрабатываемым всеми разделами криминалистики.

Определения Р.С. Белкина, В.П. Бахина, Н.П. Яблокова, А.Г. Филиппова и некоторых других авторов раскрывают содержание криминалистической методики через систему научных положений. Представляется, что в методологических целях было бы целесообразно термин «система» заменить на термин «модель». Напомним, что под моделью понимается мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его таким образом, что исследование модели дает новую информацию об изучаемом объекте.

Таким образом, взяв за основу определение Р.С. Белкина, можно предложить под *криминалистической методикой* как разделом науки криминалистики понимать *информационную модель научно обоснованных положений и разработанных на их основе криминалистических рекомендаций по организации и осуществлению расследования определенной категории преступлений*.

На основе предложенного понятия криминалистической методики необходимо сформулировать дефиницию методики расследования отдельных разновидностей преступлений (частных криминалистических методик). При этом необходимо исходить из следующих положений.

1. В отличие от общих положений криминалистической методики частные методики — это типизированные модели методических (научно-практических) рекомендаций по организации и осуществлению расследования отдельных категорий преступлений.

2. Практически все авторы предлагают рассматривать методику расследования преступлений в качестве функционально-обусловленной системы. Акцент в существующих определениях сделан на результатах выполнения методикой расследования своих практических функций. Данный подход не вызывает возражений.

3. Методика расследования преступлений (частная криминалистическая методика) — это информационная модель определенных элементов, взаимозависящих и взаимоопределяющих. Эта модель, как и любая другая, обладает определенной структурой, т. е. взаимообусловленным расположением ее элементов.

Элементами этой модели являются научно обоснованные и апробированные практикой криминалистические рекомендации, касающиеся организации расследования, выбора и применения с учетом определенных обстоятельств технико-криминалисти-

ческих средств и криминалистических приемов. К сожалению, о понятии и содержании криминалистических рекомендаций до настоящего времени нет единого мнения.

В непосредственной связи с проблемой криминалистических рекомендаций находится предложение И.А. Возгина о разделении всех методик расследования по объему на полные и сокращенные — в зависимости от того, изложены в них рекомендации по проведению всего процесса расследования или только каких-то его этапов. Как представляется, такое понимание криминалистических рекомендаций не может удовлетворять потребности криминалистической теории и практики. Скорее, нужно согласиться с В.Е. Корноуховым, предлагающим различать собственно методику расследования как систему тактических задач и операций и методические рекомендации — как советы, правила, отражающие отдельные стороны процесса. При этом, отмечает Р.С. Белкин, комплекс частнометодических рекомендаций более высокого уровня обобщения, охватывающий несколько видов и даже родов преступных посягательств, должен отличаться от традиционных частных методик своей структурой и содержанием. По сути, они должны состоять из характеристики основания формирования комплекса и раскрытия особенностей методики расследования, которые обусловлены данной характеристикой и в которых она проявляется.

Соглашаясь в принципиальных подходах с позициями В.Е. Корноухова и Р.С. Белкина, необходимо отметить следующее. Во-первых, криминалистические рекомендации — это всегда советы и (или) правила по отдельным вопросам (аспектам) раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Во-вторых, криминалистические рекомендации не могут ни при каких обстоятельствах выступать в роли криминалистической методики (ее видов) или ее (их) заменять. В-третьих, «полноструктурная» криминалистическая методика (независимо от ее вида) должна включать комплекс (систему) криминалистических рекомендаций, объемлющих весь процесс раскрытия, расследования и предупреждения той разновидности преступлений, которые этой разновидностью определяются.

Таким образом, под *криминалистическими рекомендациями* можно понимать *научно обоснованные советы, правила по от-*

дельным аспектам (этапам, задачам, тактическим комплексам и т. п.) расследования преступлений.

4. Криминалистическая модель выступает как комплекс рекомендаций типизированного вида, отражающий типичные свойства расследования определенной группы преступлений. Основаниями для создания таких комплексов, по мнению Р.С. Белкина, служат:

– комплексный характер задач, решаемых в процессе расследования;

– необходимость разработки комплекса действий, предпринимаемых для решения этих задач;

– комплексное участие в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений в пределах своей компетенции, кроме следователя, работников органов дознания, экспертных учреждений и иных специалистов, представителей общественности;

– реально существующие связи и зависимости между рекомендациями.

По содержанию частные методики представляют собой описание условий и порядка расследования отдельных видов преступлений (И.А. Возгрин).

Таким образом, *частную криминалистическую методику (методику расследования преступлений)* можно определить как *информационную модель научно обоснованных криминалистических рекомендаций по организации и осуществлению расследования определенной категории преступлений.*

Внешне похожие термины «криминалистическая методика», «частная криминалистическая методика» и «криминалистическая методическая рекомендация» отличаются друг от друга своим содержанием. Первая — это самостоятельная заключительная часть науки криминалистики, вторая — криминалистические рекомендации по организации и осуществлению расследования определенной категории преступлений, а третья — отдельные советы и правила для работы по соответствующему уголовному делу.

Формирование частных криминалистических методик осуществляется в последние годы по двум основным направлениям:

1) совершенствование существующих и разработка новых методик. К последним относятся такие, которые связаны с появлением новых составов преступлений, посягающих, например,

на охраняемые информационные отношения, экономическую безопасность, экологию и др. Доработка существующих методик может быть вызвана появлением новых способов совершения и сокрытия преступлений, в частности с применением компьютерных систем, с изменением контингента субъектов преступных посягательств (возникновением организованных групп, сообществ).

Сложность в разработке новых частных криминалистических рекомендаций зачастую заключается в недостатке эмпирического материала. В таком случае, по меткому выражению В.П. Лаврова, необходимо сработать «на опережение»: попытаться, например, разработать частные методики расследования некоторых видов преступлений на основе хотя бы положений общей теории криминалистики и рекомендаций науки уголовного права, разумеется, со 100-процентным использованием тех крох следственной практики, которая имеется;

2) разработка частных криминалистических методик высокой степени общности, охватывающих несколько видов и даже родов преступлений, но совершаемых в специфичных условиях места и времени либо лицами, обладающими определенным признаком.

Кроме того, в литературе высказываются предложения, согласно которым частные методики следует максимально упрощать, освобождать их от избыточной информации, от нерешенных и дискуссионных положений. Такие адаптированные к практике методики и будут фактически представлять собой алгоритмы, т. е. программы действий следователя. Как подчеркивает Т.В. Аверьянова, ничего принципиально нового в этом требовании нет. Мы всегда рассматривали конкретную частную методику как типизированную программу действий следователя и всегда утверждали, что ее применение требует адаптации к условиям и особенностям конкретного акта расследования.

III. Структура частных криминалистических методик

Одно из направлений общенаучного принципа системности проявляется в определении структуры частных криминалистических методик. Данный вопрос важен еще и потому, что до настоящего времени он относится к числу дискуссионных. А это приводит к разному подходу при формировании частных методик расследования отдельных видов (категорий) преступлений и к естественным трудностям, с которыми сталкиваются органы расследования при их применении в практике.

По мнению ученых, в частности В.Е. Корноухова, Е.П. Фирсова, проблема структуры частных криминалистических методик и, как следствие, их содержания до сих пор остается не исследованной. Как представляется, чтобы найти оптимальное решение вопроса о структуре методики расследования преступлений (частной криминалистической методики), необходимо рассмотреть основные научные подходы при его конструировании и исследовать те положения, на основе которых может быть построена ее структура.

Обобщая существующие в литературе точки зрения по данному вопросу, следует отметить, что они имеют существенные отличия. Причем систематизация элементов этой структуры по группам затруднительна, так как авторы по-разному интерпретируют сами элементы. Тем не менее из всей совокупности можно выделить следующие элементы и определить частоту их встречаемости: криминалистическая характеристика преступлений (15), предмет доказывания или обстоятельства, подлежащие установлению (13), уголовно-правовая характеристика (2), особенности возбуждения уголовного дела (11), планирование расследования (10), программирование (алгоритмизация) расследования (3), особенности (тактика) профилактической (предупредительной) деятельности следователя (12), особенности первоначального этапа расследования (18), особенности последующего этапа рас-

следования (15), особенности заключительного (завершающего) этапа расследования (4), организация расследования (3), использование специальных знаний (6), особенности использования помощи общественности (3), взаимодействие (5), следственные ситуации (8), особенности тактики следственных действий (9), криминалистическая операция или комбинация (4), установление материального ущерба (1), тактический прием (1), выявление преступления до возбуждения дела (2), тактика предъявления обвинения (1).

Более детальный анализ точек зрения на структуру частной криминалистической методики позволяет сделать следующие выводы.

Многие авторы до настоящего времени рассматривают криминалистическую характеристику в качестве структурного элемента частной криминалистической методики. Наверное, это объясняется инертностью. Очевидно, что криминалистическая характеристика преступления является основой методик.

Невозможно согласиться с мнением о включении уголовно-правовой характеристики преступлений в структуру частных криминалистических методик (Л.А. Соя-Серко).

Те авторы, которые выделяют предмет доказывания (обстоятельства, подлежащие установлению) в самостоятельный элемент методики, как правило, предлагают рассматривать его вслед за криминалистической характеристикой преступлений (А.Г. Филиппов, В.А. Образцов и другие). Некоторые более осторожно подходят к разрешению последнего вопроса: либо объединяют криминалистическую характеристику преступлений и обстоятельства, подлежащие доказыванию, как бы в единый элемент структуры (Н.П. Яблоков), либо предлагают детализировать предмет доказывания применительно к криминалистической характеристике преступлений (Л.А. Соя-Серко), либо не выделяют обстоятельства, подлежащие доказыванию, из криминалистической характеристики преступлений, полагая, что их перечень также представляет собой один из видов справочной криминалистической информации, необходимой следователям и дознавателям для успешной организации уголовного преследования лиц, совершивших преступления (И.А. Возгрин).

Если руководствоваться тем, что частная криминалистическая методика является отражением процесса расследования, то согла-

ситься с такой постановкой вопроса (о месте предмета доказывания в структуре частной методики) невозможно. Любой процесс расследования начинается с уяснения первичной информации о расследуемом событии (следственная ситуация) и завершается установлением всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. В связи с этим целесообразно частные криминалистические методики начинать с рассмотрения типичных следственных ситуаций по той или иной категории уголовных дел (при этом следует иметь в виду, что они присущи каждому этапу расследования), а вопросы предмета доказывания (обстоятельства, подлежащие установлению) рассматривать как завершающий элемент структуры методики.

Некоторые авторы вопросы планирования вообще не включают в структуры частных криминалистических методик (А.Н. Васильев, Н.А. Селиванов, Л.А. Соя-Серко, Л.Я. Драпкин, В.В. Карагодин и другие) или рассматривают их после особенностей тактики первоначальных следственных действий (Н.П. Яблоков). Данное положение объясняется преобладанием продолжительное время в криминалистике мнения о том, что планирование характерно только для второго этапа расследования, когда в результате информации, собранной с помощью первоначальных следственных действий, возможно составление подробного письменного плана расследования.

В некоторых работах имеется указание лишь на программирование (алгоритмизацию) расследования (А.Г. Филиппов), в других — вопросы программирования и планирования рассматриваются отдельно (А.С. Шаталов).

Ряд авторов начинают изложение структуры частных криминалистических методик с указания особенностей возбуждения уголовного дела (А.Г. Филиппов, Л.А. Соя-Серко, Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин, Н.Г. Шурухнов и другие), а некоторые, наряду с этим, отдельно выделяют вопросы выявления или обнаружения признаков преступлений (И.Ф. Герасимов, Э.И. Бордиловский и другие). Представляется, что следует поддержать позицию А.Н. Васильева, согласно которой рассмотрение первичных материалов и возбуждение уголовного дела не должны относиться к частной криминалистической методике, если, конечно, не становится на путь подмены расследования проверкой.

Вопросы взаимодействия, использования специальных знаний и помощи общественности многие авторы не упоминают (Р.С. Белкин, А.С. Шаталов, Л.А. Соя-Серко), а если и излагают, то либо применительно к первоначальному или к последующему этапу расследования (И.Ф. Герасимов), либо безотносительно этапов расследования (А.Г. Филиппов – один из вариантов, Н.П. Яблоков, Е.П. Ищенко, А.А. Топорков и другие). Видимо, указанные вопросы (элементы) следует рассматривать применительно к каждому этапу предварительного расследования.

Некоторые авторы в структуре частной криминалистической методики выделяют в качестве самостоятельного элемента профилактическую работу следователя (Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов, С.В. Машков, И.А. Возгрин, Н.П. Яблоков, Н.Г. Шурухнов и другие), причем безотносительно к этапам расследования. По мнению Р.С. Белкина, частная криминалистическая методика не должна содержать раздела о профилактической работе следователя. Общие необходимые сведения о ней, считает он, должны содержаться в учении о принципах организации деятельности по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств, а все специфическое, характерное для данного вида преступлений – в их криминалистической характеристике.

Небольшое число авторов (Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин, С.Н. Чурилов и другие) выделяют заключительный этап расследования. В некоторых работах рассматриваются первоначальный, последующий и заключительный этапы, но в соответствующие структуры криминалистических методик включены и другие элементы (следственные ситуации, планирование и т. п.). В иных – отсутствует дифференциация на этапы расследования (М.В. Субботина, В.А. Образов, И.А. Возгрин и другие).

В последнее время появилась еще одна точка зрения на структуру частных криминалистических методик, которая не связана с перечисленными выше элементами. Так, В.К. Гавло предложил в криминалистической методике расследования как целостной информационно-познавательной системе, объединяющей процесс познания закономерностей совершения преступлений отдельных видов и установления всех обстоятельств, связанных с ними в ходе предварительного и судебного следствия, исследовать в качестве составляющих три подсистемы. В качестве первого, базового компонента в системе криминалистической методики

расследования преступлений, автор называет «криминалистическую характеристику преступлений». Второй, промежуточной, подсистемой криминалистической методики расследования он считает «криминалистическую характеристику предварительного расследования». Третьей, заключительной, подсистемой криминалистической методики расследования, по его мнению, является методика судебного следствия или «криминалистическая характеристика судебного разбирательства отдельного вида или группы преступлений».

Практически аналогичную точку зрения высказал Ю.Л. Бойко, выделив в структуре криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений три ее взаимосвязанных компонента, охватывающих характеристику деятельности, (а) преступников, (б) по дознанию и предварительному следствию, (в) суда по судебному разбирательству. Ее взаимосвязанными элементами, образующими полноструктурную криминалистическую методику расследования, могут стать: типовая криминалистическая характеристика вида или группы преступлений, отражающая систему знаний о преступной деятельности; типовая криминалистическая характеристика предварительного расследования вида или группы преступлений, отражающая систему знаний о методах предварительного расследования; типовая криминалистическая характеристика судебного следствия вида или группы преступлений, отражающая систему знаний о методах судебного следствия.

Представляется, что говорить о криминалистической характеристике судебного разбирательства отдельного вида или группы преступлений неверно. Процесс судебного разбирательства, хотя и связан с предварительным расследованием, не может быть объектом изучения науки криминалистики. Скорее, можно говорить о криминалистическом обеспечении процесса судебного следствия (разбирательства), использовании криминалистических рекомендаций при рассмотрении уголовных дел в суде.

В типовой структуре современной криминалистической методики С.Ю. Косарев в целях соответствия своему истинному предназначению в наиболее оптимальном варианте выделяет три блока структурных элементов. Первый – представляет собой криминалистическую характеристику данной категории преступлений (вместе с частным предметом расследования), второй – осо-

бенности отдельных этапов расследования, третий — особенности содержания работы следователя при расследовании изучаемой категории преступлений.

Очевидно стремление С.Ю. Косарева, как и В.К. Гавло с Ю.Л. Бойко, к универсификации структуры частных криминалистических методик. В то же время при такой постановке вопроса невозможно определить суть особенностей отдельных этапов расследования и содержания работы следователя, как и суть криминалистических характеристик предварительного расследования и судебного разбирательства.

Приведенная палитра мнений о структуре частных криминалистических методик свидетельствует о том, что до сих пор еще не разрешен настоящий вопрос. Однако ученые единогласны в том, что структура частной методики расследования имеет важное теоретическое и практическое значение.

1. Существует точка зрения, согласно которой нет и не может быть единой структуры методики расследования (частной криминалистической методики). Например, А.С. Шаталов считает, что анализ множества предлагаемых структур частных криминалистических методик, свидетельствует о бессмысленности дальнейшего поиска их единообразной структуры.

В.Е. Корноухов полагает, что методика по расследованию преступлений — это обусловленная противоречивым отношением между исходными ситуациями расследования и предметом доказывания система тактических задач и операций, направленных на формирование системы доказательств с целью установления промежуточных и (или) правовых целей расследования. Поэтому, утверждает он, любая методика должна отражать закономерности поисково-познавательных процессов при расследовании отдельных преступлений, следовательно, не может быть единой структуры методики. При этом В.Е. Корноухов приходит к правильному выводу, что любая методика по расследованию преступлений отражает типичный процесс, т. е. является типовой. Следовательно, можно и нужно создавать типичные методики, которые объединялись бы общими задачами и средствами их разрешения (операции, направленные на формирование системы доказательств), а значит, единой структурой, что, в свою очередь, предполагает построение таких методик по принципу системных уровней их структурных элементов.

А.С. Шаталов полагает, что, учитывая индивидуальный характер каждого расследуемого преступления, структура любой частной методики должна состоять из основных и дополнительных элементов — по аналогии с предметом доказывания по уголовному делу. Основные элементы — это те, которые, безусловно, включаются в структуру любой из частных методик в силу своего универсального характера. Дополнительные элементы — это составные части структуры, формирующие индивидуальный аспект (соответствующий виду или группе преступлений), предназначенный для удовлетворения организационных потребностей следствия, возникающих при расследовании конкретного преступления.

2. До настоящего времени в криминалистической литературе не вызывает сомнений постановка вопроса о частных криминалистических методиках, при этом практически все ученые-криминалисты согласны с тем, что структурные элементы таких методик являются типичными. Некоторые ученые, как несложно было убедиться, исходя, вероятно, из этих соображений, при определении элементов частных криминалистических методик применяют в разных интерпретациях термин «типичный». Такая постановка вопроса не вызывает возражений. Действительно, независимо от того, используется ли в методологических целях термин «типичный» относительно структурных элементов криминалистической методики или нет, они исследуются и систематизируются в науке криминалистике в типизированном виде. В то же время совокупность *типичных элементов* образует в итоге *частную* криминалистическую методику, что само по себе не может быть признано системным и логичным.

Высказанные соображения позволяют в методологических целях предложить «замену» традиционного названия криминалистической теории «*частные криминалистические методики*» на «*типичные криминалистические методики*».

3. Противоречивость современного представления о частных криминалистических методиках заключается, с одной стороны, в признании за ними статуса системы, адекватно отражающей систему процесса расследования конкретной категории преступлений, а с другой — разный подход к изложению структур частных криминалистических методик и процесса расследования.

4. До настоящего времени в криминалистических работах прослеживается основная тенденция построения структур мето-

дик расследования преступлений, связанная с так называемыми функциональными структурами частных криминалистических методик. Нам не встречались труды, в которых говорилось бы о временных структурах частных криминалистических методик, хотя учеными-криминалистами признается тот факт, что все методики должны адекватно отражать процесс раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Исключением являются работы С.Н. Чурилова (2009 г.). Представляется, что традиционное рассмотрение этапности процесса расследования безотносительно к структуре частных криминалистических методик, является нелогичным и малообоснованным. На основании приведенного анализа позиций по структуре частных методик расследования можно отметить, что в криминалистической литературе к настоящему времени рассмотрены: 1) в качестве принципа формирования частных криминалистических методик соответствие таких методик этапности процесса расследования преступлений; 2) в качестве элементов структуры частных криминалистических методик первоначальный, последующий и заключительный этапы расследования.

5. Частная криминалистическая методика – это модель определенных элементов, взаимосвязанных и взаимообусловленных. Она обладает определенной структурой, адекватной процессу расследования преступлений, в соответствии с которой ее элементы располагаются в определенной последовательности, образуя подсистемы.

Таким образом, представляется возможным предложить в качестве гипотезы функциональную и временную структуру частных криминалистических методик.

1. *Функциональная структура частных криминалистических методик* состоит из следующих элементов:

- а) следственной ситуации;
- б) планирования расследования, включая построение следственных версий;
- в) тактических комплексов;
- г) предмета доказывания (обстоятельств, подлежащих доказыванию).

Несложно убедиться, что данная структура основана (1) на исторической преемственности развития знаний о частных криминалистических методиках и (2) на представлении о частной

криминалистической методике как о *системной модели* расследования определенной категории преступлений.

Как и любая системная модель, частная криминалистическая методика имеет «вход» и «выход», а также средства преобразования объекта из исходного состояния в желаемое. Следуя научной преемственности развития знаний о структуре частных криминалистических методик, исходным состоянием расследования, или «входом» в систему расследования, является следственная ситуация, которая и предопределяет средства (в широком смысле) преобразования такой ситуации в предмет доказывания или «выход» из такой системы.

Таким образом, не рассматривая подробно каждый элемент предложенной функциональной структуры частных криминалистических методик, необходимо дать следующие краткие дополнительные пояснения.

Во-первых, следует окончательно признать, что частная криминалистическая методика не может включать в качестве структурного элемента криминалистическую характеристику преступлений или смежные научные категории (преступную деятельность, механизм преступления, механизм преступной деятельности, модель преступления и т. п.). Наряду с криминалистической классификацией, такую характеристику, скорее, надо рассматривать как основу разработки частных криминалистических методик¹, но не в качестве ее элемента.

Во-вторых, следственная ситуация (в узком смысле слова) в структуре частной криминалистической методики выступает в роли «входящего» объекта системы методики расследования, который подлежит изменению путем воздействия на него различными средствами (ресурсами), имеющимися в распоряжении органа расследования.

В-третьих, планирование расследования и тактические комплексы могут рассматриваться в качестве тактических средств (ресурсов) частных криминалистических методик. Под средствами расследования понимаются (а) различные устройства, приспособления или приборы, аппаратура, оборудование, инструменты, принадлежности и материалы, применяемые для

¹ Прямо высказывались о рассмотрении криминалистической характеристики преступлений как основы частных методик расследования преступлений другие ученые (В.П. Лавров, В.П. Бахин и другие).

собираения и исследования доказательств (научно-технические или технико-криминалистические средства); (б) приемы, способы, методы, правила применения приборов, оборудования, инструментов и пр.; (в) приемы, т. е. способы действия или линия поведения, следователя при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств (тактико-криминалистические или тактические средства).

В-четвертых, планирование расследования, как элемент частных криминалистических методик, неразрывно связано с построением следственных версий. В связи с этим представляется, что последние можно рассматривать как элемент системы планирования расследования, т. е. как следующий уровень структуры частных криминалистических методик.

В-пятых, к тактическим комплексам следует относить процессуальные и иные действия (мероприятия) и (или) их комплексы. Данные тактические комплексы в системе частных криминалистических методик выступают, как было отмечено, в качестве средств (ресурсов), которые орган расследования может использовать в деятельности (технологии) по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Тактический комплекс, являясь структурным элементом частной криминалистической методики, имеет, в свою очередь, собственную структуру. Функциональную структуру могут составлять следующие элементы: специальная криминалистическая и иная техника, материалы, оборудование; переданные органу расследования силы (например, сотрудники подразделений ФСЭНП, уголовного розыска, СОБР и т. п.); специалисты и (или) эксперты и т. п. Временную структуру составляют этапы процесса реализации процессуальных и иных действий (мероприятия) и (или) их комплексов.

В-шестых, предмет доказывания (обстоятельства, подлежащие доказыванию) предлагается рассматривать в качестве элемента системы частных криминалистических методик как «исходящий» объект, цель расследования. При этом следует иметь в виду, что доказыванию могут подлежать и обстоятельства, оправдывающие подозреваемого или обвиняемого. В этом случае они также будут выступать в роли «исходящего» объекта системы частных криминалистических методик.

Таким образом, систему частных криминалистических методик можно представить в виде триады: следственные ситуации —

тактические средства — обстоятельства, подлежащие доказыванию. Каждый элемент настоящей триады имеет свою структуру (функциональную и временную).

II. В целях аргументированного обоснования *временной структуры частных криминалистических методик* следует рассмотреть взгляды ученых-криминалистов на этапность процесса расследования преступлений, что само по себе отвечает принципу преемственности научного знания.

Под этапом расследования, как удачно сформулировал И.М. Лузгин, понимается такой его элемент, который представляет собой взаимосвязанную систему действий, объединенных единством задач, условиями расследования, спецификой криминалистических приемов. При этом автор отмечал, что этапы (части) и отдельные следственные действия составляют структуру расследования.

Следует согласиться с позицией, согласно которой этапы расследования отличаются друг от друга по:

- типовым следственным ситуациям, имеющим доминирующее значение;
- роли версий для расследования, основным особенностям их построения и проверки;
- объему и содержанию исходных данных, имеющихся в распоряжении следователя на начало этапа;
- основным задачам, решаемым на соответствующем этапе;
- основной направленности деятельности участников расследования;
- условиям производства предварительного следствия, определяющим характерные особенности осуществления процессуальных и оперативно-розыскных действий (Е.П. Ищенко, А.А. Топорков).

В настоящее время в криминалистической литературе существуют разные точки зрения по вопросу периодизации расследования. Так, И.Н. Якимов выделял три этапа (периода) в расследовании: а) установление существенного состава преступления, его раскрытие; б) собирание и оценку улик; в) обследование предполагаемого виновника. В.И. Громов называл также три этапа, но определял их следующим образом: принятие дела к производству («приступ к расследованию»); группировка и оценка собранного материала, которым изобличается подозреваемый (определяющий момент предъявления обвинения); обобщение всего мате-

риала по законченному расследованию. На шесть этапов дифференцируют предварительное расследование М. Строгович и И.Д. Перлов.

В последующем в криминалистике наиболее распространенной стала точка зрения о двух этапах расследования. Согласно данной теории, первый этап расследования был сопряжен с моментом принятия следователем дела к своему производству и до решения вопроса о привлечении в качестве обвиняемого, а второй — с момента предъявления обвинения и до окончания предварительного расследования. Такая периодизация совпала с суждениями процессуалистов.

И.А. Возгрин отмечал, что третий этап должен начинаться с момента прекращения следственных действий, направленных на собирание, исследование и оценку новых доказательств, и заканчиваться направлением дела прокурору или вынесением постановления о прекращении уголовного дела. Н.К. Кузьменко определил границы первого этапа от возбуждения уголовного дела до производства последнего неотложного действия или передачи дела по подследственности (неотложный этап). Второй этап охватывает производство всех остальных следственных действий до привлечения в качестве обвиняемого. Третий — посвящен сбору дополнительных доказательств после допроса обвиняемого с целью обеспечения дальнейших задач уголовного судопроизводства. Заканчивается он составлением обвинительного заключения.

А.К. Гаврилов выделил следующие этапы расследования: производство первоначальных неотложных следственных действий; дальнейшее расследование с целью выявления оснований для предъявления обвинения; окончание расследования. Следует отметить, что понятие первоначальных следственных действий, как справедливо указывает Н.П. Яблоков, является криминалистическим, а неотложных следственных действий — и криминалистическим, и уголовно-процессуальным. Оба эти понятия могут совпадать и не совпадать. В большинстве случаев, как замечает Р.С. Белкин, неотложные следственные действия осуществляются на начальном этапе расследования, и тогда эти понятия совпадают. Но неотложный характер может приобрести любое следственное действие и на любом этапе расследования, в частности обыск в месте, указанном лицом, после предъявления ему обвинения, наложение ареста на денежные средства и иное иму-

щество, о котором стало известно органу расследования, например, к моменту окончания производства по делу и т. д.

Очевидно, основываясь на позиции А.К. Гаврилова, некоторые авторы, дифференцируя предварительное расследование на первоначальный, последующий и заключительный этапы, полагают, что первоначальный этап завершается после получения данных, дающих основание подозревать конкретное лицо в совершении преступления, и его допроса в качестве подозреваемого (Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин).

В настоящее время большинство ученых, исследующих методику расследования преступлений, как правило, придерживаются последней приведенной периодизации расследования (начальный, последующий и заключительные этапы расследования).

В то же время иногда можно встретить и другую позицию. Так, А.Г. Филиппов, являясь сторонником двухэтапной структуры расследования, констатирует, что на основе обобщения многолетнего опыта криминалисты пришли к выводу о фактическом делении расследования преступлений, как правило, на два этапа — первоначальный и последующий. Эти этапы расследования различаются между собой, по его мнению, не только задачами, стоящими перед следователем в ходе каждого этапа. На первоначальном этапе следователь обычно работает в очень напряженном ритме, характерном для расследования преступлений по горячим следам, без письменного плана, поскольку в этот момент его некогда составлять. На последующем этапе темп работы следователя несколько снижается. Границей между первоначальным и последующим этапами нередко становится момент, когда следователь, выполнив неотложные следственные действия и собрав значительный доказательственный материал, приступает к его анализу и составлению развернутого плана расследования по делу. Конечно, эта граница является условной; первоначальный этап, например, может закончиться после задержания подозреваемого, получения какого-либо важного доказательства, определяющего дальнейшее направление расследования, и т. д.

Принять такую постановку вопроса не представляется возможным по следующим основаниям. Во-первых, аргументов против трехэтапной структуры расследования А.Г. Филиппов не приводит. В связи с этим имеются определенные сложности в понимании высказанной позиции. Во-вторых, границы первоначального и последующего этапа становятся «размытыми», что

отрицательно может сказаться на формировании криминалистических рекомендаций расследования преступлений.

Соглашаясь с изложенным подходом периодизации, предложенным Р.С. Белкиным, хотелось бы высказать ряд соображений по конкретизации трехэтапной периодизации расследования, а значит, и временной структуры частных криминалистических методик. Ведь для целей теоретических исследований и практического применения положений частных криминалистических методик необходимо определить границы каждого этапа предварительного расследования, основываясь на положениях уголовно-процессуального законодательства. Далее нужно разрабатывать в рамках частных криминалистических методик конкретные типичные тактические комплексы (операции), которые соответствовали бы каждому этапу расследования. А выделение предварительного («нулевого») этапа расследования является важным не только в чисто методологическом плане, но и в практической деятельности.

Постановка вопроса о выделении предварительного («нулевого») этапа расследования, а точнее — уголовного судопроизводства (стадия возбуждения уголовного дела), обусловлена значимостью доследственной проверки, так как создает основу для успешного и эффективного расследования. Этот период связан с деятельностью органа расследования или других органов либо их должностных лиц по рассмотрению сообщения о преступлении и принятию по нему законного и обоснованного решения, а именно:

- о возбуждении уголовного дела;
- об отказе в возбуждении уголовного дела;
- о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения — в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

Таким образом, *первоначальный (первый) этап временной структуры частных криминалистических методик*, как представляется, начинается с момента возбуждения уголовного дела и оканчивается привлечением лица в качестве обвиняемого. *Последующий (второй) этап* — соответственно начинается после предъявления обвинения и заканчивается моментом, когда процессуальные действия по уголовному делу произведены, а собранных доказательств достаточно для составления обвинительного заключения (акта), или моментом прекращения производства по уголовному

делу. *Заключительный (третий) этап* — начинается с момента окончания предыдущего этапа и заканчивается направлением материалов уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения (обвинительного акта).

Момент окончания первоначального и начало последующего (второго) этапа временной структуры частных криминалистических методик — это вопрос факта, связанного с привлечением лица в качестве обвиняемого, т. е. конкретного акта расследования. Следует отметить, что по действующему законодательству предварительное расследование в форме дознания не предусматривает стадию привлечения лица в качестве обвиняемого. Функции акта — постановления о привлечении в качестве обвиняемого — выполняет обвинительный акт, в котором формулируется обвинение и приводятся доказательства, которые изобличают лицо или лиц в совершении преступления и которые впоследствии должны быть исследованы судом. Таким образом, можно предположить, что предварительное расследование в форме дознания не имеет последующего (второго) этапа расследования, при этом первоначальный этап логически переходит в заключительный.

На *последующем (втором) этапе* осуществляется детальная проверка оснований обвинения, выявляются все соучастники и все эпизоды преступной деятельности, изучаются все связи между элементами состава преступления, выясняются также все обстоятельства, способствующие совершению преступления. Учитывая дополнительное значение обстоятельств, способствующих совершению преступления, по отношению к обстоятельствам, перечисленным в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, законодатель устанавливает необходимость их выяснения, а не доказывания посредством доказательств.

Этот этап оканчивается, как было указано, моментом, когда следственные действия по уголовному делу произведены, а собранных доказательств достаточно для составления обвинительного заключения, либо моментом прекращения производства по уголовному делу.

Содержание *заключительного этапа временной структуры частных криминалистических методик* могут составлять следующие действия (мероприятия):

— процессуальные действия по завершению производства расследования, такие, как уведомление об окончании следственных действий защитника, законного представителя обвиняемого, если

они участвуют в уголовном деле, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей; ознакомление указанных лиц с материалами уголовного дела, включая вещественные доказательства; разрешение ходатайств и заявлений; выяснение у обвиняемого и его защитника, какие свидетели, эксперты, специалисты подлежат вызову в судебное заседание для допроса и подтверждения позиции стороны защиты; составление протокола об ознакомлении с материалами уголовного дела; составление обвинительного заключения (обвинительного акта) и справки о сроках следствия, об избранных мерах пресечения, вещественных доказательствах, гражданском иске, принятых мерах по обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имущества, процессуальных издержках, а при наличии у обвиняемого и (или) потерпевшего иждивенцев — о принятых мерах по обеспечению их прав; направление уголовного дела прокурору;

— организационно-технические мероприятия, необходимые для завершения расследования (оформление материалов уголовного дела; производство копий обвинительного заключения и т. д.).

В то же время дополнительные следственные действия, производимые по ходатайству обвиняемого или его защитника, указанию надзирающего прокурора или начальника следственного органа либо по определению суда, а также повторные следственные действия, проводимые по тем же основаниям, в связи с возобновлением производства по приостановленному или прекращенному делу, возвращением дела со стадии судебного разбирательства или после отмены приговора, не относятся к содержанию заключительного этапа. Представляется, что повторные следственные действия при возвращении уголовного дела прокурором (судом) могут проводиться со второго этапа либо повторные действия проводятся только на заключительном этапе. Дополнительное расследование включает в себя проведение дополнительных, т. е. ранее не проводившихся, следственных действий, поэтому всегда начинается со второго этапа.

IV. Классификация частных криминалистических методик

Развитие представления о классификации частных криминалистических методик неразрывно связано с уголовно-правовой наукой, которая наложила определенный отпечаток на ее понятийный аппарат, теоретические концепции, проблемы и пути их решения. С одной стороны, ориентация на уголовное законодательство, принципы уголовного права принесли немалую пользу, особенно на этапе становления методики расследования как отрасли криминалистической науки. С другой — механическое перенесение положений указанной науки сыграло роль сдерживающего фактора развития криминалистической методики расследования. Все это непосредственным образом сказалось на генезисе и первоначальном этапе развития представлений о классификации методик расследования преступлений.

Необходимость уголовно-правовой классификации преступлений (по родовому, видовому, непосредственному объекту), которая пригодна для решения ряда криминалистических и процессуальных задач, не подвергается сомнению, тем не менее распределение объектов в зависимости от объекта посягательства по главам Особенной части Уголовного кодекса, обоснованное с уголовно-правовых позиций, далеко не во всех случаях должным образом обеспечивает гносеологические потребности криминалистической науки и практики.

Так, расследование незаконного получения банковского кредита (ст. 176 УК РФ) и мошенничества, связанного с кредитными средствами коммерческих банков (ст. 159 УК РФ), осуществляется на базе применения одних и тех же криминалистических и процессуальных средств, методов и методик. Однако в соответствии с уголовно-правовой классификацией приведенные составы преступлений помещены в разные главы Уголовного кодекса РФ. И наоборот, ряд видов преступлений, процессуальные и криминалистические средства, методы (методики) расследования кото-

рых значительно отличаются, помещены в одну главу Уголовного кодекса РФ. Показательными в этом смысле являются методики расследования преступлений, которые предусмотрены гл. 22 УК РФ («Преступления в сфере экономической деятельности») и имеют принципиальные различия.

Представляется оправданным при классификации методики расследования преступлений правильное сочетание критериев уголовного, процессуального и других отраслей права (гражданского, финансового, банковского и т. п.). Уголовно-правовые критерии не в состоянии обеспечить учет всех особенностей, которые имеют значение в деятельности органов расследования. Это объясняется прежде всего тем, что в уголовно-правовых нормах отражены лишь те признаки и свойства преступлений, которые существенны с позиций уголовного законодательства. В них, в частности, не учитываются: многочисленные криминалистические и процессуальные особенности обстоятельств, подлежащих доказыванию; положения тех отраслей права, которые регулируют многочисленные объекты преступного посягательства, на которые они распространяются; признаки способов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений и т. п.

Рассмотрение существующих позиций относительно классификаций частных криминалистических методик позволяет сделать вывод об отсутствии единства по данному вопросу.

Научные изыскания И.А. Возгина помогли ему построить следующую классификационную структуру частных криминалистических методик.

1. По предназначению все частные методики подразделяются на три группы:

— общая криминалистическая методика расследования преступлений как научно обоснованная теоретическая модель;

— групповые методики расследования преступлений, в которых разрабатываются комплексы методических рекомендаций следователям по организации и проведению расследования отдельных групп преступлений, объединенных общностью существенных их признаков;

— частные методики расследования преступлений, содержащие криминалистические методические рекомендации следователям по организации и осуществлению расследования отдельных видов преступлений.

2. По уровню конкретизации рекомендаций частные методики расследования преступлений подразделяются на одноступенчатые и более подробные, т. е. многоступенчатые.

3. По используемым в частных методиках расследования преступлений научным знаниям они бывают:

— собственно криминалистические, т. е. разрабатываемые на основе криминалистических знаний;

— комплексные, включающие не только криминалистические рекомендации, но и разделы из наук уголовного права, уголовного процесса, судебной медицины и психиатрии, теории оперативно-розыскной деятельности и других отраслей научного знания.

4. В зависимости от полноты исследования процесса организации расследования преступлений частные криминалистические методики подразделяются на:

— полные, в которых содержатся методические рекомендации по организации расследования на всех этапах работы по уголовным делам, от предварительного до заключительного;

— сокращенные, частично определяющие порядок расследования какого-либо преступления.

5. По авторской принадлежности групповые и частные методики расследования преступлений могут быть:

— официальными, т. е. разработанными должностными лицами соответствующих подразделений правоохранительных ведомств;

— доктринальными, разработка которых осуществляется инициативно специалистами в области криминалистики.

6. По своей форме групповые и частные методики расследования преступлений могут быть в виде методических писем и разъяснений, практических и учебных пособий, учебников, диссертационных исследований, монографий, методических справочников и иных книг.

Кроме прочих классификаций И.А. Возгрин отдельно предлагает деление методик по охватываемым видам преступлений на единичные и комплексные. К первым — относятся методики расследования конкретных видов преступлений. Комплексными он называет методики расследования двух и более преступлений.

Как представляется, приведенные классификационные системы частных криминалистических методик не лишены

недостатков. Так, справедливо критикуя данную позицию, В.Е. Корноухов пишет, что методика всегда типична, без этого нет методики. Выделение особенных методик вообще приведено некорректно, поскольку отсылка автора по каким-либо иным основаниям свидетельствует о том, что И.А. Возгрин не видит как оснований, так и специфики таких методик. То же самое можно сказать и относительно других классификационных систем, предложенных И.А. Возгриным. Дифференцируя на общую, групповые и частные методики, И.А. Возгрин входит в известное противоречие. Коль скоро все криминалистические методики имеют единое происхождение, единую структуру, то о каких теоретических обобщениях, выводах и положениях о сущности и создании этого «продукта» (общей методики), предназначенных для «специалистов», можно говорить в отрыве от структуры методик и непосредственных их потребителей (органов расследования). Сама постановка вопроса о существовании структур криминалистических методик, отличных от единой, порождает, как минимум, два вопроса: если объекты исследования имеют разные структуры, то всегда ли они принадлежат к одному классу? в каком соотношении находятся объекты с разными структурами, а значит, взаимосвязями и взаимообусловленностью? Ответа на эти вопросы в работах И.А. Возгрина нет. Кроме того, относя методики расследования отдельных групп преступлений к так называемым групповым, автор вступает в противоречие с самим собой, выраженное в том, что эти же методики, согласно другой его системе классификации, отнесены к «особенным частным методикам расследования преступлений».

Дифференциация частных методик расследования преступлений на собственно криминалистические и комплексные, также небесспорна. Не случайно И.В. Возгрин не приводит примеры, которые иллюстрировали бы возможность «собственно криминалистических» методик.

Не совсем точно подразделять частные (групповые) методики по авторской принадлежности и форме, так как, по существу, классификации подлежат не методики, а их происхождение и форма изложения.

Отмечая дискуссионные аспекты приведенных И.А. Возгриным классификационных систем частных криминалистических методик, все же необходимо обратить внимание

на рациональное зерно, которое состоит в том, что автор признает наличие методик разной степени обобщенности, сочетающих в себе уголовно-правовое и иные криминалистически значимые основания классификации методик.

Тенденция, обозначенная в позиции И.А. Возгрина на разные подходы к определению оснований классификации методов, нашла подтверждение в многочисленных криминалистических работах. Детализация видовых методик в зависимости от особенностей преступной деятельности подсказала необходимость рассматривать в качестве самостоятельных разновидности методик расследования краж из квартир, магазинов, на транспорте, в городской и сельской местности и т. п. Кроме того, как отмечает В.П. Бахин, стали выдвигаться предложения о построении методик расследования по иным криминалистически значимым основаниям, например:

а) характеру первичной информации, обуславливающему специфику набора необходимых следственных действий и их содержания;

б) видам отражения преступных действий в учетных документах, в иных материальных и идеальных следах;

в) способу совершения преступлений, используемым орудиям и средствам их совершения;

г) степени сокрытия и маскировки преступления, наличия у виновного преступного опыта;

д) личности преступника и потерпевшего и др.

В связи с этим В.П. Бахин предложил следующую структуру криминалистических методик: основные (общие положения) методики; видовые и внутривидовые методики; вневидовые и групповые методики. Как несложно убедиться, предложение В.П. Бахина нельзя отнести к классификационной системе криминалистических методик, хотя бы только потому, что общие положения не могут быть элементом структуры такой классификационной системы.

В.Е. Корноухов, исследуя вопросы классификации методик, на основании закономерностей познавательных процессов при расследовании преступлений выделил классы методик («причинные отношения», «пространственно-временные отношения», «хозяйственно-экономические отношения» и т. д.). Каждый класс на основе общности объекта посягательства, в свою очередь, под-

разделил на отдельные роды, а последние — на виды, т. е. на частные методики. Представляется, что данная классификация является в достаточной степени сложной. При этом автор допускает логические ошибки при построении системы классификации. Так, по его мнению, видовая методика — это система тактических задач и операций, отражающих специфику процессов расследования, которые обусловлены отдельным составом или рядом смежных составов преступлений и характером преступных последствий. Как известно, в уголовном праве принято классифицировать объекты на родовой, видовой и непосредственный, а последний — на основной и дополнительный (факультативный). Поэтому непонятно, по какому принципу автор выделил видовую методику. Одновременно следует отметить, что позиция В.Е. Корноухова по поводу отнесения частной методики к элементам видовой, отражающей через систему тактических задач и операций особенности процесса расследования, обусловленные общественно опасными последствиями и изменениями в состоянии предмета преступного посягательства, также небесспорна. Фактически автор отождествил видовой и частный методы расследования.

Однако подход В.Е. Корноухова к разрешению рассматриваемой проблемы представляется интересным и важным в части выделения в самостоятельные группы межродовых и межвидовых методик (например, методики расследования сексуально-садистских убийств), а также отдельной общности межклассовых методик (например, методики расследования контрабанды, которая может быть связана с хищением нефтепродуктов, незаконным оборотом наркотических средств и т. п.).

В последующих работах В.Е. Корноухов уточнил предложенную им классификацию, отметив, что более обоснованной является классификация методик на родовые (родовые задачи) и на межродовые. Родовые, в свою очередь, подразделяются на видовые и межвидовые. Видовые же методики можно классифицировать на систему частных.

С.Ю. Косарев, развивая идеи И.А. Возгина, все криминалистические методики дифференцировал на типичные и особенные. Под типичными он предложил понимать методики, построенные по категориям преступлений, установленным действующим уголовным законодательством в соответствии со структурными

элементами Особенной части УК; под особенными — методики, построенные по другим основаниям.

Все типичные методики автор делит на шесть парных (симметричных) подразделов. Одни из этих методик выделяются только по определенным уголовно-правовым критериям, а другие — аналогично по тем же уголовно-правовым критериям и дополнительно с учетом определенного криминалистического критерия.

Исходя из тезиса о том, что в основу классификации методик расследования могут быть положены только такие криминалистические критерии, которые определяют специфику расследования, независимо от того, совпадают они с уголовно-правовыми или нет, О.В. Чельшева предложила все криминалистические методики, выделяемые по одному из признаков, относить к методикам первой ступени (или уровня) — как наиболее общие, а методики, выделяемые на основании двух и более признаков, — к методикам второго, третьего и т. д. уровня (более частные).

Кроме перечисленных классификационных систем частных криминалистических методик в литературе можно обнаружить множество других. Обобщая предлагаемые классификации, следует отметить следующее.

I. Независимо от предлагаемых классификационных систем криминалистических методик все авторы единодушны в том, что:

1) при построении классификаций криминалистических методик необходимо учитывать уголовно-правовую классификацию. В связи с этим уместно вспомнить слова Р.С. Белкина: мы глубоко убеждены в том, что в основе системы частных криминалистических методик (но не их разновидностей) должна лежать уголовно-правовая квалификация преступлений. Частная криминалистическая методика, построенная только на основе уголовно-правовой характеристики преступления, носит общий характер и требует для своего конкретного применения высокой степени адаптации, поскольку учитывает лишь самые общие криминалистические особенности преступлений. Однако неверно делать из этого вывод о ненужности для криминалистики уголовно-правовой квалификации преступлений. Без уголовно-правовой квалификации совокупность частных криминалистических методик утратила бы признаки системы, проследить связь между методи-

ками оказалось бы невозможным из-за отсутствия основания их группировки, потребовалась бы разработка для каждой методики в отдельности того, что есть общего у их вида или рода, нарушилась бы логическая последовательность адаптации по принципу от общего к отдельному, а от последнего — к особенному;

2) классификация криминалистических методик должна корреспондироваться с криминалистической классификацией преступлений, которая, в свою очередь, имеет разные основания (объект преступления, предмет и (или) средство преступления, субъект преступления (личность преступника) и т. п.), определяемые уголовно-правовой характеристикой, предметом доказывания и иными характеристиками таких преступлений;

3) современное представление о системе классификации криминалистических методик связано с пониманием необходимости включения в такие системы методик, которые комплексуются по разным основаниям и объединяют несколько различных групп методик расследования преступлений.

Таким образом, при классификации криминалистических методик необходимо сочетать уголовно-правовые и криминалистические критерии (признаки), а также выделять в различные группы частные криминалистические методики укрупненных групп преступлений (комплексные частные криминалистические методики).

II. Наличие общих подходов при построении классификационных систем криминалистических методик тем не менее не разрешает проблему построения таких систем вследствие следующих причин.

1. Использование разного терминологического аппарата при определении классификационных групп криминалистических методик. Зачастую авторы говорят об одном и том же, но дают разные названия, что, безусловно, неприемлемо. Любая наука отличается единым терминологическим аппаратом, что придает ей стройность и системность. Определение одних и тех же объектов (явлений, процессов) разными наименованиями ничего, кроме путаницы, не вносит.

2. Классификационные системы построены без четких и конкретных критериев, в частности не определены степени общности классификационных групп.

3. Предлагаемые классификации нередко лишены системы (диалектической взаимосвязи целого и его частей). Причем такие классификации (а) либо являются простым перечислением тех или иных разновидностей криминалистических методик, (б) либо имеют «пробелы» (системы не охватывают всех разновидностей криминалистических методик) или «нахлесты» (одна разновидность криминалистической методики частично пересекается с другой, т. е. одну и ту же методику можно отнести к двум или более классификационным группам одного уровня).

4. В классификационные системы криминалистических методик включаются классификации криминалистических рекомендаций, что не может быть признано приемлемым.

5. Отсутствуют, как правило, попытки классифицировать комплексные методики расследования преступлений.

Таким образом, обобщение перечисленных и иных замечаний позволяет констатировать, что до настоящего времени в науке криминалистике отсутствует единая, полная, непротиворечивая и научно обоснованная классификационная система криминалистических методик, что имеет ряд отрицательных последствий, а именно: не дает возможности (1) системно исследовать проблемы криминалистических методик; (2) разрабатывать конкретные методики расследования преступлений; (3) наиболее эффективно и целенаправленно применять имеющиеся (разработанные) методики в практической деятельности органов расследования.

С учетом выделенных общих подходов к построению классификационных систем частных криминалистических методик предлагается два блока, каждый из которых имеет свои уровни. При этом следует оговориться, что предлагаемые названия классификационных групп методик носят условный характер, в связи с чем подлежат отдельному обсуждению. Смысл (цель) предлагаемой классификационной системы сводится к попытке устранить отмеченные в настоящей работе недостатки существующих классификационных систем частных криминалистических методик.

Первый блок частных криминалистических методик охватывает две классификационные группы: «простые» и комплексные. Каждая из этих групп имеет свои уровни. Так, комплексные дифференцируются на «монообъектные» (однообъектные) и «полиобъектные» (многообъектные).

«Монообъектные» подразделяются на «монородовые», «моновидовые», «моносоставные»; «полиобъектные» — «полиродовые» и «поливидовые». Одновременно «простые» криминалистические методики также могут дифференцироваться на «монородовые», «моновидовые», «моносоставные», в связи с чем классификационная система будет сходиться на общих разновидностях «простых» и «монообъектных» комплексных методик.

Характеризуя критерии перечисленных уровней классификационной системы криминалистических методик, необходимо отметить следующее.

Верхний уровень классификационной системы, как, впрочем, и весь приведенный классификационный блок (первый блок), определяется объектом посягательства, так как любая разновидность преступлений, методики расследования которых разрабатываются, predetermined именно этим элементом. Иначе говоря, в зависимости от объекта посягательства преступниками избираются средства (способ, время, место, орудия преступления и т. п.). И наоборот, методики расследования преступлений, определяемые, например, способом таких преступлений, в любом случае будут отражать объект посягательства. Данное обстоятельство и предусмотрено следующими уровнями второго блока классификационной системы.

Второй и следующие уровни первого блока классификационной системы определяются количеством объектов преступного посягательства и их уголовно-правовой классификацией. Данные уровни классификационной системы содержат ставшие традиционными группы методик, объединенных разнородовыми и разновидными объектами преступлений, а также некоторые методики расследования, которые объединены однородовыми и одновидовыми объектами. Такой подход представляется обоснованным, хотя бы только потому, что так называемые родовые и видовые методики могут представлять собой не что иное, как комплексные методики. В этих случаях такие методики обнимают разные составы преступлений с индивидуально-определенными непосредственными объектами, ответственность за которые предусмотрена соответственно в Особенной части Уголовного кодекса РФ, и претендуют на известную общность.

«Простые» методики направлены на расследование однообъектных преступлений, в связи с чем второй и следующие уровни

классификации (первого блока) у данной разновидности криминалистических методик будут совпадать с классификацией «монообъектных» комплексных методик, а также дополняться третьей разновидностью, определяемой непосредственным объектом преступного посягательства, — «простая моносоставная» («непосредственные») частная криминалистическая методика.

В данном месте следует сделать отступление, чтобы обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, структура Особенной части Уголовного кодекса РФ построена так, что некоторые главы образуют самостоятельные разделы, что позволяет констатировать о совпадении родового и видового объекта преступного посягательства. Несмотря на это, надо признать обоснованным дифференциацию методик расследования преступлений (частных криминалистических методик) в зависимости от этих разновидностей объектов. Во-вторых, предложенная классификационная система не содержит разновидностей «монообъектных» комплексных криминалистических методик по непосредственному объекту преступления. Остановившись на предложенном варианте, необходимо учитывать, что непосредственный объект одного состава преступления, хотя и содержит в некоторых случаях два и более непосредственных (факультативных) объекта, тем не менее говорить о комплексности криминалистических методик не приходится, так как в этом случае частная криминалистическая методика обнимает один-единственный («простой») состав преступления, который и определяет криминалистическую методику его расследования. В-третьих, еще раз хотелось бы заметить, что названия приведенных разновидностей криминалистических методик первого блока классификационной системы не претендуют на единственно правильные. Задача состоит в построении такой системы, в которой отсутствовали бы или были бы сведены к минимуму, выявленные в процессе настоящего исследования недостатки.

Второй блок классификационной системы начинается с уровня, в котором «сходятся концы» «простой» и комплексной криминалистических методик, и определяется отдельными криминалистическими элементами преступлений. Последние, в свою очередь, тесным образом связаны с элементами состава преступления, предмета доказывания и другими существенными характеристиками каждого в отдельности криминалистически

значимого элемента преступлений (существенного элемента и (или) его проявлений). Например, для методик расследования преступлений, совершаемых с использованием банковских технологий, криминалистические элементы таких преступлений будут определяться, в том числе, экономикой и правовой характеристикой самих банковских технологий.

Таким образом, криминалистические методики второго блока можно классифицировать по способу преступления, личности преступников и (или) характеристике их преступных образований (групп), предмета преступления, средства преступления и т. п.

Следующий уровень классификационной системы криминалистических методик дифференцируется в зависимости от разновидностей каждого элемента преступления, с учетом других криминалистически значимых (существенных) элементов характеристик преступлений предшествующего уровня и т. д.

Следовательно, предложенная классификация обладает всеми признаками системы, в которой прослеживаются связи между отдельными частными криминалистическими методиками. В то же время предложенная классификационная система частных криминалистических методик, на первом уровне (блоке) носящая в значительной степени общий характер, на втором уровне адаптируется с достаточно высокой степенью конкретизации. В связи с этим реализуется принцип «от общего — к частному, а от частного — к особенному», что позволяет исключить разработку в конкретной частной криминалистической методике того общего, что есть у методик более высокого уровня. В то же время авторская система классификации криминалистических методик остается открытой, прогностичной, универсальной и рабочей.

Приведенная классификационная система, как альтернативная существующим, позволит продвинуться вперед в разрешении проблем криминалистической методике, а именно: способствовать усовершенствованию имеющихся и разработке новых методик, включая те, которые встречаются редко или пока еще неизвестны в практической деятельности органов расследования, а также целенаправленно применять готовые криминалистические методики на практике.

V. Криминалистическая характеристика преступлений как основа частной криминалистической методики

Возникновение криминалистической характеристики преступлений как системного описания существенных сторон, свойств, признаков и внутренних связей отражаемого в ней объекта не стало случайным. Оно было связано с углубленной разработкой методики расследования отдельных видов преступлений, а также с формированием теоретических основ криминалистики.

На этапе формирования криминалистики как отдельной отрасли научных знаний возникали задачи не только научного анализа существующих и разработки новых приемов раскрытия преступлений, но и изучения самого преступления под углом зрения его отражения в материальных и идеальных следах. Основоположник криминалистики Г. Гросс отмечал двойственность объектов, изучаемых криминалистикой (с одной стороны – преступная деятельность, а с другой – деятельность по раскрытию преступлений). Следует отметить, что в отличие от других работ конца XIX – начала XX вв. именно издания Г. Гросса содержали в себе наиболее обширный объем сведений о преступнике и преступлении.

Внимание характеристике преступлений уделялось и в первых работах отечественных криминалистов. Так, в работах И.Н. Якимова раскрывается содержание методики («методологии») расследования и встречаются описания отдельных, наиболее существенных, с точки зрения автора, черт преступлений. Например, в разделе о расследовании имущественных преступлений описываются часто встречающиеся виды взлома при совершении краж, дается краткая характеристика места, времени и обстановки совершения грабежей и разбоев, а в разделе о расследовании поджогов приводятся статистические данные о соотношении пожаров и поджогов.

По устоявшемуся мнению, понятие криминалистической характеристики преступлений ввел в научный оборот Л.А. Сергеев, затем его повторил А.Н. Колесниченко, положив тем самым начало научной разработке данной научной категории. Однако невозможно согласиться с точкой зрения некоторых криминалистов о том, что криминалистическая характеристика преступлений явилась принципиально новой научной категорией, а тем более основополагающим понятием науки. Как было отмечено, основоположники науки криминалистики уделяли самое пристальное внимание преступной деятельности (преступлению), что дает право на утверждение об отсутствии существенной новизны понятия «криминалистическая характеристика преступлений». До появления рассматриваемого понятия криминалисты, разрабатывая ту или иную частную методiku, фактически основывали свои рекомендации на систематизированных сведениях об изучаемых преступлениях, включающих информацию об орудиях и способах их совершения и сокрытия, о следах преступлений. Те данные, которые в последнее время получили название элементов криминалистической характеристики, как отмечает В.В. Клочков, с самого начала в большей или меньшей степени учитывались криминалистами при разработке частных методик.

Таким образом, исследование закономерностей преступной деятельности изначально являлось важным этапом разработки методологических рекомендаций по расследованию тех или иных категорий уголовных дел.

Весомый вклад в разработку криминалистической характеристики преступлений внесли Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, И.А. Возгрин, К.В. Гавло, С.П. Митричев, И.Ф. Пантелеев, В.А. Образцов, В.Г. Танасевич, Н.П. Яблоков и другие ученые. Они определили основные тенденции в исследовании проблем рассматриваемой криминалистической категории. Наверное, по этой причине в настоящее время каких-либо кардинальных изменений во взглядах на содержание данной категории в научных публикациях не встречается. Поэтому целесообразно указать имеющиеся подходы к формулированию понятия «криминалистическая характеристика преступлений», чтобы проиллюстрировать сложность проблем, связанных с данной научной категорией.

Сравнение многочисленных определений криминалистической характеристики преступлений свидетельствует о единодушном мнении авторов включить в ее структуру результаты изучения и обобщения аналогичных преступлений, имеющих значение для их раскрытия, расследования и предупреждения. Данный вывод не вызывает сомнений. В ином случае, как правильно подчеркивается в литературе, криминалистическая характеристика просто потеряла бы практический смысл. Но на этом единство в формулировании понятия криминалистической характеристики преступлений, пожалуй, и оканчивается.

Существующие различия между понятиями криминалистической характеристики преступлений, предлагаемыми учеными, можно свести к различным подходам при формулировании определений рассматриваемой категории. Так, о криминалистической характеристике преступлений как: *о системе (совокупности) данных* пишут И.Ф. Пантелеев, В.Г. Танасевич и В.А. Образцов, И.А. Возгрин, А.В. Ковалев, Л.Г. Бидонов, В.Г. Власенко, просто *о данных преступления* — В.И. Шиканов, *о системе информации (сведений)* — Н.А. Селиванов, В.Е. Коновалова и А.Н. Колесниченко, С.Н. Чурилов, В.П. Анцифиров, В.В. Радаев, С.А. Афанасьев, И.Ф. Герасимов, А.М. Кустов, *о системе признаков преступления* — Н.П. Яблоков, С.И. Винокуров, А.Н. Васильев, *о типичных признаках и свойствах* — Л.Я. Драпкин, *о признаках* — С.А. Ялышев, Л.Г. Горшенин, *о характеристике исходной информации и системе данных* — Р.С. Белкин, *о закономерностях преступлений* — А.Ф. Лубин, С.П. Кушнеренко. Кроме того, криминалистическую характеристику преступлений определяют через такие конструкции, как «*описание преступления*» (Г.А. Густов), «*различные уровни содержания информации*» (В.К. Гавло), «*модель криминальных ситуаций*» (А.Ф. Облаков), «*взаимосвязанные особенности преступлений*» (И.Р. Морозов).

Представляется, что ученые, за редким исключением, не придают значения содержанию и соотношению таких научных категорий, как «данные», «информация», «сведения», «признаки» «черты» и т. п. А это является одной из причин многообразия отмеченных подходов к определению рассматриваемой научной категории.

Кроме того, различия в предлагаемых определениях криминалистической характеристики преступлений заключаются в наличии (отсутствии) указаний на:

1) научный характер рассматриваемой категории. Так, о криминалистической характеристике преступлений как о научной категории в своих определениях указывают Л.Я. Драпкин, В.И. Шиканов, В.К. Чаюк, С.А. Ялышев, С.Б. Згогурин и А.Ф. Лубин, И.И. Рубцов. На двойственную природу (научной категории и «отражения свойств реального преступления») криминалистической характеристики преступлений обращает внимание Ф.К. Гизатуллин;

2) предназначение (цель) рассматриваемой категории. Практически во всех определениях криминалистической характеристики преступлений имеется указание на целевое предназначение данной категории, за исключением дефиниций, предлагаемых И.Ф. Пантелевым, С.И. Винокуровым, Л.Я. Драпкиным, А.Н. Васильевым, Л.Г. Бидоновым, С.Б. Згогуриным, А.Ф. Лубиным и Р.С. Белкиным. При этом целевое предназначение криминалистической характеристики преступлений определяется учеными различными способами. Так, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений (в различных комбинациях) указывается в дефинициях, предложенных И.Ф. Пантелеевым, А.В. Ковалевым, Н.П. Яблоковым, В.Е. Коноваловой и А.Н. Колесниченко, Г.А. Густовым, С.Н. Чуриловым, Л.Г. Горшениным, Л.Г. Бидоновым, С.А. Ялышевым, И.Ф. Герасимовым, И.И. Рубцовым.

В.И. Шиканов дополняет цель криминалистической характеристики преступлений указанием на полное, всестороннее и объективное расследование, И.А. Возгрин — на необходимость организации и осуществления всестороннего, полного, объективного и быстрого раскрытия и расследования преступлений, В.К. Чаюк — на распознавание конкретного вида (групп) преступлений и определение направления расследования, В.В. Радаев — на определение эффективных приемов и средств обнаружения, расследования и профилактики преступлений.

В.П. Анцифиров в качестве такой цели определяет «научную разработку и практическое применение криминалистических средств», а С.А. Афанасьев — разработку научно обоснованной методики;

3) существование криминалистической характеристики единичного преступления. Большинство ученых не указывают на криминалистическую характеристику отдельного (конкретного) преступления. Некоторые (Н.П. Яблоков, И.Ф. Пантелеев, Ф.К. Гизатуллин) полагают, что говорить о криминалистической характеристике конкретного преступления возможно. Позиция второй группы ученых встретила серьезные возражения таких криминалистов, как Р.С. Белкин, П.Б. Куценко, А.Г. Филиппов, А.Л. Эйсман. Например, критикуя позицию Н.П. Яблокова и И.Ф. Пантелеева, а следовательно, и Ф.К. Гизатуллина, П.Б. Куценко отмечал, что если ее (криминалистическую характеристику. — *А.Ш.*) понимать как описание признаков преступления и связей между ними или как систему самих признаков и связей, то тогда можно говорить о криминалистической характеристике конкретного преступления как самостоятельной категории. Если же криминалистическую характеристику преступлений понимать как научную категорию, разрабатываемую криминалистикой для решения научных задач, то тогда следует признать, что криминалистическая характеристика конкретного преступления не существует. Он полагал, что ни в том, ни в другом случае нельзя отказываться от общей криминалистической характеристики преступления, представляющей собой теоретическую основу разработки конкретных криминалистических характеристик;

4) элементы временной структуры рассматриваемой категории. Большинство ученых, за исключением С.А. Афанасьева, А.Ф. Лубина и В.Г. Власенко, не указывают элементы временной структуры криминалистической характеристики отдельного (конкретного) преступления (подготовка, непосредственное совершение и сокрытие преступлений);

5) элементы пространственной (функциональной) структуры рассматриваемой категории. Одна группа ученых не использует в качестве способа формирования дефиниции перечисление функциональных элементов (компонентов) структуры криминалистической характеристики преступлений. Вторая — напротив, предпринимает такие попытки. Первую группу составляют определения, предложенные И.Ф. Пантелеевым, И.А. Возгриным, С.И. Винокуровым, Н.А. Селивановым, В.К. Гавло, В.Е. Коноваловой и А.Н. Колесниченко, Г.А. Густовым, А.Н. Васильевым, В.К. Чаюк, В.В. Радаевым, С.А. Ялышевым,

И.Ф. Герасимовым и А.Ф. Лубиным. Вторую – Р.С. Белкиным, В.Г. Танасевичем и В.А. Образцовым, Л.Я. Драпкиным, А.В. Ковалевым, Н.П. Яблоковым, В.И. Шикановым, В.П. Анцифировым, А.Ф. Облаковым, С.А. Афанасьевым, С.Б. Згогуриным, С.П. Кушниренко. В отдельную подгруппу первой группы можно отнести определения, сформулированные С.Н. Чуриловым, Л.Г. Бидоновым, В.Л. Бидоновым, в которых не перечисляются структурные (функциональные) элементы, но имеется указание на такие элементы. При этом С.Н. Чурилов делает указание на элементы предмета доказывания, а Л.Г. Бидонов и В.Л. Бидонов – на элементы состава определенного вида преступлений.

Как представляется, попытки унифицировать систему элементов путем выделения наиболее типичных из всех указанных в криминалистической литературе не дают положительных результатов для криминалистической науки и тем более для практики. Данный вывод основан на рассмотрении мнений ученых, определяющих понятие «криминалистическая характеристика преступлений», а также подтверждается проведенными обстоятельными исследованиями данной проблемы В.А. Гамзой, И.И. Рябцовым и С.Н. Коноваловым.

Так, В.А. Гамза проанализировал с этой целью 18 структур криминалистической характеристики преступлений, предложенных ведущими учеными-криминалистами, и выявил следующую частоту встречаемости тех или иных элементов в различных работах: способ совершения преступлений (18); личность субъекта преступления (16); обстановка его совершения – время, место и др. обстоятельства (16); предмет преступного посягательства, в том числе личность потерпевшего (14); субъективная сторона преступления (11); его последствия (10); характерные следы деяния (8); орудия и средства преступления (7); характерные способы его маскировки, сокрытия (7); связи преступника (5); взаимосвязи элементов преступления (4); ситуации совершения преступления и исходные следственные ситуации (3); условия охраны предмета посягательства, связь с другими явлениями и преступные навыки (2); обстоятельства, способствующие совершению преступления, наиболее вероятные свидетели, типичные признаки преступления и улики поведения (встречаются по одному разу).

По существу, к этим же выводам пришли в своих исследованиях И.И. Рябцов и С.И. Коновалов. Первый автор обнаружил 16, а второй — 19 структурных элементов, на которые имеются указания в предлагаемых дефинициях криминалистической характеристики преступлений.

Приведенные результаты исследований относительно функциональных элементов криминалистической характеристики преступлений свидетельствуют о чрезмерном расширении или детализации структуры рассматриваемой категории. Однако вряд ли такое положение можно признать научно обоснованным, тем более при формулировании общего для всех преступлений перечня характеризующих их функциональных элементов. Например, не получили поддержки предложения ряда криминалистов о включении в структуру криминалистической характеристики следующих данных: об общественной опасности и распространенности вида преступлений; о состоянии и значении борьбы с исследуемым видом преступлений; о факторах демографического и регионального характера, географии преступлений; об уровне правоохранительной активности и содействия общественности органам расследования, следственных ситуаций; об основных направлениях расследования; о рекомендациях по организации расследования, способах получения информации о совершенном правонарушении, классификации преступлений. В связи с этим следует согласиться с мнением Р.С. Белкина (высказавшего отношение по большей части перечисленных элементов), что подобные данные ничего не дают методике расследования, как комплексу практических рекомендаций, и поэтому включение их в структуру криминалистической характеристики нецелесообразно. Именно по этой причине невозможно согласиться с позицией С.П. Митричева, полагавшего необходимым включать в криминалистическую характеристику преступлений наибольшее количество признаков, имеющих криминалистическое значение.

Неудивительно, что такое разнообразие в подходах к формулированию определений криминалистической характеристики преступлений привело к необходимости нового осмысления ее сущности, содержания и практического значения. В связи с этим представляется революционным высказанное Р.С. Белкиным суждение о том, что криминалистическая характеристика пре-

ступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом. Необходимо признать, что в современных представлениях о криминалистической характеристике преступлений преобладают уголовно-правовые, криминологические, иногда психологические и иные данные, но некриминалистического характера.

После высказанного Р.С. Белкиным суждения состоялись многочисленные дискуссии по данному вопросу. В целом научная общественность придерживается позиции о необходимости дальнейшей разработки данной категории. Тем не менее можно встретить отдельные публикации, в которых прослеживается мысль о несостоятельности криминалистической характеристики преступлений. Так, С.Н. Чурилов, придя к выводу о том, что криминалистическая характеристика преступления не оправдывает возлагаемых на нее надежд, предложил взамен этого термина новый — «криминалистическая характеристика механизма преступления». Отстаивая свою позицию, автор приходит к выводу, что с научной точки зрения совершенно необоснованно, наряду с уголовно-правовым понятием «преступление», формировать еще и криминалистическое понятие этого социального явления. Следовательно, нет оснований употреблять термин «криминалистическая характеристика преступления». Надо разрабатывать криминалистическую характеристику только того, из чего состоит преступление как явление действительности. В уголовно-правовом отношении преступление состоит из его состава: объекта, субъекта, объективной и субъективной стороны. А в криминалистическом смысле преступление образует его механизм, т. е. элементы, участвующие в акте отражения, взятые в их связи и обусловленности. Следовательно, обобщенные данные о механизме преступления определенного вида нужно именовать термином «криминалистическая характеристика механизма преступления», т. е. преступления, указанного в Особенной части Уголовного кодекса.

Как представляется, такая аргументация небесспорна. Во-первых, непонятна логика автора, когда им проводится взаимосвязь между отсутствием необходимости разработки криминалистического понятия преступления и отсутствием оснований

употреблять термин «криминалистическая характеристика преступления». Не вызывает сомнений, что преступление является объектом изучения наук уголовного права и криминалистики. Каждая наука разрабатывает свою характеристику этого социального явления. Раз это так, то каких-либо препятствий для употребления понятия «криминалистическая характеристика преступления» не имеется. Во-вторых, если следовать логике автора, то получается, что с криминалистических позиций преступление образует его механизм. Если это так, то возникает вопрос: как быть с его утверждением о том, что следует разрабатывать криминалистическую характеристику только того, из чего состоит преступление как явление действительности? Современные представления о механизме преступления сводятся либо к тому, что его представляют как элемент криминалистической характеристики преступлений либо как самостоятельную научную категорию, которая имеет свои элементы. В том или другом случае приведенное утверждение автора требует дополнительной аргументации.

В то же время следует согласиться с тем, что криминалистика рассматривает явления не на уровне единичного, а в их совокупности, типизируя их. Следовательно, в научных целях следует использовать термин, относящийся к той или иной совокупности объектов, явлений или процессов, включая определенную массу преступлений (категории преступлений). Если следовать этой логике, которую разделяет и сам С.Н. Чурилов, остается непонятным, почему он предлагает ввести в научный оборот термин, относящийся к единичному явлению (преступление).

В странах Восточной Европы криминалистическая характеристика преступлений является структурным элементом методики расследования любого вида преступлений. В большинстве же стран Западной Европы, в частности стран бывшего социалистического лагеря, и в США криминалисты не рассматривают криминалистическую характеристику преступлений как научную категорию. В этих странах отдельные элементы криминалистической характеристики преступлений либо упоминаются отдельно в методике расследования преступлений, либо являются предметом исследования других областей наук.

Мы разделяем позицию тех ученых, которые полагают, что криминалистическая характеристика является основой методик расследования преступлений. Она представляет собой открытую

системную модель криминалистики, которая может и должна пополняться новыми знаниями.

Еще более радикально высказался по рассматриваемой проблеме Г.К. Захаров, выдвинувший тезис: «современная криминалистическая характеристика — «кривое зеркало» преступной деятельности».

Высказав свои замечания по обоснованию данного тезиса, А.Г. Филиппов совершенно правильно отметил, что криминалистическая характеристика преступления не претендовала на то, чтобы быть «зеркалом преступной деятельности» в целом. А вот типовые криминалистические характеристики преступлений отдельных видов и групп действительно отражают основные особенности соответствующих видов и групп преступлений, причем достаточно точно, адекватно. В целом А.Г. Филиппов аргументированно показал несостоятельность доводов Г.К. Захарова.

Если же проанализировать существующие мнения относительно причин, приведших к кризису криминалистическую характеристику преступлений, то можно выявить следующие. Во-первых, отсутствует методологическая база, позволяющая проследить взаимосвязи между ее структурными элементами. Во-вторых, элементный состав криминалистической характеристики до настоящего времени остается непостоянным, и решение этого вопроса нельзя считать окончательно решенным. В-третьих, существует большое количество классификаций криминалистических методик, а соответственно, и криминалистических характеристик преступлений. Данная ситуация приводит к тому, что конкретному виду преступлений соответствует множество различных обобщенных информационных моделей, формируемых на крайне ограниченных делах из одного или нескольких регионов. Такой эмпирический материал не позволяет с достаточной степенью достоверности устанавливать стохастические зависимости между признаками, т. е. не может быть признан репрезентативным. В-четвертых, криминалистические характеристики преступлений являются обособленными — в них не отражается существенная закономерность: личность — возможные преступления. При формировании криминалистической характеристики определенного вида преступлений исследователи из всей преступной деятельности лица выбирают только те эпизоды, которые подпадают под выбранный вид преступлений.

Тем не менее проведенные исследования показали, что понятие «криминалистическая характеристика преступлений» имеет право на существование хотя бы до тех пор, пока наукой не будет предложена обоснованная альтернатива, которая отразила бы наиболее адекватно криминалистическую сущность исследуемого объекта — определенной категории преступлений.

Положение усугубляется тем, что наряду с криминалистической характеристикой преступлений в науке используются смежные категории, такие, как «преступная деятельность», «механизм преступлений», «механизм преступной деятельности», «модели преступлений», «криминалистическая характеристика механизма преступления» и т. п. При этом отсутствует однозначное понимание структуры и содержания перечисленных научных категорий, а также их разграничение с криминалистической характеристикой преступлений.

Например, в результате предлагаемых в литературе подходов к определению понятий «преступная деятельность» (Л.Д. Самыгин, Н.П. Яблоков, В.Ф. Ермолович, А.В. Дулов, В.А. Образцов и А.М. Кустов), «механизм преступлений» (П.П. Михеев и Н.Н. Семенов, А.Н. Васильев, В.А. Образцов, А.В. Дулов, В.П. Лавров, Н.П. Яблоков, В.В. Агафонов и А.Г. Филиппов, А.Ю. Головин, А.М. Кустов, Р.С. Белкин и другие), «механизм преступной деятельности» (А.Ф. Лубин), «криминалистическая модель преступления» (Е.П. Ищенко, В.А. Егоров), «структурно-функциональная модель преступной деятельности» (В.И. Отряхин) можно констатировать, что их структурными элементами чаще всего признаются:

- субъект преступления;
- отношение субъекта преступления к своим действиям, их последствиям, а также к соучастникам;
- предмет преступления;
- способ преступления как система детерминированных действий;
- преступный результат;
- место, время и другие обстоятельства, относящиеся к обстановке преступления;
- обстоятельства, способствующие или препятствующие совершению преступления;

— поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками (активными и пассивными) события;

— связи и отношения между действиями (способом преступления) и преступным результатом, между участниками события, между действиями и обстановкой, субъектом преступления и предметом посягательства и т. п.

Таким образом, ученые-криминалисты в перечень элементов преступной деятельности, механизма преступления (механизма совершения преступлений), как правило, включают примерно тот же состав, что и в криминалистическую характеристику. При этом и от структур преступной деятельности и механизма преступления, и от криминалистической характеристики преступлений требуется, чтобы их элементы находились во взаимосвязи и взаимозависимости.

Попытки каким-либо образом «развести» указанные категории до настоящего времени малоуспешны. Причем большинство ученых используют одновременно как указанные категории, так и понятие «криминалистическая характеристика преступлений».

Полностью разделяя озабоченность Р.С. Белкина и сторонников его позиции по проблеме «непродуктивного» характера «криминалистической характеристики преступлений», все же можно оценить высказанную позицию несколько поспешной, а само научное предложение требующим дополнительных исследований.

Сопоставляя логическую форму и содержание понятия «криминалистическая характеристика преступлений» с потребностями практики в установлении корреляционных связей между ее элементами и указании на эти связи в понятии, приходится сталкиваться с проблемой, которая находится на поверхности. Разрешение данной проблемы возможно двумя способами (путями).

Первый способ — отступить от общих логических правил построения понятий и определения их содержания, допустив, что криминалистическая характеристика преступлений — это динамичная система с закономерно установленными корреляционными связями между ее элементами. В таком случае рассматриваемая категория будет отличаться от иных видов характеристик не только ее принадлежностью к криминалистике, но и установлением закономерных связей между ее элементами, что не явля-

ется признаком какой-либо иной (например, уголовно-правовой) характеристики преступлений. К данному подходу склоняются в настоящее время большинство криминалистов, предлагая под *криминалистической характеристикой преступлений* понимать *абстрактное научное понятие о модели криминалистически значимых признаков рода и вида (групп) преступлений, проявляющейся в организационно-упорядоченной совокупности существенных обстоятельств их совершения, а также закономерных связях между ними, служащей для решения непосредственных задач расследования преступления.*

Второй способ — это «замена» рассматриваемой категории на ту, которая отвечала бы правилам построения понятия и определения его содержания. Данное суждение уже встречает понимание (Е.П. Ищенко и другие). Наиболее радикальным подходом в данном направлении можно считать предложение заменить «фантомы» криминалистической, уголовно-правовой, криминологической, уголовно-процессуальной, социально-психологической, оперативно-розыскной характеристик преступлений на *социально-правовую характеристику преступлений* (А.М. Кустов).

На основании проведенных исследований, не отвергая вышеизложенные соображения о криминалистической характеристике преступлений, необходимо предложить заменить рассматриваемое понятие на термин *«технология преступлений»*.

Аргументами в пользу использования технологического подхода при исследовании преступлений могут служить следующие соображения.

Во-первых, в науке и на практике термин «технология» хорошо знаком. Он используется как научными, так и практическими работниками. Можно предположить, что такое положение является «велемием времени».

Во-вторых, проведенный анализ мнений (подходов) ученых-криминалистов по вопросу понятийного аппарата криминалистического познания преступления (преступной деятельности) и его содержания показал, что многие ученые, независимо от того, какую бы терминологию ни использовали («криминалистическая характеристика преступлений», «механизм преступлений» («механизм преступной деятельности»), «модель преступления» и т. п.), указывают на технологический аспект — как характерный именно для криминалистических исследований преступлений.

В частности, еще в 1925 г. И.Н. Якимов отмечал, что наиболее характерными чертами деятельности современных нам преступников, с одной стороны, является «технизм», а с другой — жестокость при совершении преступлений.

И.А. Возгрин рассматривает *технологию преступной деятельности* в качестве содержания и динамики процессов, составляющих механизм и способ совершения преступления. В то же время под способом преступления он понимает совокупность поступков (действий) правонарушителя, а под механизмом преступления — действия, которые непосредственно образуют преступное деяние, а также сопутствующие ему обстоятельства как особенности обстановки преступления; факторы, способствующие или препятствующие совершению преступления; условия, влияющие на сохранение и изменение следов преступного деяния, и т. п. В связи с этим И.А. Возгрин отмечает, что способ является частью механизма преступления.

О технологической стороне преступлений, о закономерностях технологий в механизме преступления пишет А.Ю. Головин. Н.П. Яблоков рассматривает механизм преступления во взаимосвязи с технологической картиной процесса совершения преступлений. А.В. Дулов указывает на технологические связи между элементами преступления.

Вплотную к постановке вопроса о технологии преступлений подошли в своих исследованиях А.М. Кустов и А.Ф. Лубин. Так, в одной из своих работ А.М. Кустов отмечает, что данные о механизме преступления в отличие от сведений о способе совершения преступления характеризуют не качественную, а «технологическую» сторону события преступления. В другой работе он пишет, что система знаний о закономерностях отражения *процесса механизма преступления* (курсив наш. — А.Ш.) в окружающей среде является составной частью криминалистического учения об обнаружении, фиксации и исследовании источников криминалистически значимой информации. В этом положении ученый правильно ставит вопрос о системе знаний о закономерностях отражения именно *процесса механизма преступления*, или, иначе говоря, *технологии преступлений*.

А.Ф. Лубин, придерживаясь рекомендации Б. Рассела о благоразумности применения механистической теории как рабочей гипотезы, от которой следует отказаться только в том случае, если

будут найдены явные доказательства против нее, признает, что «механизм преступной деятельности» — не самое лучшее название. Он использует этот термин в своей докторской диссертации (как, впрочем, и других работах) только потому, что «лучшего нет».

В-третьих, предложенный технологический подход в криминалистических исследованиях преступлений предоставляет возможность:

- приблизить понятие к его содержанию;
- устранить известные условности, свойственные современной криминалистике. Как можно было видеть, ни одна из рассмотренных унифицированных форм не могла адекватно отразить существо явления (преступную деятельность) без наличия в той или иной степени допущений;
- закончить дискуссию о функциональной или динамичной модели преступлений, закономерности которых являются объектом (одним из предметов) криминалистики (хотя вопрос об отнесении закономерностей преступлений к объекту криминалистики не является бесспорным);
- обеспечить безошибочное разграничение криминалистических подходов в исследовании преступлений от исследования данного объекта другими науками;
- продолжить криминалистические исследования преступлений в системном ключе, не позволяющем исследователям вдаваться в какие-либо отвлекающие от предмета исследования рассуждения о соотношении тех или иных категорий. При этом предложенная замена содержит принципиально новую парадигму, не исключаящую весь накопленный багаж знаний, а предполагающую интенсивное его использование. Следовательно, настоящее предложение является не плодом одного человека, а результатом работы ученых-криминалистов разных поколений, что позволяет без ущемления личных научных амбиций продолжить исследования в данной области в логической связи с предыдущими достижениями, взглядами и подходами.

В-четвертых, термин «технология» на современном этапе имеет достаточно четкое и определенное содержание, что само по себе предопределяет успех в разрешении поставленной проблемы. Одновременно следует отметить, что понятие «технология» используется одновременно и как научная, и как практическая

категория. Данное положение, в свою очередь, позволяет разрешить один из наиболее дискуссионных вопросов учения криминалистической характеристики преступлений — о существовании конкретной криминалистической характеристики преступления.

Таким образом, предложенная унифицированная форма криминалистического исследования преступлений (преступной деятельности) — «криминалистическая характеристика преступлений», а также рассмотренные иные формы могут быть заменены на единую унифицированную форму — «технология преступлений». При этом рассмотренная в работе структура криминалистической характеристики преступлений также полностью соответствует предлагаемому понятию, что облегчает процесс структурной «модернизации».

В то же время необходимо отметить следующее немаловажное обстоятельство. Как правильно отмечал В.Г. Танасевич, криминалистическая характеристика преступлений (технология преступлений. — *А.Ш.*) может рассматриваться в двух аспектах: как понятие, непосредственно характеризующее особое явление — продукт деятельности человека с выделением в нем характерных качеств, в которых отображаются криминальные (преступные) его свойства, и как понятие обобщенное, являющееся научной абстракцией, содержащей общие черты, свойственные криминалистическим характеристикам определенных групп преступлений. Но в юридической литературе производное обобщенное понятие криминалистической характеристики заняло главенствующее место, о чем свидетельствует и предлагаемое в настоящей работе определение криминалистической характеристики преступлений.

Исходя из того, что в основе формирования предложенного ранее определения криминалистической характеристики преступлений находится производный подход, можно предложить рассматривать его в качестве одного из вариантов (производного) понятия «технология преступлений».

Одновременно следует полагать, что наряду с производным подходом к формулированию понятия «криминалистическая характеристика преступлений» («технология преступлений») оправданным является существование и функционально-продуктового подхода в его определении. И действительно, если необходимо исследовать преступное деяние в ретроспективном плане,

то целесообразно использовать производный подход, ибо в таком случае изучаются совершенные преступления, а если поставлена цель в перспективном плане изучить возможность совершения определенной категории преступлений (такая задача нередко возникает в практической деятельности правоохранительных органов), то тогда целесообразно использовать функционально-продуктовый подход, определяя рассматриваемую категорию.

Итак, взяв за основу общее представление о технологии и приняв за аксиому утверждение о том, что преступное деяние — это негативный (противоправный) вид человеческой деятельности, а само совершение преступления является деянием (действием или бездействием), в частности связанным с использованием ресурсов (средств) преступлений, можно предложить следующее определение. *Технология преступлений* — это функционально-обусловленная упорядоченная совокупность действий (бездействий), обеспеченных необходимыми ресурсами, реализуемыми субъектом в процессе совершения преступления.

Как несложно заметить, в предложенном определении отсутствует указание на обстоятельства совершения преступлений, что является оправданным с позиций функционально-продуктового подхода. Именно исследование преступлений в перспективном плане предполагает возможность говорить о ресурсах (средствах), которые могут использоваться при совершении определенной категории преступлений. В то же время представляется излишним приводить в подобного рода определениях перечень ресурсов, так как каждой разновидности преступной деятельности свойственны специфические (типичные) ресурсы, обеспечивающие реализацию преступления.

Рассматривая структуру криминалистической характеристики преступлений (технологии преступлений), мы исходим из того, что если преступление представляет собой динамическую систему, то ее структура, как и структура любой другой динамической системы, может быть представлена временными и функциональными элементами.

Временная структура криминалистической характеристики преступлений (технология преступлений) в идеале (полноструктурная) состоит из трех этапов: подготовки, совершения и сокрытия преступлений. Следует отметить, что эти этапы криминалистической характеристики преступлений традиционно рас-

сматривались относительно способа совершения преступлений (способа преступлений), входящего структурным элементом в криминалистическую характеристику преступлений.

Функциональная структура криминалистической характеристики преступлений (технология преступлений) состоит из субъекта преступлений (личность преступника), объекта (предмет) преступлений и средств преступлений (место, время, орудия и другие компоненты преступлений). При этом цель преступлений не выделяется в качестве элемента технологии преступления (аналогично цели технологии расследования преступлений), так как она проявляется во всех трех элементах технологии преступления.

При исследовании функциональной структуры криминалистической характеристики преступлений с точки зрения их взаимосвязи и взаимодействия следует исходить из следующих соображений:

1) криминалистическую характеристику преступлений составляют только признаки существенных обстоятельств, перечень которых индивидуален для каждой категории (разновидности) преступлений. Следовательно, если для криминалистической характеристики одной категории преступлений существенными могут быть одни обстоятельства, то для другой — совершенно иные обстоятельства;

2) поскольку преступление представляет собой систему человеческой деятельности (технологии), состоящую из трех основных элементов (субъект, объект и средства), то, раскрывая содержание и взаимосвязи обстоятельств криминалистической характеристики преступлений, необходимо основываться на этих элементах;

3) рассматривая содержание и взаимосвязи обстоятельств криминалистической характеристики преступлений на основе технологического подхода (разновидности деятельного), как представляется, необходимо соблюдать не только логико-гносеологическую преемственность, но и преемственность в использовании научного терминологического аппарата;

4) преступления представляют собой динамическую систему, значит, ее структура, как и структура любой другой динамической системы, может быть представлена пространственными и временными элементами. Похожую позицию можно встретить

в работах В.А. Образцова, отметившего, что преступление имеет временные и пространственные характеристики, совершается в той или иной обстановке.

Принцип системного подхода предполагает рассматривание *функциональной структуры криминалистической характеристики преступлений* на основе деятельного (технологического) подхода (объект, субъект и средства). Имеются основания полагать, что криминалистическая характеристика преступлений может быть очень сложной *функциональной структурой*, но ее фундамент составляют три перечисленных обязательных элемента (компонента): лицо, совершившее преступление, предмет (объект) преступного посягательства, средства преступления.

Следовательно рассмотрение обстоятельств криминалистической характеристики преступлений следует начать с признаков *лица, совершившего преступления (личность преступника, субъект преступления)*.

Личность преступника — любое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступного деяния возраста уголовной ответственности.

В криминалистических исследованиях делались попытки дать исчерпывающий перечень криминалистически значимых свойств и отношений *субъекта преступления*. Так, в качестве криминалистически значимых свойств субъекта преступления назывались половозрастные, физические, психологические характеристики личности, ее интересы и потребности, знания, убеждения, интеллектуальные, волевые свойства, темперамент и т. п., социальное и семейное положение, профессиональная принадлежность, образовательный и культурный уровень, биологические и психические особенности личности. Некоторые авторы, характеризуя субъект преступления, обращали внимание на наличие или отсутствие легального его доступа к предмету посягательства, на соотношение места его жительства, работы, отдыха с местом совершения преступления и т. п.

Как показывает анализ исследований, определить примерный перечень криминалистически значимых свойств субъекта преступления возможно лишь по отношению к определенной категории преступлений. Например, для хищений чужого имущества путем присвоения и растраты криминалистически значимыми свойствами субъекта будут его должностное положение,

положение по отношению к имуществу в процессе его производства, хранения, распределения и т. п. Для расследования убийства значимы такие свойства субъекта, как половозрастные и физические параметры, наличие открытой или скрытой связи с жертвой и т. п.

Большинство криминалистически значимых свойств субъекта связаны с возможностью использования того или иного способа совершения преступления, орудий и средств, выбором предмета посягательства, созданием соответствующей обстановки преступления. Например, физически слабый преступник, не располагающий оружием и не имеющий навыков обращения с ним, вряд ли станет совершать разбойное нападение в отношении взрослой, физически сильной жертвы и т. п. Кроме того, субъект преступления является основным взаимодействующим элементом преступного события. Именно под влиянием его действий наступает преступный результат, т. е. изменения в отдельных элементах преступного события — объекте (предмете), средствах преступления. Этот преступный результат, вернее его отдельные элементы, также находятся во взаимосвязи со свойствами преступника, орудиями и средствами преступления, способом совершения преступления, особенностями обстановки.

Неотделимым от субъекта преступления является такое его свойство, как наличие определенных потребностей, которые он намеревается удовлетворить за счет совершения преступления, т. е. *мотив преступления*. Последнее обстоятельство криминалистической характеристики фактически определяет собой выбор соответствующего предмета посягательства, способа воздействия на него. Например, если мотив преступления корыстный, порожденный потребностями обогащения, то, скорее всего, предметом посягательства будет выбрано имущество, с помощью которого можно непосредственно удовлетворить потребности (при хищениях), или объект, который является препятствием на пути к завладению имуществом (при убийстве из корыстных побуждений, разбое).

Вторым элементом (обстоятельством) криминалистической характеристики преступлений следует рассматривать *объект* преступного посягательства. Рассматривая признаки настоящего элемента, необходимо исходить из следующего. С технологической (деятельной) позиции объектом являются предметы окру-

жающего мира, а не те общественные отношения, которые изучаются юридическими науками, в частности уголовным правом. Таким образом, для криминалистических исследований такой негативной человеческой деятельности, как преступление, целесообразно вместо понятия «объект» использовать понятие «предмет». При этом *предмет преступления* необходимо рассматривать в широком смысле, а именно: предметы окружающего мира; явления и процессы, подверженные преступному посягательству; жертва преступления.

Однако в качестве предмета преступления следует рассматривать не любой предмет обстановки совершения преступления, который подвергался воздействию субъекта преступления, а предмет, с которым связано наступление вредных последствий. Например, при хищении чужого имущества преступник может воздействовать на многие предметы (в частности, взломать замок и т. п.). Однако такие объекты не являются предметом преступного посягательства, поскольку вредные последствия связаны не с ними, а с похищаемым имуществом. Остальные же предметы (включая взломанный замок) являются элементами обстановки преступления.

В качестве предмета преступления могут выступать и нематериальные объекты (охраняемая законом информация (сведения) или жертва преступления. В последнем случае жертва включается в криминалистическую характеристику за счет своих свойств, как физическое лицо, при воздействии на которое субъект преступления намерен удовлетворить имеющиеся у него потребности (реализовать мотив). Таким образом, свойства жертвы преступления оказываются существенным обстоятельством криминалистической характеристики преступлений, например при изнасиловании, убийстве на сексуальной почве и т. п.

Кроме того, физическое лицо может стать жертвой преступления не за счет своих собственных свойств, а за счет наличия взаимосвязи с непосредственным предметом преступления, в частности в корыстных преступлениях при наличии у жертвы права собственности на имущество или при осуществлении его охраны. Однако свойства самой жертвы и в этом случае находятся во взаимосвязи с другими обстоятельствами совершения преступления, обуславливают выбор способа преступления и т. п.

Предмет преступления в предложенном авторском варианте тесно связан с таким традиционным обстоятельством криминалистической характеристики преступления, как *обстановка преступления*. Характеризуя обстановку преступления, следует исходить из следующих соображений.

Во-первых, в целом обстановка преступлений по отношению к преступному событию носит внешний характер, в связи с чем не может рассматриваться в качестве его структурного элемента.

Во-вторых, в криминалистическую характеристику преступлений включаются только те предметы и явления (процессы) обстановки преступления, которые оказываются связанными (прямо или опосредованно) с субъектами преступлений или, как было указано, подверглись воздействию субъекта преступления.

В-третьих, элементом (обстоятельством) криминалистической характеристики преступлений следует рассматривать *средство преступления*, под которыми предлагается понимать совокупность компонентов, которая обеспечивает определенную преступную деятельность. Коль скоро технология является формой реализации деятельности, то в некоторых случаях целесообразнее средства определять ресурсами. Последнее понятие носит более технологичный и предметный характер, но по существу не меняет постановку вопроса.

Таким образом, средствами (ресурсами) преступления в зависимости от категории преступного деяния могут быть:

- место преступления;
- орудия преступления;
- жертва преступления;
- время преступления;
- способ преступления и т. п.

Рассмотрение *места преступления* в качестве одного из компонентов средства преступления может, на первый взгляд, вызвать объяснимое непонимание. Тем не менее следует исходить из следующего. Место совершения преступления, как правило, избирается субъектами преступления неслучайно. Предварительно с разных сторон оценив предполагаемое место совершения преступления, субъект фактически использует его в качестве средства (ресурса) реализации своего преступного замысла. Нередки случаи, когда субъект преступления приспособливает обстановку конкретного места для последующего совершения преступлений,

вносит в нее конструктивные изменения. И даже в тех случаях, когда преступление совершается спонтанно (например, неумышленно), субъект вынужден использовать место преступления в качестве средства (ресурса) реализации объективной стороны совершаемого преступления.

Место преступления может рассматриваться как определенная географическая точка (территория, помещение и т. п.), которая тесно связана с обстановкой преступления. Практика расследования экономических преступлений, прежде всего связанных с банковскими технологиями, показывает, что местом преступления могут быть одновременно две (и более) географические точки (например, рабочее место, оборудованное компьютерной техникой, используя которое субъект преступления осуществляет преступные финансовые операции; кредитные организации: в одной находятся безналичные денежные средства (предмет посягательства), в другой — обналичиваются денежные средства).

Орудия преступления — предмет (объект материального мира), выполняющий функцию усиления имеющихся у человека или приобретения новых возможностей при воздействии на объект (предмет) преступления. Например, предмет, используемый для увеличения силы удара, различные виды оружия, используемые для усиления возможностей причинения повреждений и т. п., а в некоторых случаях и физическое лицо (малолетний, невменяемый и другие лица), которое не может быть признано субъектом преступления.

Жертва преступления — лицо, которому причиняется вред непосредственно действиями субъекта преступления. С учетом ранее изложенного относительно объекта (предмета) преступления можно констатировать: 1) процессуальное понятие «потерпевший» не совпадает с понятием «жертва преступления»; 2) жертва преступления может быть структурным компонентом объекта (предмета) и средства криминалистической характеристики преступления.

Рассматривая жертву преступления в качестве средства — элемента криминалистической характеристики преступлений, следует исходить из того, что ее действие или бездействие могут оказать существенное влияние на развитие преступления по определенной схеме, обусловить выбор преступником определенных

способов своей деятельности (технологии) или скорректировать их во время совершения преступления.

Время преступления, как обстоятельство средства криминалистической характеристики преступлений, не ограничивается астрономическими свойствами: год, месяц, дата, часы, минуты, секунды. Оно рассматривается во всей совокупности его взаимосвязей и отношений с другими обстоятельствами расследуемого преступного деяния. Это может быть время, связанное с сезонностью, с наступлением темноты или, наоборот, светлого времени суток, со временем отдыха или временем отсутствия потерпевших в местах проживания, временем наименьшего количества возможных свидетелей, часы «пик»; время, связанное с определенной периодичностью, и т. п.

Способ совершения преступления, являясь главной качественной характеристикой деятельности преступника, более всего взаимосвязан со свойствами других элементов криминалистической характеристики преступления.

Способ преступления, как разновидность средств преступлений — элемент криминалистической характеристики преступлений, представляет собой систему связей и отношений элементов, входящих в структуру: 1) криминалистической характеристики преступлений; 2) средств криминалистической характеристики преступлений. В этом качестве способ преступления, как и другие элементы средств преступлений, является подсистемой третьего уровня системы криминалистической характеристики преступлений.

Рассматривая способ совершения преступлений (способ преступлений), следует отметить, что с 30-х гг. прошлого века он постоянно находится в центре внимания криминалистов. С этого периода развития отечественной криминалистики необходимость его исследования практически никогда не подвергалась сомнению. Однако способ преступления интересовал не только криминалистов, но и представителей других наук криминального цикла, в первую очередь уголовного права, криминологии, уголовного процесса.

Так, в рамках уголовно-правовой науки способ преступления исследовали В.Н. Кудрявцев, Н.И. Панов, Н.П. Пономарев, В.А. Попелюшко, И.С. Тишкевич и другие ученые. Например, В.А. Попелюшко определил способ преступления как определен-

ный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом для совершения преступления, «форму выражения» действия или бездействия.

В то же время криминалисты считали необходимым сформулировать свое определение способа преступления, стремясь сделать его более широким и емким, чем в уголовном праве и процессе. Определить криминалистическую сущность способа преступления в разное время стремились А.Н. Васильев, Г.Г. Зуйков, А.Н. Колесниченко, В.П. Колмаков, Э.Д. Куранова, Г.Н. Мудьюгин и другие ученые-криминалисты.

Понятие «способ преступления» раскрывается преимущественно посредством действий (деятельности).

Без сомнения, любая деятельность, включая преступную, представляет собой определенную систему отдельных действий субъекта или субъектов, однако такой подход не может дать правильного представления о сущности способа этой деятельности.

При таком понимании способа остается неясным, до какой степени должна быть раздроблена преступная деятельность на отдельные действия. Ведь каждое отдельное действие можно расчленить и представить в виде системы операций, приемов и т. п. Очевидно, что при таком подходе было бы чрезвычайно сложно выделить основные, типичные способы совершения отдельных видов преступлений, обозначить и систематизировать их. Любой способ потребует описания большого количества «мелких» действий (приемов), суть же его останется неясной.

Кроме того, в криминалистических определениях способа используются разнообразные термины: «деятельность», «действия», «операции», «движения». При этом упущен термин «деяние», который используется законодателем для определения сущности преступления. Поэтому в правовых науках под преступлением понимают не только общественно опасное действие, но и общественно опасное бездействие. Таким образом, в случае совершения преступления путем бездействия вообще невозможно определить способ как систему действий субъекта, направленных на достижение преступной цели, поскольку он как раз не предпринимает никаких действий, хотя должен был бы их предпринимать (например, существуют достаточно сложные способы экономических, налоговых и других преступлений, когда все преступление или отдельные его части связаны с без-

действием: «невнесением», «несообщением», «неявкой», «непредоставлением» и т. п.).

Как правильно отметила О.В. Чельшева, если считать, что преступление — это общественно опасное действие (бездействие), а его способ — это система действий, то получается, что мы определяем понятие через это же понятие, что будет противоречить логической природе любого определения.

Все приведенные аргументы дают основание полагать, что определения сущности способа, предлагаемые авторами в рамках уголовно-правовых и процессуальных исследований, более близки к истине, чем криминалистические определения.

На основании проведенного исследования возможно предложить следующее определение. **Способ совершения преступления** — это система связей и отношений субъектов преступления между собой, с объектом (предметом) преступления и другими средствами совершения преступления (например, место преступления, орудие преступления и т. п.) в процессе подготовки к совершению преступления и (или) непосредственного совершения преступления и (или) сокрытия преступления. Именно подобного рода постановка вопроса о способе совершения преступления позволяет разрешить проблему формирования рассматриваемого понятия: а) исключения замкнутого круга (определение понятия через определяемое); б) использования в определении термина более общего характера, чем определяемый термин;

Кроме того, предложенное определение способа совершения преступления обладает универсальностью, т. е. оно будет истинно и в том случае, если преступление совершается путем бездействия или путем совершения всего одного действия (телодвижения). При этом оно учитывает традиционные для него связи и отношения между (1) субъектами преступления в процессе совершения преступления (например, совместное выполнение действий или распределение обязанностей); (2) субъектом и объектом (предметом) преступления (например, путем завладения, разрушения, повреждения и т. п.); (3) субъектом преступления с другими средствами совершения преступления (например, использование орудий преступления для воздействия на предмет преступления, для устранения препятствий к совершению преступления, для сокрытия предмета преступления или самого преступника и т. п.).

Определенное сочетание указанных и иных связей и отношений образует конкретный способ преступления.

Формирование способа преступления происходит под влиянием потребности (цели, мотива), а также средств преступления. Именно наличие у преступника определенных потребностей определяет то, как данные потребности могут быть удовлетворены. К числу других факторов обычно относят особенности предмета посягательства, объективную обстановку, психические свойства личности: характер, навыки, умения, привычки.

Способ преступления включает в себя не только непосредственное совершение преступления, но и способ подготовки к нему, и способ сокрытия преступления. Если в содержании присутствуют все три компонента, то способ называют полноструктурным. Если хотя бы один компонент отсутствует — сокращенным.

Под сокрытием понимается деятельность, направленная на утаивание, уничтожение, маскировку или фальсификацию информации (или ее носителей) о преступлении. Такое воспрепятствование заключается в стремлении к недопущению соответствующей информации в сферу уголовного судопроизводства, ее использования в процессе расследования.

В криминалистике традиционно считается, что сокрытие преступления может происходить в активной или пассивной форме. Причем активная форма характерна практически для всех вышеперечисленных способов, пассивная же — в основном для утаивания информации.

Уничтожение и маскировка информации обычно представляют собой ряд активных действий преступника или иных лиц. Уничтожение информации о преступлении, как правило, заключается в уничтожении следов преступления или носителей этих следов (предметов).

Под маскировкой информации понимают действия, предпринимаемые для изменения представления о способе совершения преступления, субъекте преступления, обстановке места происшествия и т. п.

Фальсификация или подделка информации о преступлении состоит в целенаправленном создании ложных источников информации, подмене предметов, частичном уничтожении предмета с целью изменения его внешнего вида, фальсификации назначения.

Существуют также смешанные способы сокрытия преступления, при которых элементы одного способа могут сочетаться с элементами другого. Одним из распространенных смешанных способов сокрытия преступления является инсценировка — создание обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на данном месте событию.

В криминалистике принято классифицировать инсценировки по следующим основаниям:

- по целям — на инсценировки с целью сокрытия преступления или некриминального события;

- по объекту инсценировки — на инсценировку преступления, инсценировку некриминального события, инсценировку отдельных деталей совершенного преступления;

- по времени — на совершаемую до преступления, во время или после совершения преступления;

- по субъекту инсценировки — на совершаемую самим преступником или другими лицами;

- по способу легализации — рассчитанную на обнаружение посторонними лицами или по сообщению самих исполнителей инсценировки;

- по длительности — рассчитанную на то, что истинное событие не будет установлено никогда или совершаемую с целью получения выигрыша во времени;

- по содержанию — инсценировка материальных следов события, инсценировка материальных следов в сочетании с соответствующим поведением или сообщением ложных сведений.

Если способ подготовки к преступлению всегда связан с конкретными способами непосредственного совершения, то способ сокрытия может быть связан с другими компонентами единым замыслом, а может и существовать как бы независимо от них. Это происходит в основном в следующих случаях:

- намерение скрыть преступление может появиться уже после его совершения в силу различных причин (например, если не оправдался расчет преступника на сокрытие преступления путем самоуничтожения следов в силу природных факторов или другими лицами либо если преступник вынужден вследствие изменения обстоятельств принимать те или иные меры по сокрытию, не предусмотренные первоначальным замыслом, и т. п.);

— решение о сокрытии принимается не самим преступником, а другими лицами — соучастниками, близкими и др.

В заключение анализа средств преступления как элемента криминалистической характеристики преступления следует еще раз подчеркнуть, что, с одной стороны, приведенный и рассмотренный перечень средств преступления не является исчерпывающим, с другой — в зависимости от конкретной категории преступлений не все из приведенных средств могут иметь криминалистическое значение для цели расследования, т. е. не будут выполнять функцию существенных обстоятельств криминалистической характеристики конкретной категории преступлений. Иными словами, набор элементов криминалистической характеристики преступлений не может быть строго обязательным для различных категорий преступлений, так как отдельные элементы, криминалистически информативные для одних преступлений, будут малоинформативными или вообще неинформативными для других.

Таким образом, структура криминалистической характеристики преступлений, состав ее элементов будут зависеть от категории изучаемых преступлений. По этой причине следует не стремиться строить универсальную модель криминалистической характеристики преступлений, тем более стараться перечислить эти элементы в определении данного понятия, а предложить принципиальную структуру, которая была бы подвижной и гибкой, способствовала бы разработке такой характеристики конкретной категории преступлений. Как представляется, этому критерию отвечает предложенная структура криминалистической характеристики преступлений, в соответствии с которой ее элементы располагаются в определенной последовательности, образуя подсистемы. Именно такая структура призвана выполнять две взаимосвязанные функции криминалистической характеристики преступлений: 1) теоретической концепции — основы формирования частной криминалистической методики; 2) одного из средств предварительного расследования — модели выявленных и обобщенных сведений о криминалистически значимых признаках определенной категории преступлений.

VI. Ситуационность расследования преступлений

Расследование преступлений осуществляется в конкретных условиях места, окружающей среды, взаимосвязи с другими процессами объективной действительности, с поведением лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, и под воздействием иных, порой остающихся неизвестными для органа расследования факторов. Эта сложная система взаимосвязей образует в итоге ту конкретную обстановку, в которой действуют следователь и иные субъекты, участвующие в доказывании, и в которой протекает конкретный акт расследования. Эта обстановка получила в криминалистике общее название *следственной ситуации*.

В изучении проблемы следственных ситуаций важную роль сыграла статья А.Р. Ратинова. Ее основные положения, касающиеся типичных следственных ситуаций, их классификации и методов разрешения принятием соответствующих решений, наметили пути исследования данного явления (преимущественно в криминалистической тактике). С середины 70-х гг. XX в. криминалисты (А.Н. Колесниченко, А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков и другие) рассматривали проблему следственной ситуации и в методике расследования преступлений. Начиная с 90-х гг. влияние ситуационных идей распространяется на всю систему криминалистики: Н.П. Яблоковым и Т.С. Волчецкой предложена криминалистическая ситуалогия; Г.А. Матусовским в общих положениях методики расследования отдельных видов преступлений сформулирована концепция ситуационного подхода; С.Э. Воронин рассмотрел концепцию проблемно-поисковой следственной ситуации и ее взаимосвязь с установлением истины в уголовном судопроизводстве; Д.В. Ким изучал теоретико-методологические аспекты функционирования категории «криминалистическая ситуация».

Одно из первых определений следственной ситуации принадлежит А.Н. Колесниченко. В нем следственная ситуация опреде-

лена как положение в расследовании преступлений, характеризующее наличием тех или иных доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания и проверки.

В.Е. Корноухов под следственной ситуацией понимает объективно повторяемое положение в процессе расследования, обусловленное фактическими данными, которое определяет процесс обнаружения, собирания доказательств. Типичные следственные ситуации определяются с учетом этапов расследования, что в большей степени конкретизирует процесс обнаружения, собирания доказательств. Настоящее определение, как представляется, характеризует не следственную ситуацию вообще, а типичные следственные ситуации.

Н.А. Селиванов под следственной ситуацией предложил рассматривать сумму значимой для расследования информации, имеющейся в распоряжении следователя к определенному моменту.

Данный подход разделяют и другие авторы. Так, В.К. Гавло определил следственную ситуацию в наиболее общем виде как совокупность фактических данных, которые отражают существенные черты события, каким оно представляется на том или ином этапе расследования преступлений.

Обоснованно критикуя данную позицию, Р.С. Белкин отметил, что согласно им следственная ситуация лежит как бы «внутри» процесса расследования, выступая как совокупность либо обстоятельств по делу, либо факторов, характеризующих не что-то внешнее по отношению к расследованию, а непосредственно само расследование.

Т.С. Волчецкая определяет следственную ситуацию как степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять наиболее целесообразные по делу решения. Видимо, предложенное Т.С. Волчецкой определение не может считаться бесспорным. Действительно, состояние процесса расследования напрямую зависит от наличия знаний субъекта расследования о совершенном преступном деянии, но ставить следственную ситуацию в зависимость от «осведомленности следователя о преступлении», некорректно. Следственная ситуация, как известно, носит внешний характер относительно

процесса расследования и влияет на него как в результате осознания тех или иных ее условий субъектом расследования, так и в результате тех условий, которые не могут по объективным и субъективным причинам восприниматься этим субъектом. Одновременно следует отметить, что в рассматриваемом определении имеется указание на процессуальную фигуру следователя — как единственного субъекта расследования преступлений, что не может быть признано правильным.

Определение, предложенное А.М. Кустовым, в большей части снимает ряд отмеченных и иных замечаний в отношении предыдущих определений. Так, А.М. Кустов считает, что следственная ситуация — это система условий и обстоятельств, характеризующих состояние расследования уголовного дела на определенный его момент, обстановку, в которой следователю надлежит действовать в соответствии со своим должностным положением.

Разрешая некоторые вопросы в отношении определения, приведенного предыдущим автором, предложенный вместо него вариант также нельзя признать бесспорным. Во-первых, в предложенной конструкции определения используются такие взаимозависимые понятия, как «условия», «обстоятельства» и «обстановка», что приводит к неоднозначному толкованию предлагаемого определения. Во-вторых, настоящее определение несколько «утяжено» указанием на то, что следователю надлежит действовать в соответствии со своим должностным положением.

Р.С. Белкин под следственной ситуацией предложил совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, т. е. ту обстановку, в которой протекает процесс доказывания. Если не брать во внимание дискуссионный момент при использовании в качестве синонимов понятий «условия» и «обстановка», то следует признать настоящее определение лаконичным и в то же время в полном объеме отражающим сущность следственной ситуации. Такой подход к понятию следственной ситуации позволяет связать его с понятиями «криминалистическая версия», «планирование расследования» и более четко разделить понятия «следственная ситуация» и «исходная информация», а также рассмотреть некоторые новые аспекты классификации следственных ситуаций.

Следует отметить, что несмотря на многочисленных сторонников приведенной трактовки следственной ситуации с ней

в настоящее время согласны не все авторы. Одним из наиболее последовательных оппонентов является О.Я. Баев, который в своих многочисленных работах аргументирует иное видение сущности следственной ситуации. Основной просчет авторов, по его мнению, состоит в том, что они не делают различий между ситуацией (обстановкой) расследования конкретного преступления конкретным следователем и следственной ситуацией как категорией науки криминалистики.

Приводя доводы, обосновывающие его позицию, О.Я. Баев соглашается с тем, что при понимании следственной ситуации как обстановки, обуславливающей (осложняющей или облегчающей) расследование конкретного преступления, в ее структуру неизбежно вовлекаются личность конкретного следователя, а также технические, организационные и другие возможности, силы и средства, которыми в каждом конкретном случае он располагает. Он считает, что именно это во многом обуславливает, формирует ситуацию расследования конкретного преступления.

Но при этом О.Я. Баев приходит к парадоксальному выводу о подмене следственной ситуации ситуацией расследования, якобы вытекающей из того, что одна и та же обстановка расследования конкретного преступления разным следователям может показаться различной и оценена ими различно, в зависимости от многочисленных факторов (опыта следователя, его специализации и т. п.). Если в связи с этим понимать ситуацию расследования как следственную, то криминалистика, разрабатывая тактические рекомендации по применению тех или иных приемов, должна была бы эти факторы учитывать.

Представляется, что неправомерно противопоставлять такие термины, как «следственная ситуация» и «ситуация расследования». Данная конструкция (противопоставление), т. е. отнесение термина «следственная ситуация» к науке криминалистике, а «ситуация расследования» к «расследованию конкретного преступления конкретным следователем», — искусственная и ничем не оправдана. Наука криминалистика на основе практического опыта и теоретических разработок формулирует конкретные практические рекомендации, которые используются для расследования конкретного преступления. То же самое относится и к изучению следственной ситуации как одной из криминалистических категорий. Кроме того, искусственное противопоставле-

ние указанных терминов, относящихся к научным и ненаучным (практическим), образует и (или) увеличивает ничем не оправданный разрыв между теорией и практикой.

В литературе можно встретить и иные точки зрения. Так, А.П. Онучина считает, что следственная ситуация — это обстановка при расследовании, которая характеризуется информационной неопределенностью связи фактических данных с установленным событием и наличием актуальной потребности устранения такого состояния. Можно отметить и оригинальную точку зрения Д.А. Турчина, который определяет следственную ситуацию как одномоментную криминалистическую характеристику преступления на определенном этапе ее развития.

Неточность и расплывчатость определения, приведенного А.П. Онучиным, как и путаница в криминалистических категориях в предложенном определении Д.А. Турчина, не вызывают сомнений.

Существует также мнение, что следственную ситуацию нужно рассматривать в широком (как совокупность условий, оказывающих влияние на процесс расследования) и в узком (как характеристику информационных данных, которыми располагает следствие) смыслах (В.П. Бахин, В.И. Комиссаров, С.В. Маликов и другие).

Многообразие различных подходов к определению следственной ситуации в некоторой степени оправдывается сложным характером исследуемого объекта, а также широкой лексической трактовкой значения слова «ситуация».

Проведенное исследование позволило нам предложить следующую дефиницию: ***следственная ситуация** — это совокупность условий, определяющих конкретный момент предварительного расследования преступлений.* Все условия, составляющие следственную ситуацию, можно дифференцировать на внутренние и внешние. К первым — относится наличие средств (ресурсов), имеющих в распоряжении органа расследования (например, материально-технических, кадровых, временных, методологических, организационных и т. п.), ко вторым — информация, которой располагает субъект расследования о расследуемом событии (например, о событии, содержащем признаки преступления, о лицах, причастных к этому событию, и т. п.), а также о той деятельности,

которую осуществляют на данный момент расследования заинтересованные в исходе дела и иные лица.

Ситуационная природа расследования преступлений проявляется в оценке органом расследования сложившихся на конкретный момент времени условий и в определении на этой основе тактики (технологии) расследования конкретного преступления. Недаром в криминалистической литературе отмечается, что верная оценка следственных ситуаций и выбор на этой основе тактики расследования являются важнейшими условиями целенаправленности следствия, принятия научно обоснованных и оптимальных решений тактического, методического и технико-криминалистического характера.

И.М. Лузгин выделил в следственной ситуации следующие компоненты:

1) информацию о событии, содержащем признаки преступления, и о лицах, причастных к этому событию;

2) объективные условия, характеризующие процесс получения информации (место, время, климатические условия, использование научно-технических средств и т. д.);

3) силы и средства, имеющиеся в распоряжении следователя;

4) позицию подозреваемого, потерпевшего, свидетеля, результаты их противодействия установлению истины;

5) контакты следователя с оперативно-розыскными работниками, различными специалистами;

6) иные факторы, препятствующие или способствующие успешному решению криминалистических задач (например, утрата обнаруженных при осмотре вещественных доказательств, явка преступника с повинной и т. п.).

В.А. Образцов включает в следственную ситуацию следующие компоненты: информационные, криминалистические, психологические, материально-технические, кадровые, правовые и иного порядка.

По мнению И.А. Возгриня, в содержание следственной ситуации входят специфика совершенного преступления, особенности информации о событии преступления, ее полнота, достоверность и относимость, содержание проведенного к определенному моменту времени расследования, его результаты, а также условия расследования, т. е. уровень научной организации и управления данного следственного аппарата, степень обеспе-

ченности криминалистическими и специальными средствами, загруженность следователя и т. п.

В настоящее время наибольшее распространение получила структурная схема следственной ситуации, предложенная Р.С. Белкиным, выделившим в следственной ситуации следующие компоненты (условия): 1) информационные; 2) психологические; 3) процессуально-тактические; 4) материальные и организационно-технические.

Данная позиция разделяется не всеми учеными. Так, А.Г. Филиппов считает, что на первый взгляд эти суждения представляются весьма убедительными. Действительно, кажется очевидным, что психологическое состояние следователя, уровень его знаний, практический опыт и т. д. должны входить в следственную ситуацию, поскольку все эти обстоятельства влияют на ход расследования. Если, например, следователь переутомлен или плохо знает специальные вопросы, которые необходимо выяснить в ходе допроса, он не сможет провести допрос на должном уровне и, значит, не получит необходимой информации; в результате расследование будет затруднено или даже может зайти в тупик. Несомненно, ход и результаты расследования во многом зависят и от технической оснащенности следователя, и от уровня его взаимодействия с оперативно-розыскными аппаратами, и от многого другого. Все это бесспорно. Тем не менее, рассматривать следователя и все факторы, прямо или косвенно влияющие на результаты его работы, как элементы следственной ситуации было бы неправильно.

Разработка проблемы следственных ситуаций имеет вполне конкретную практическую цель: выявить типичные ситуации, складывающиеся при расследовании определенных видов и групп преступлений, и на этой основе создать комплексы рекомендаций по методике расследования соответствующих преступлений. Понятие и содержание следственной ситуации должны отвечать этой задаче. Значит, в понятии и содержании данной криминалистической категории должна быть отражена возможность типизации следственных ситуаций. Если же включить в содержание ситуации все названные выше компоненты, типизация ситуаций окажется невозможной.

Конечно, нельзя предложить одну группу рекомендаций для следователя решительного и склонного к риску и другую

группу — для следователя менее решительного, но зато более вдумчивого и осторожного, одни рекомендации — для следователя-сангвиника и другие — для следователя-меланхолика, одни — если следователь располагает автомашиной и другие — если он вынужден добираться до места происшествия пешком и т. д. Никакая методика не в состоянии типизировать бесчисленное многообразие интеллектов, физиологических и психологических особенностей, состояний, житейских ситуаций и других обстоятельств, которые проявляются при работе следователя по конкретному уголовному делу. Положения науки криминалистики рассчитаны на творческое их использование обычным, «стандартным» следователем, который хорошо подготовлен в профессиональном отношении, располагает обычным комплексом современных технико-криминалистических средств, имеет возможность получить помощь специалистов, органов дознания, воспользоваться при необходимости служебным транспортом и т. д. Безусловно, здесь имеет место абстракция: в реальной жизни следователь и условия его работы не всегда соответствуют стандарту. Но такого рода абстракции в науке неизбежны и закономерны.

Итак, следственная ситуация как криминалистическая категория не может совпадать по объему с ситуациями, складывающимися на практике. Содержание этого понятия должно быть более узким, в частности факторы, относящиеся к личности следователя, его технической оснащенности, условиям его работы и т. п., в рассматриваемое понятие входить не могут, поскольку это исключило бы возможность типизации следственных ситуаций и сделало бы разработку данной проблемы практически бесцельной. Оптимальным является включение в содержание следственной ситуации лишь одной группы факторов — информационных.

Следственную ситуацию можно рассматривать в широком (как совокупность условий, оказывающих влияние на процесс расследования) и в узком (как характеристику информационных данных, которыми располагает следствие) смыслах. Следственные ситуации в широком смысле можно типизировать, хотя вариантов такой типизации будет значительно больше. В то же время, следует заметить, что до настоящего времени нет работ, в которых типизировались бы следственные ситуации с учетом материальных и организационно-технических компонентов.

Проводя анализ структурных схем следственной ситуации, Т.С. Волчецкая предложила все компоненты, влияющие на формирование следственной ситуации, разделить на три основные группы, а именно:

а) факторы, относящиеся к расследуемому событию, определяющие степень достоверности и полноту информационной модели расследуемого события к моменту оценки следственной ситуации;

б) факторы, характеризующие саму систему расследования, его процессуальное, тактическое состояние, психологические взаимоотношения участников предварительного расследования и т. д.

в) факторы, относящиеся к внешней среде, в которой ведется расследование, определяющие так называемую следственную обстановку.

Представляется, предложенный Т.С. Волчецкой подход не бесспорный. Так, несколько искусственным является выделение из следственной обстановки информационной модели расследуемого события. Автор отождествляет следственную обстановку с внешней средой, в которой ведется расследование, а последняя, как известно, определяется прежде всего наличествующей информацией о совершенном преступлении, поэтому становится мало аргументированной предложенная дифференциация факторов следственной ситуации. Несмотря на позицию сторонников включения следственной обстановки в следственную ситуацию, необходимо признать ее неправильной (нелогичной). Если следственную ситуацию большинство ученых определяет через понятие «обстановка», в которой осуществляется расследование в конкретный момент времени, то последняя включает как внешние, так и внутренние факторы (компоненты). В противном случае получается бессмыслица, которая не поддается научному анализу и не может быть использована в практической деятельности органов расследования.

Еще более запутана предлагаемая Т.С. Волчецкой характеристика внутреннего содержания каждого из этих факторов. Во-первых, остается непонятным, почему компоненты третьей группы являются более стабильными относительно первых двух групп. Во-вторых, автор, рассматривая своеобразие конкретной следственной обстановки, выделяет факторы (компоненты),

характеризующие психологические особенности субъектов расследования, а также особенности их взаимодействия между собой. Если речь в этом случае идет о взаимодействии между должностными лицами, которые расследуют преступление, то этот фактор, скорее, будет относиться ко второй предложенной Т.С. Волчецкой группе, а если между органом расследования и другими участниками предварительного расследования, то автор по праву включает данный фактор в третью предлагаемую ею группу.

Следственная ситуация формируется под воздействием объективных и субъективных факторов (условий), т. е. носит объективно-субъективный характер. Объективность следственной ситуации опосредована условиями, которые независимо от особенностей восприятия их субъектом (органом) расследования реально существуют – как объективная данность. Субъективность следственных ситуаций выражается в способности субъекта (органа) расследования в ее адекватном восприятии. Последнее напрямую зависит от индивидуальных особенностей субъекта расследования (владение общими и специальными знаниями, психологическими и нравственными устоями, наличие опыта и т. п.).

В условиях объективной действительности наиболее актуальной стала проблема выявления и научного исследования системы реально возможных, часто встречающихся следственных ситуаций и разработки с учетом их характеристик предпочтительных типовых программ (алгоритмов) расследования. Как подчеркивается в литературе, алгоритмизация и программирование процесса расследования позволяют органу расследования:

- усовершенствовать свою работу;
- избежать многих ошибок в решении криминалистических задач;
- правильно определить направление расследования и тактику отдельных следственных действий;
- наиболее полно использовать криминалистически значимую информацию;
- быстро принимать важные процессуальные и тактические решения;
- передавать свои профессиональные знания другим следователям.

Разработка алгоритмов и программ расследования преступлений отдельных видов и групп, безусловно, остается одной из актуальных задач современной криминалистики.

Любая конкретная следственная ситуация, несмотря на ее индивидуальность, неповторимость и наличие специфических факторов, определяющих ее содержание, тем не менее представляет собой разновидность типичных следственных ситуаций, и в этом ключ к ее глубокому познанию.

Следственная ситуация может упрощаться при поступлении новой информации и, наоборот, усложняться, например, при противодействии заинтересованных сторон.

Следственная ситуация возникает с момента его возбуждения до передачи уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, либо прекращения уголовного дела или приостановления по нему производства. Следственная ситуация характеризуется информацией о преступлении и лицах, причастных к нему, о возможных источниках информации, в частности полученных как до, так и после проведения процессуальных и иных действий. Следственную ситуацию характеризует также поведение потерпевших, подозреваемых (обвиняемых) и других лиц на всем протяжении производства по уголовному делу, в частности предпринимаемые ими меры противодействия расследованию.

Некоторые авторы не согласны с постановкой вопроса о том, что следственная ситуация прекращается с момента приостановления производства по уголовному делу. Так, М.В. Субботина пишет, что пока предварительное следствие не закончено, расследование всегда будет находиться в той или иной обстановке. Кроме того, факт приостановления производства по уголовному делу еще не означает, что дело будет «похоронено»: производство в любой момент можно возобновить для проверки той или иной версии, значит, расследование будет находиться в той или иной ситуации. Собственно говоря, своей аргументацией М.В. Субботина подтвердила ранее сделанный нами вывод. Говорить о следственной ситуации можно только тогда, когда будет осуществляться расследование по уголовному делу; когда будет возобновлено производство по делу, расследование «будет находиться в той или иной ситуации». В то же время по приостановленным уголовным делам существуют ситуации, но их, скорее, следует определять как ситуации по приостановленным делам.

Кроме того, если следовать традиционной позиции, поддержанной самой М.В. Субботиной, о том, что следственная ситуация — это обстановка расследования, то очевидно, что в случае приостановления производства по уголовному делу ни о какой следственной ситуации говорить не приходится, так как фактически речь идет о приостановлении расследования.

Одну из первых научно значимых классификаций следственных ситуаций предложил А.Р. Ратинов. Он выделил ситуации конфликтные и бесконфликтные. По мнению А.Р. Ратинова, основными признаками бесконфликтной ситуации являются полное или частичное совпадение интересов участников уголовного процесса, отсутствие между ними противоречий в целях, к достижению которых направлены их усилия на данном этапе расследования. Случаи, когда между участниками процесса складываются отношения соперничества и противодействия, были определены автором как конфликтные ситуации.

Предложенная А.Р. Ратиновым классификация не только прижилась в криминалистической науке, но и доказала в последующем свою большую научную и практическую значимость.

Деление следственных ситуаций, предложенное И.Ф. Герасимовым, исходило из их информационной характеристики. По этому основанию автор выделил следующие ситуации:

- характеризующиеся отсутствием или существенной неполнотой сведений о лице, совершившем преступление;
- осложненные существенной неполнотой данных о способе преступления или других обстоятельствах преступного события;
- содержащие неполные сведения о лице, совершившем преступление, и о самом преступном событии.

Данная классификация в более современных работах практически не встречается, хотя некоторые общие черты с ней имеют деления типичных следственных ситуаций в научных разработках методик расследования отдельных видов преступлений.

Л.Я. Драпкин предложил несколько классификаций следственных ситуаций. Одну из них в общем виде можно охарактеризовать как первоначальную классификацию следственных ситуаций на простые и сложные, с последующим делением каждого из элементов по различным основаниям на подвиды, подподвиды и т. д. Им же была предложена классификация, связанная

с этапами расследования, а именно: исходные, промежуточные и конечные.

В последующем Л.Я. Драпкин предложил дифференцировать следственные ситуации на простые (благоприятные) и сложные (неблагоприятные). Последние, в свою очередь, он делил на пять классификационных групп: 1) проблемные, 2) конфликтные, 3) тактического риска, 4) организационно-неупорядоченные и 5) смешанные.

Предложенная Л.Я. Драпкиным классификация, несомненно, была не просто нова, но интересна прежде всего тем, что определяла, по сути дела, новые направления исследований следственных ситуаций. Несмотря на то, что сама система содержала ряд дискуссионных моментов, она дала существенный толчок для дальнейших научных исследований проблем следственных ситуаций. Например, в последней классификационной системе следственных ситуаций к разряду дискуссионных можно отнести вопросы, связанные с выделением «проблемных» и «конфликтных» ситуаций, так как конфликт всегда порождает проблему, а проблема, напротив, не всегда связана с конфликтом. Исходя из этого, вызывает сомнение и выделение «смешанной» группы следственных ситуаций, куда Л.Я. Драпкин включил ситуации, которым в одинаковой мере присущи черты как проблемности, так и конфликтности.

Кроме того, неоднозначно воспринимается и выделение проблемных следственных ситуаций. В связи с этим необходимо остановиться на позиции С.Э. Воронина, который посвятил свое диссертационное исследование данному виду следственной ситуации, называя ее, как и В.К. Гавло, «проблемно-поисковые следственные ситуации». При этом, если В.К. Гавло определил ее как сложившуюся в ходе расследования обстановку, характеризующуюся состоянием интеллектуального и иного порядка затруднений следователя, когда он не может в данный момент установить обстоятельства расследуемого события на основе имеющихся фактических и иных данных и встает перед необходимостью увеличить их объем посредством известного в целях решения задачи уголовного судопроизводства, то С.Э. Воронин проблемно-поисковую следственную ситуацию определил как наиболее психологизированный тип следственной ситуации, характеризующий определенный уровень психической активности познающего

субъекта (оперативного работника, эксперта, следователя, прокурора, судьи) в процессе постановки и решения задачи преодоления информационной неопределенности по расследуемому уголовному делу.

Обе попытки не могут быть признаны удачными, хотя разница между ними существенная. Так, любая следственная ситуация, если исходить из определения В.К. Гавло, в большей или меньшей степени связана с интеллектуальными и иного порядка затруднениями следователя, что, безусловно, влечет необходимость увеличить объем фактических и иных данных «посредством известного в целях решения задачи уголовного судопроизводства». Положенный в основу позиции С.Э. Воронина психологический подход также не может быть признан приемлемым, так как включение в определение таких понятийных конструкций, как «наиболее психологизированный тип» или «уровень психологической активности», не вносит ясности в рассматриваемую проблему, а порождает все новые вопросы. Например, насколько этот вид следственных ситуаций, в отличие от других, наиболее психологизирован? Или какой уровень психологической активности соответствует данному виду следственных ситуаций?

Кроме того, малоубедительной является аргументация С.Э. Воронина, обосновывающая выделение проблемно-поисковой следственной ситуации в самостоятельный вид и основанная только на том, что теоретические конструкции для того и существуют, чтобы дать возможность при изучении однородных криминалистических явлений выделить и актуализировать проблему познания и поиска решений (в проблемно-поисковой следственной ситуации).

Действительно, любая классификация, систематизируя имеющиеся знания об объекте, способствует целенаправленному его исследованию, но только в том случае, если она сама построена на научно обоснованных правилах (принципах, законах). Нарушение таких правил ведет к нарушению процедуры исследования объекта, а значит, к невозможности правильно выделить и актуализировать те его свойства (стороны), которые являются предметом исследования.

Законный и непростой вопрос об обоснованности классификации следственных ситуаций по признаку проблемности предполагает учет того, что до настоящего времени ни один из сторонни-

ков положительного решения данного вопроса не сформулировал (что казалось бы логичным) понятия беспроблемной следственной ситуации, что не позволяет проанализировать составляющие это понятие признаки и, как следствие, определить его объем. Такое положение может объясняться только так: никто из ученых-криминалистов не может привести хотя бы один пример расследования преступления, когда отсутствовала бы проблемная ситуация.

В связи с этим следует согласиться с В.А. Образцовым и В.Б. Ястребовым, полагающими, что следственные ситуации по своей природе относятся к категории так называемых проблемных ситуаций и отражают состояние незавершенного расследования. Аналогичную позицию высказал И.М. Лузгин, который писал: «Как показывает кафедральное исследование и следственная практика, нет и не может быть непроблемных следственных ситуаций, каждая следственная ситуация содержит одну или несколько проблем».

Т.С. Волчецкая дифференцировала следственные ситуации в зависимости от количества, характера и содержания формирующих ситуацию факторов на следующие виды:

- ситуации познавательного типа;
- ситуации организационно-упорядоченного типа;
- конфликтные ситуации;
- ситуации тактического риска.

Как представляется, аналогично Л.Я. Драпкину, она повторила ошибку, связанную с правилами построения классификационной системы. Например, бесспорным является положение о том, что ситуации тактического риска могут носить и конфликтный характер, а сама ситуация тактического риска свойственна расследованию любого преступления, так как в большей или меньшей степени существует риск утраты доказательств.

Классификация следственных ситуаций на исходные, промежуточные и конечные также порождает дискуссии. По мнению В.П. Лаврова, исходная следственная ситуация может быть ограничена периодом от момента поступления сообщения о преступлении в правоохранительные органы до завершения неотложных следственных действий, задержания подозреваемого, появления обоснованной версии о личности преступника или иного обсто-

ательства, знаменующего собой резкое изменение исходной ситуации.

В.К. Гавло определяет это понятие как ситуацию, складывающуюся в момент возбуждения уголовного дела, отличая от нее проверочную ситуацию, складывающуюся до возбуждения уголовного дела. Такую же позицию высказал Н.Г. Шурухнов. Аналогичное определение использует Н.В. Выдрина, заменяя термин «проверочная» на термин «доследственная». Термин «доследственная» использует также В.С. Зеленецкий, понимая под такого рода ситуацией предварительную проверку поступившего сообщения о преступлении.

Предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, о чем орган расследования выносит соответствующее постановление, которое должно быть согласовано с прокурором (ч. 1 ст. 156 УПК РФ). В связи с этим обоснованным необходимо считать мнение о том, что следственная ситуация может появиться только с момента возбуждения уголовного дела (исходная следственная ситуация), независимо от того, что деятельность органа расследования может начинаться раньше — с момента поступления заявления или сообщения о преступлении.

По мнению А.Г. Филиппова, следственные ситуации можно классифицировать по различным основаниям. Как полагает ученый, наиболее удачна следующая классификация: 1) ситуации типичные и конкретные; 2) ситуации, складывающиеся при расследовании по делу в целом и при проведении отдельного следственного действия; 3) ситуации конфликтные и бесконфликтные.

Типичные — это ситуации, характерные с точки зрения объема и содержания имеющейся информации для преступлений определенного вида или группы на конкретном этапе их расследования. Так, для первоначального этапа расследования краж и ряда других преступлений характерны три типичные ситуации: преступник задержан на месте преступления с поличным; преступник не задержан, но о нем имеется определенная информация, позволяющая организовать его розыск; преступник не задержан и никаких данных о нем нет (например, при карманных кражах). Для изнасилований на первоначальном этапе расследования характерны две типичные ситуации: потерпевшая знает

насильника или может дать о нем информацию, позволяющую организовать его розыск; потерпевшая не может дать никакой информации о насильнике (скажем, если нападение произошло внезапно для потерпевшей и она не смогла рассмотреть преступника) и т. д.

Конкретными являются ситуации, складывающиеся при расследовании по определенному уголовному делу. Они могут совпадать с типичными и не совпадать с ними, быть атипичными. Разумеется, при наличии атипичной ситуации рекомендации, разработанные в криминалистике для тех или иных типичных случаев (иногда их называют алгоритмами действий следователя), использоваться не могут.

Ситуации, складывающиеся при расследовании по делу в целом, всегда являются в той или иной мере конфликтными. Ситуации, возникающие при проведении отдельного следственного действия, могут быть как конфликтными, так и бесконфликтными.

Признавая наличие следственных ситуаций, возникающих при конкретном акте расследования, тем не менее следует подчеркнуть, что А.Г. Филиппов, критикуя позицию Р.С. Белкина, обращал внимание на то, что следственная ситуация как криминалистическая категория не может совпадать по объему с ситуациями, складывающимися на практике. Как было показано, этот довод был одним из решающих в ряду аргументов несогласия с компонентным составом следственных ситуаций, предложенным Р.С. Белкиным. В связи с этим можно констатировать наличие известного несоответствия в позиции А.Г. Филиппова.

Кроме того, согласиться с позицией, согласно которой ситуации, возникающие при проведении отдельного следственного действия, могут быть как конфликтными, так и бесконфликтными, а при расследовании только конфликтными, не представляется возможным. Очевидно, что производство следственных действий осуществляется в рамках всего расследования по делу. Значит, следственная ситуация по делу будет проецироваться на ситуацию по конкретному следственному действию.

По мнению Н.Г. Шурухнова, следственные ситуации можно классифицировать следующим образом:

— «следственная ситуация» как научная категория;

— типичные следственные ситуации, т. е. наиболее характерные. Будучи научной абстракцией, имеют большое методологическое значение для разработки значимых вопросов криминалистической тактики и методики;

— конкретные следственные ситуации, которые имеют не столько теоретическое, сколько практическое значение, формируются в реальных условиях процесса расследования конкретного преступления.

В зависимости от объема и содержания следственные ситуации можно разделить на общие и частные. Применительно к этапам расследования следственные ситуации могут быть первоначальными, последующими и завершающими.

Определенное значение, по мнению Н.Г. Шурухнова, имеет деление следственных ситуаций на благоприятные и неблагоприятные.

Особого внимания заслуживает классификационная система следственных ситуаций, построенная *в зависимости от их уровня*. Так, Н.П. Яблоков высказал мнение, что следственные ситуации, возникающие в рамках конкретных следственных действий и тактических операций, характеризуют сложившиеся локальные обстановки главным образом с тактических позиций. Должным образом оцененное своеобразие их содержания прежде всего обуславливает выбор наилучшей тактики одного или нескольких следственных действий с целью решения стоящих перед ними задач и обеспечивает принятие необходимых процессуальных решений. Подобные ситуации, в основном тактической направленности, обычно не зависят от вида, рода или разновидности преступлений. Их целесообразнее всего именовать ситуациями следственных действий или тактических операций. Следственные ситуации, определяющие внешнюю и внутреннюю обстановку какого-то момента, фрагмента (этапа) расследования, в целом значительно шире предыдущих по своей фактической базе и по роли, которую они играют в расследовании.

Классификация следственных ситуаций по их уровню должна рассматриваться, по мнению А.Ю. Головина, как базовая — для дальнейших классификационных исследований этого понятия. Ее элементами, подчеркивает А.Ю. Головин, являются общие ситуации (ситуации расследования в целом) и частные ситуации, которые, в свою очередь, можно подразделить на ситуации, скла-

дывающиеся в ходе проведения тактических операций или конкретных следственных действий.

В результате проведенных исследований А.Ю. Головин предложил следующую классификационную систему следственных ситуаций.

1. Базовым делением следственных ситуаций выступает их классификация на общие (ситуации расследования в целом) и частные (ситуации, складывающиеся в ходе проведения тактических операций и конкретных следственных и иных процессуальных действий).

2. Общие следственные ситуации могут рассматриваться в зависимости от времени возникновения (исходные, промежуточные, конечные), возможности достижения целей расследования (благоприятные и неблагоприятные), от степени влияния на принятие решений по делу (простые и сложные), от типового характера (типовые и конкретные).

3. Частные следственные ситуации могут подразделяться: в зависимости от характера действий следователя — на ситуации, складывающиеся в ходе проведения тактических операций, и ситуации конкретных следственных и иных процессуальных действий (например, ситуация задержания или явки с повинной); по характеру отношений между участниками расследования (конфликтные и бесконфликтные); в зависимости от наличия объективной необходимости проведения рискованных действий (ситуации, требующие проведения следователем рискованных действий и, соответственно, не требующие таких действий); по степени влияния на принятие решений (простые и сложные); по типовому характеру (типовые и конкретные).

С учетом ранее высказанных соображений, хотелось бы заметить, что в предложенной А.Ю. Головиным системе классификации следственных ситуаций отсутствует наиболее распространенная и считающаяся традиционной классификация следственных ситуаций в зависимости от этапов процесса расследования (этапов временной структуры частных криминалистических методик). Как представляется, такой вид классификации может занять место на общем уровне предложенной системы следственных ситуаций. Так, И.М. Лузгин писал, что для любой ситуации, включая следственную, характерны временные эпизодические связи между предметами и явлениями материального

мира. Ситуации могут меняться, переплетаться, исчезать и вновь возникать под воздействием некоторой совокупности факторов, в частности поведения людей.

Приведенный краткий анализ позволяет предложить следующую классификационную систему следственных ситуаций в зависимости от:

- уровня обобщенности их возможно дифференцировать на следственную ситуацию предварительного расследования в целом, следственную ситуацию тактических комплексов. Последняя зависит от видов тактических комплексов;

- возможности достижения цели (решения задач) предварительного расследования следственные ситуации возможно подразделять на благоприятные следственные ситуации и неблагоприятные следственные ситуации;

- характера обобщенности следственные ситуации возможно дифференцировать на типичные следственные ситуации и индивидуальные следственные ситуации;

- характера отношений между участниками предварительного расследования следственные ситуации возможно классифицировать на внешне конфликтные и внешне бесконфликтные следственные ситуации.

Практическое значение использования разработанных наукой классификаций следственных ситуаций проявляется в правильном выборе тактики (технологии) расследования преступлений на этапе планирования.

VII. Планирование расследования преступлений

Для правильного понимания планирования расследования необходимо выявить его сущность (цели, принципы, условия, формы и т. п.) и содержание.

В словарях понятие «план» рассматривается как (а) заранее намеченный порядок, последовательность осуществления какой-либо программы, выполнения работы, проведения мероприятий; (б) замысел, проект, основные черты какой-либо работы, положения; (в) система взаимосвязанных, направленных на достижение какой-либо цели плановых заданий, определяющих порядок, сроки и последовательность осуществления программ, работ или отдельных мероприятий.

Таким образом, планирование можно определить как метод и процесс достижения какой-либо цели путем определения задач и заранее намеченной последовательности (программы) их осуществления.

Результатом планирования является план, который, в свою очередь, может рассматриваться как способ выражения или продукт процесса планирования.

С учетом того, что планирование расследования является специфической социально-организованной деятельностью можно выделить следующие, наиболее существенные признаки цели такой деятельности:

— цель служит прежде всего для выражения предназначения планирования расследования;

— цель задает основные направления процесса планирования;

— цель предопределяет объем соответствующих полномочий и средств их реализации;

— благодаря цели определяется системная конфигурация расследования;

- цель упорядочивает деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;
- цель сплачивает субъектов деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;
- на основе цели вырабатываются критерии оценки деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и ее конечных результатов.

На основе выделенных признаков можно дать следующее определение: *цель планирования расследования преступлений* — это предназначение планирования расследования, в соответствии с которым определяются ее функции, структура и полномочия субъектов деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, предопределяющие, в свою очередь, характер деятельности этих субъектов и критерии оценки ее результатов.

Определяя цель планирования расследования как разновидность специфической социальной деятельности, следует выделить ее особенности, а именно:

- цель планирования полностью совпадает с целями расследования преступлений, которые заранее определены законодателем, иначе говоря, закреплены в нормах закона;
- достижение целей планирования — обязательное условие любого расследования;
- цель расследования, а значит, и планирования выступает фактором, при помощи которого формируются единые установки для любой категории уголовных дел;
- цель планирования по своему содержанию объективна и вместе с тем осознается органом расследования применительно к обстоятельствам конкретного уголовного дела. В связи с последним положением в криминалистической литературе приняты попытки дифференцировать цели расследования преступлений (планирования).

Так, И.М. Лузгин полагает, что в расследовании преступлений существует строго определенное сочетание целей. Их систему он изложил следующим образом: общие цели; специальные цели; особенные цели; частные задачи.

К общим целям И.М. Лузгин отнес все задачи, закрепленные в УПК РСФСР (1961 г.), к специальным — цели отдельных этапов следствия, к особенным — цели, зависящие от характера преступления, и, наконец, к частным — задачи отдельных следственных

действий. В этой классификации, по мнению М.В. Головина, есть «рациональное зерно» — попытка конкретизировать цели предварительного следствия и дознания с учетом особенностей этой стадии уголовного судопроизводства. Однако, полагает М.В. Головин, в предложенной классификации целей недостаточно учтен процесс выбора следователем тактических целей и влияние на него общих целей предварительного следствия. И он предлагает следующую систему классификации целей расследования:

- конечная цель расследования и всего уголовного судопроизводства — это установление истины по уголовному делу;
- общие (стратегические) цели расследования:
 - раскрытие преступления;
 - установление виновных;
- частные (тактические) цели:
 - цели следственных действий;
 - цели иных действий;
 - цели тактических операций.

Деление целей на конечные, общие, промежуточные предлагает В.Д. Зеленский.

Предложенные В.Д. Зеленским и М.В. Головиным деления целей расследования, по существу, не могут быть признаны классификационными системами, хотя бы только потому, что перечисление разновидностей целей не основано на едином основании, что нарушает основной принцип классификации (системного подхода).

Н.П. Яблоков полагает, что, исходя из процессуально-криминалистической сути, расследование имеет целую систему целей, а именно: общие (см. ст. 2 УПК (УПК РСФСР. — *А.Ш.*), конкретные (составляющие предметы доказывания), специфические (обусловленные особенностями и своеобразием этапов расследования преступлений), частные (в основном связанные с производством отдельных следственных действий и подготовкой к ним).

Как представляется, рассмотренные позиции авторов по проблеме классификации целей расследования, а значит, и планирования, несмотря на имеющиеся различия, основаны на одном общем подходе — на дифференциации целей, что вызывает определенные возражения.

Несмотря на то, что законодатель в действующем уголовно-процессуальном законе отказался от термина «истина», который в УПК РСФСР использовался в нескольких нормах (ст. 89, 243, 246, 257, 280, 285), следует признать стремление к установлению истины по каждому уголовному делу, как необходимой и единственной цели любого расследования. При этом цель расследования преступлений (планирования) соответствует предназначению уголовного судопроизводства, а именно: защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления; защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). При этом из смысла положений закона следует, что цель предварительного расследования (планирования) в одинаковой степени отвечает назначению уголовного судопроизводства как в форме уголовного преследования, так и в форме отказа от такового (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Исключив из уголовно-процессуального закона термин «истина» и конкретизируя предназначение уголовного судопроизводства, законодатель определяет процесс доказывания как *собираение, проверку и оценку доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ* (ст. 85 УПК РФ):

- 1) события преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов;
- 3) обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого;
- 4) характера и размера вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния;
- 6) обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание;
- 7) обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Отсутствие в нормах закона указания на обязанность в процессе доказывания, а значит, и расследования установления наряду с уличающими и оправдывающих подозреваемого и обвиняемого обстоятельств, следует признать ошибкой законодателя или непоследовательностью и противоречивостью его позиции.

Установление истины по уголовному делу, как правильно отмечает Б.В. Алексеев, невозможно без всестороннего, пол-

ного и объективного исследования всех его обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, защиты прав и законных интересов участвующих в деле лиц. Несмотря на то, что положения ст. 20 УПК РСФСР были исключены из действующего уголовно-процессуального закона, соответствующие требования содержатся в различных его нормах. Так, согласно ч. 4 ст. 152 УПК РФ предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения *полноты, объективности* и соблюдения процессуальных сроков. В соответствии с ч. 2 ст. 154 УПК РФ выделение уголовного дела в отдельное производство для завершения предварительного расследования допускается, если это не отразится на *всестороннем и объективном* предварительном расследовании и разрешении уголовного дела, когда это вызвано большим объемом уголовного дела или множественностью его эпизодов.

Таким образом, представляется возможным констатировать: *единая цель планирования* любого расследования — *стремление установления истины по уголовному делу, обусловленной назначением уголовного судопроизводства (предварительного расследования) и принципами всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.* Достижение цели связано с разрешением задач расследования, которые находят отражение в планировании всесторонней и полной проверки всех возможных следственных версий, тщательной проверки обстоятельств, как подтверждающих эти версии, так и опровергающих их или подвергающихся сомнению путем проведения процессуальных и иных действий (мероприятий) и (или) их комплексов. Такие задачи могут быть связаны с этапностью расследования, с конкретными следственными и иными действиями, тактическими комплексами и т. п. Например, на первом этапе расследования задачей могут быть собирание, проверка и оценка необходимых и достаточных доказательств для предъявления первоначального обвинения, на последующем этапе — для окончательного формулирования обвинения и (или) подготовки дела к окончанию его производства. Задачами отдельных действий могут быть обнаружение доказательств, их проверка, оценка или их комбинация.

Итак, цель — это идеальный результат, которого добивается субъект. Будущее в качестве образа включается в цель. И этот образ есть не что иное, как образ «желаемого будущего». Однако сам план — не только желаемое, но и реально обоснованное будущее.

План зависим от цели, но это не исключает его относительной самостоятельности, проявляющейся прежде всего в том, что (а) план активен, он обратно воздействует на цель; (б) план более конкретен и подвижен, чем цель; (в) могут быть различные варианты планов для достижения одной и той же цели, а также ряд последовательных промежуточных, поэтапных планов, охватывающих в своей совокупности весь процесс реализации цели.

Очевидно, что у плана есть своя логика. Логика разработки планов — это упорядоченная последовательность и обоснованность действий, связанных с составлением планов всех уровней.

Основными элементами логики разработки плана являются:

- формулирование цели;
- анализ развития событий;
- определение объема требуемых работ и структуры потребностей;
- определение ресурсов (их возможно разделить на наличные, имеющиеся к началу составления плана, и те, которые появятся в процессе реализации).

При таком строении план как бы ставит вопрос о способе (технологии) претворения установок в практическую деятельность. При планировании подробно изучаются конкретные условия, возможности и потребности планируемого процесса. Затем определяется, какие его составные части не зависят от субъекта планирования и не поддаются в настоящее время регулированию. Однако и эти элементы необходимо прогнозировать. При планировании выявляются рычаги воздействия на планируемый процесс, как прямые, так и косвенные. Очевидна характерная сторона планирования — максимально возможный учет всех сторон деятельности.

К тому же при реализации правильно составленного плана начинает действовать закон экономии времени.

Итак, в плане происходит превращение возможности в действительность. Причем это зависит от совокупности взаимосвязанных обстоятельств, среди которых можно назвать действие определенных закономерностей, отбор именно той возможности, которая в наибольшей степени отвечает потребностям общественного развития, зрелости и возможности для ее практической реализации.

Планирование расследования подчиняется определенным принципам и условиям, дискуссии о которых продолжаются в криминалистической литературе по настоящее время.

Изучение работ Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, Л.Я. Драпкина, Л.М. Карнеевой, А.М. Ларина, Н.А. Лузгина, Г.Н. Мудьюгина, А.Р. Ратинова, Л.А. Сергеева, Л.А. Соя-Серко, А.А. Эйсмана, И.М. Якубовича и других авторов позволяет сделать вывод о том, что в криминалистической литературе отсутствует единое мнение о понятии принципов планирования, их содержательной характеристике и системе. В данных работах в различных сочетаниях названо около 25 принципов планирования расследования.

Как правильно отмечает В.А. Образцов, в понятии «*принцип*» выражены два типа знаний: 1) о соответствующем фрагменте реальной деятельности; 2) о процессе, процедуре, средстве познания и конструировании чего-либо. Первый — указывает на то, что познается, второй — на то, каким образом достигается и используется знание об объекте.

Таким образом, *принципами планирования расследования* можно считать те исходные общие требования (положения), на которых основывается реализация данной деятельности органа расследования.

Первая попытка сформулировать принципы планирования расследования (из известных автору настоящего исследования) принадлежит С.А. Голунскому, к числу которых он относил: оценку при планировании расследования политического значения преступления и анализ той социально-политической обстановки, в которой совершено преступление; построение плана расследования таким образом, чтобы обеспечить быстроту собирания основного для данного дела доказательственного материала; обеспечение получения ответов на вопросы «семичленной формулы»; разделение планируемого расследования на две части — общую и специальную (до и после предъявления обвинения).

Как правильно заметил Р.С. Белкин, в таком виде принципы планирования сливаются с его задачами и частично с содержанием. Возможно, в связи с этим в последних своих работах С.А. Голунский называл два принципа планирования — индивидуальность и динамичность.

Б.М. Шавер не употребил термина «принципы планирования», но анализируя причины неудачи некоторых кримина-

листов, пытавшихся создать общий план расследования, подчеркивал, что план расследования каждого дела должен быть индивидуальным, своевременно составленным и гибким (т. е. необходимо своевременно вносить в него изменения).

К принципам планирования П.И. Тарасов-Родионов относил индивидуальность, динамичность, обеспечение соблюдения объективности, всесторонности и других принципов расследования. Позже он уточнил перечень принципов расследования, к числу которых отнес: индивидуальность, своевременность, базирование на основе строжайшего соблюдения социалистической законности с обеспечением принципов предварительного расследования, динамичность. Как представляется, указанные перечни принципов являются нечеткими («расплывчатыми»).

Л.А. Сергеев отнес к принципам планирования индивидуальность, конкретность, обоснованность, полноту, системность, реальность, оптимальность, своевременность, динамичность, соответствие формы и содержания планирования.

По мнению Н.П. Яблокова, к числу принципов планирования относятся: индивидуальность, динамичность, гипотетичность и реальность.

И.М. Лузгин в перечень принципов планирования включал законность, индивидуальность, динамичность, научность, конкретность. В последние годы он ограничил такой перечень, указав только на конкретность, динамичность, реальность.

В.А. Образцов полагает, что следует выделять следующие принципы планирования: индивидуальность, конкретность, динамичность, ситуационность и реальность.

Другие авторы среди принципов планирования называют обоснованность, динамичность, непрерывность и индивидуальность.

Критикуя позицию тех авторов, которые включают в перечень принципов планирования своевременность и законность, А.Н. Васильев отмечал, что они не являются принципами собственно планирования. Строгое соблюдение законности есть общее обязательное требование, предъявляемое ко всему расследованию. Утверждение, что одним из принципов планирования является своевременность, сводит планирование к составлению письменного плана и поэтому является ошибочным. Составление плана — это не планирование расследования, а лишь его внешнее выра-

жение. Кроме того, А.Н. Васильев высказал соображение против включения в перечень принципов планирования конкретности.

Мнение А.Н. Васильева было поддержано некоторыми учеными, включая Р.С. Белкина, дополнившего аргументацию первого автора и расширившего перечень принципов, которые не могут относиться только к процессу планирования. В частности, он отмечал, как соблюдение законности пронизывает весь процесс расследования, включая и его планирование, так и научность лежит в основе каждого действия следователя, каждого применяемого им приема и средства работы с доказательствами, а не только в основе планирования расследования. Кроме того, Р.С. Белкин полагал, что принципы системности, полнота, оптимальности и соответствия формы и содержания планирования являются разными сторонами принципов индивидуальности и динамичности.

Как представляется, обоснование А.В. Васильевым своей точки зрения является небесспорным.

Во-первых, логически неправильно проводить параллель между своевременностью планирования и составлением письменного плана расследования. Своевременность обозначает планирование расследования вовремя. В какой форме (устной или письменной) это будет сделано — другой вопрос.

Во-вторых, планирование, как уже было сказано, включает в себя составление плана расследования, который не будет являться таковым, если в нем четко и однозначно не определить этапы и действия, направленные на решение поставленной цели (задач). Таким образом, принцип конкретности является безусловным, т. е. неотделимым от процесса планирования, требованием.

Р.С. Белкин практически аналогично обосновывает правильность точки зрения А.В. Васильева, но только смотрит на данную аргументацию под другим углом. В частности, он указывает, что план — это программа, модель предстоящей деятельности. И план, и его разработка должны быть конкретны и определены, иначе результаты планирования не смогут служить никакой программе действий.

Попытка Р.С. Белкина обосновать положения, касающиеся взаимосвязи принципов системности, полноты, оптимальности и соответствия формы и содержания планирования с принципами индивидуальности и динамичности, также представляется

небесспорной. Не отрицая взаимосвязь и взаимозависимость всех принципов планирования, а не только указанных, следует отметить, что они не могут и не должны быть разными сторонами друг друга. В таком случае речь идет не о самих принципах, а об их характеристике. В то же время не следует определять один и тот же, по сути, принцип разными терминами. Так, принцип системности проявляется во взаимосвязи и элементов структуры, как процесса планирования, и плана; принцип полноты — в объеме планирования (плана); принцип оптимальности — в наилучшем варианте действий органа расследования, которые должны быть предусмотрены планом расследования. В связи с этим указанные принципы не могут быть сторонами проявления принципов индивидуальности и динамичности.

В учебной литературе чаще называют следующие принципы планирования: индивидуальность, полноту, своевременность, динамичность, реальность, конкретность, обоснованность.

Условия планирования — это совокупность определенных обстоятельств, факторов, знаний и умений, делающих планирование возможным.

По мнению Н.П. Яблокова, планирование любой криминалистической деятельности реально возможно лишь при ряде необходимых условий:

- наличию соответствующей исходной информации;
- должной оценке сложившейся криминалистической ситуации и реальных возможностях достижения планируемых целей;
- обеспечении четкой взаимосвязи и согласованности между отдельными планами (по каждому делу, материалу, экспертизе) и видами планирования (всего расследования, криминалистической операции, отдельного следственного и иного действия);
- строгом учете установленного законом и иными актами времени, отводимого на данный вид криминалистической деятельности.

С такой постановкой вопроса можно согласиться, если принять во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, следственная ситуация определяется информацией как о расследуемом событии (внешняя), так и об условиях, в которых производится расследование (внутренняя). К последней, без сомнения, относится информация о наличии у органа расследования в произ-

водстве других уголовных дел. Во-вторых, обеспечение взаимосвязи видов планирования в рамках одного уголовного дела, скорее, относится к принципам планирования (принцип системности), нежели к условиям. В-третьих, обращает на себя внимание отсутствие в приведенном перечне указаний на ресурсы, которыми располагает орган расследования по каждому делу (за исключением ресурса времени). Именно наличие определенных ресурсов у органа расследования предопределяет планирование тактики производства процессуальных и иных действий и (или) их комплексов, а в итоге и всего расследования.

Р.С. Белкин выделял такие условия:

- 1) наличие исходной, хотя бы минимальной, информации;
- 2) оценку сложившейся в момент планирования следственной ситуации и прогноз ее будущих изменений в результате реализации планируемых действий;
- 3) учет реальных возможностей, средств и методов достижения планируемых целей.

Поддерживая в целом позицию Р.С. Белкина, хотелось бы сделать некоторые уточнения. Очевидно, что без наличия информации о том или ином событии (преступлении) ни о каком расследовании, тем более о планировании, говорить не приходится. От объема и качества информации о событии зависит индивидуальность планирования. Данную ситуацию определяет и наличие ресурсов (людских, материально-технических, информационных, временных и т. п.). Если орган расследования преувеличил возможности наличных ресурсов, то план, как правило, становится нереальным для исполнения. Если же преуменьшил, то план будет неоптимальным и неэффективным, что может повлечь необоснованное затягивание предварительного расследования или отвлечение ресурсов, необходимых для иных целей (использования в рамках иных уголовных дел).

Таким образом, условиями планирования являются наличие и адекватная оценка органом расследования исходной информации (внешней и внутренней) и ресурсов, которые в своей совокупности определяют следственную ситуацию.

По вопросу структуры процесса планирования и плана расследования преступлений до настоящего времени в криминалистике нет единого мнения. Так, Л.А. Сергеев полагал, что процесс планирования расследования состоит из ряда взаимосвязанных

элементов, которые одновременно служат этапами этого развивающегося процесса. Такими элементами (этапами) являются: 1) изучение исходной информации; 2) выдвижение версий; 3) определение обстоятельств, подлежащих доказыванию, и других задач расследования; 4) определение путей, средств и методов расследования; 5) определение последовательности и сроков решения отдельных задач и выполнения отдельных действий; 6) определение исполнителей; 7) определение организационных мер по привлечению исполнителей, обеспечению использования отдельных средств и производства тех или иных действий; 8) составление письменного плана; 9) корректировка и развитие плана.

Аналогичный, детальный подход к определению элементов планирования предпринял Л.Я. Драпкин, который считает, что планирование состоит из следующих, последовательно сменяющих друг друга, этапов: определение непосредственных целей планирования; выделение подлежащих выяснению общеверсионных вопросов; выявление вневерсионных вопросов; принятие решения о проведении конкретных оперативных и следственных действий и установление их оптимальной последовательности; определение сроков, исполнителей и продолжительности намеченных действий; составление сводного плана расследования.

О.Я. Баев называет такие элементы планирования: выяснение возможностей на определенном этапе следствия; определение конкретных целей плана; формирование основных положений плана; определение и анализ альтернативных направлений достижения поставленной цели и выбор среди них оптимальных.

Как нетрудно заметить, Л.Я. Драпкин и О.Я. Баев «лишили» систему планирования первого элементы системы, предложенной Л.А. Сергеевым. Представляется, что планирование расследования не может начинаться, минуя изучение имеющейся в распоряжении органа расследования информации. Но подчеркивать то обстоятельство, что она является «исходной», представляется излишним, так как другой информации (неисходной) у органа расследования не может быть. При этом информация, которой располагает орган расследования, может относиться как к внешним обстоятельствам (о расследуемом событии), так и к внутренним (о наличии в распоряжении органа расследования соответствующих ресурсов). Другие расхождения указанных авторов

в понимании этапов планирования, скорее, носят стилистический характер.

Исследования, проведенные Р.С. Белкиным, позволили ему предложить следующую систему элементов планирования, которые, по его выражению, являются первым уровнем:

- анализ исходной информации;
- выдвижение версий и определение задач расследования;
- определение путей и способов решения поставленных задач;
- составление письменного плана и иной документации по планированию расследования;
- контроль исполнения и корректировки плана расследования.

Совокупность этих элементов составляет содержание непосредственного этапа планирования. Каждый последующий этап, по мнению Р.С. Белкина, представляет собой детализацию элементов предшествующего уровня. Этапы планирования характеризуются не какой-то одной операцией, а направленностью всех действий. Под этим углом зрения этапы планирования соответствуют этапам самого расследования, существование которых, в свою очередь, обусловлено различием задач, решаемых следователем на каждом из этих этапов.

И.М. Лузгин выделяет следующие этапы планирования: изучение и оценку первичной информации; построение версий; формулирование вытекающих из версий вопросов и, соответственно, задач расследования; определение путей проверки версий и решения поставленных задач.

Приведенные структуры планирования (Р.С. Белкина и И.М. Лузгина) имеют много общего. При этом в структуру И.М. Лузгин не включил четвертый и пятый элемент, предложенный Р.С. Белкиным, и дифференцирует третий элемент на два структурных элемента, а сами элементы планирования И.М. Лузгин, как и Л.А. Сергеев с Л.Я. Драпкиным, называет этапами. В связи с изложенным, необходимо отдельно рассмотреть позицию Р.С. Белкина, которая основывается, как минимум, на двух положениях:

1) общим недостатком, по его мнению, в предложенных Л.А. Сергеевым и Л.Я. Драпкиным перечнях элементов планирования является то, что на равных правах ими были включены элементы разных уровней;

2) планирование расследования является непрерывным процессом, свойственно всему расследованию, в связи с этим автор проецирует (отождествляет) этапы расследования на этапы его планирования. Причем Р.С. Белкин не приводит элементы как первого, так и последующих уровней планирования, что само по себе является поводом к критическому осмыслению предложенной точки зрения. Недостаточная аргументированность позволяет сделать вывод, что говорить об уровнях «системы» планирования, исходя из предложенной Р.С. Белкиным позиции, не представляется возможным.

Кроме того, небесспорной является позиция Р.С. Белкина относительно непрерывности процесса планирования, на что указывает пятый элемент предложенной ученым системы планирования.

Вопрос о временных рамках планирования является не таким простым, как это могло бы показаться.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на очевидный факт, что процесс планирования и процесс расследования преступления нельзя отождествлять. Планирование какой-то деятельности, как правильно подчеркивал Р.С. Белкин, еще не означает осуществление этой деятельности, это лишь предпосылка, условие (иногда необходимое) достижения поставленной цели. Если планирование находит отражение в составленном письменном плане, то такой процесс необходимо признать имеющим определенные временные границы (например, окончание планирования связано с утверждением плана руководителем органа расследования и т. п.). В то же время планирование не может быть связано только с письменным планом. Такой процесс может происходить и на интеллектуальном уровне, что, может показаться, исключает его временные рамки. Последнее суждение, по нашему мнению, является не в полной мере оправданным. Обдумывание той или иной следственной ситуации, составление мыслительной модели плана конкретных процессуальных и иных действий имеют фактическую временную границу, связанную с началом производства того или иного действия. И хотя в процессе таких действий, в зависимости от складывающейся ситуации, возможно корректировать запланированные действия, но данный процесс трудно назвать планированием в собственном смысле.

Основываясь на приведенных общих рассуждениях относительно некоторых аспектов процесса планирования, возможно констатировать, что контрольные функции и корректировка плана расследования по своей сущности (природе) не могут быть элементом планирования. Одновременно необходимо предусматривать в плане расследования по конкретному уголовному делу такие мероприятия, которые являются не только не лишними, но в некоторых случаях и обязательными.

Кроме того, вызывает некоторые замечания и позиция Р.С. Белкина относительно этапов планирования. Представляется, что когда говорят об этапах какой-либо деятельности, то исходят из внутреннего содержания планирования, а не проецируют на всю систему действий, в которую он входит составной частью. В связи с этим каждый элемент системы может иметь свои этапы реализации (если такой элемент является сложным) или состоять из единого действия. Таким образом, планирование как сложный элемент (подсистема) системы предварительного расследования преступлений можно дифференцировать на определенные этапы.

Нельзя не согласиться с мнением Н.П. Яблокова, полагающего, что при планировании расследования, как наиболее сложной криминалистической деятельности, элементы планирования образуют несколько систем разного уровня. На уровне расследования дела в целом планирование носит более общий характер. На уровнях планирования тактической операции (тактической комбинации. — *А.Ш.*) и следственного действия эта система представляет собой детализацию элементов предшествующего уровня. Так, полагает автор, на первом уровне (расследования дела в целом) система элементов планирования обычно складывается из следующего: анализа исходной информации; выдвижения следственных версий и формирования задач расследования; определения путей и способов решения поставленных задач; выбора той или иной формы плана; контроля исполнения и корректировки плана расследования. На уровне, например, планирования отдельного следственного действия детализируются задачи, подлежащие выяснению, определяются место, время, состав участников действия и его тактика.

В.Е. Корноухов применительно к планированию следственных действий выделяет следующие этапы (элементы) планирования:

- 1) анализ исходной информации;
- 2) прогнозирование условий, в которых будут осуществляться следственные действия;
- 3) осмысление задач, связанных со следственным действием;
- 4) определение круга участников следственного действия;
- 5) осмысление тактики следственного действия.

Все пять этапов создают необходимые предпосылки к организации производства следственного действия (шестой этап планирования).

Таким образом, приведенный анализ и высказанные соображения по вопросу структуры (этапов) планирования расследования позволяют сделать следующий промежуточный вывод.

Во-первых, этапами планирования расследования преступлений следует считать внутреннюю область данной деятельности.

Во-вторых, дифференциация единого (непрерывного) процесса планирования на этапы является в известной степени условной и может быть представлена следующим образом:

- анализ информации (внутренней и внешней);
- построение следственных версий и определение задач расследования;
- определение путей и способов решения поставленных задач;
- составление письменного плана (программы и иной документации) расследования.

Первый этап планирования заключается в анализе имеющейся у органа расследования информации, обусловленной следственной ситуацией на момент начала планирования.

Целенаправленный анализ имеющейся в распоряжении органа расследования информации предполагает выявление несоответствия между наличной следственной ситуацией (информации о расследуемом событии и наличии ресурсов) и целью расследования. Реализация цели является процессом преодоления данного несоответствия, при котором происходит перекодировка цели, в результате вырабатываются поли- и монофункциональные задачи, включая задачи конкретных процессуальных или иных действий (мероприятий) либо их комплексов. Полифункциональные задачи делятся обычно на более мелкие и конкретные, приобретая удобную для планов форму вопросов, на которые необходимо получить ответ, или обстоятельств, подлежащих доказыванию или проверке.

Второй этап заключается в определении непосредственных задач расследования, выведенных в процессе построения следственных версий. При этом, чтобы избежать дублирования проверочных действий, нерациональной траты времени и других ресурсов, следует выделить общеверсионные задачи (вопросы), т. е. те логические следствия, которые имеют отношение к различным следственным версиям. Для этого орган расследования должен основываться на выработанной наукой криминалистической характеристике той разновидности преступлений, которой соответствует расследуемое событие, и на той следственной ситуации, которая складывается на момент планирования.

Важно не упускать из вида те обстоятельства, которые, не будучи логическими следствиями какой-либо версии, тем не менее подлежат в соответствии с уголовно-процессуальным законом обязательному установлению (например, уточнение возраста обвиняемых или потерпевших). Выяснение этих обстоятельств отнесено к данному этапу планирования, поскольку лишь после анализа и упорядочения всей информации становится очевидной необходимость установления тех обстоятельств, которые хотя напрямую и не способствуют своевременному и быстрому расследованию преступления, но установление которых является обязательным в силу закона. Подобные обстоятельства целесообразно выделить в самостоятельный раздел общего плана расследования, упростив структуру общего плана расследования.

Третий этап заключается в определении путей и способов проверки следственных версий, в решении поставленных задач. На этом этапе планирования принимаются следующие организационные решения:

1) разработка, анализ и оценка вариантов возможных процессуальных и иных действий (мероприятий) и (или) комплексов, направленных на подтверждение или опровержение следственных версий;

2) принятие окончательного решения органом расследования о привлечении (использовании) определенных ресурсов.

Фактически на этом этапе планирования составляется программа предстоящего расследования, разрабатывается алгоритм процессуальных и иных действий (мероприятий) и (или) их комплексов, представляющий собой детальный их перечень, а также содержание запланированных тактических приемов, необходи-

мых для практической реализации таких действий или их комплексов. Программа служит подробной инструкцией органу расследования и членам СОГ и одновременно является средством контроля качества производства процессуальных и иных действий (мероприятий) и (или) их комплексов и всего расследования.

Органу расследования следует документально оформить программу процессуальных и иных действий и (или) их комплексов, обозначить номером или кодом каждое действие (процедуру), чтобы в процессе расследования имелась возможность делать ссылки на них в своих рабочих документах.

На данном этапе продолжается оптимизация плана расследования. Представляется, что тактико-организационными способами (критериями), определяющими рациональную очередность производства процессуальных и иных действий (мероприятий) и(или) их комплексов, могут быть (а) максимальная концентрация ресурсов для производства конкретных действий или их комплексов; (б) распределение ресурсов для одновременного производства по запланированным направлениям расследования. Выбор способа производства процессуальных и иных действий и(или) их комплексов зависит от следственной ситуации, сложности запланированных действий и других факторов. Так, производство обыска в кредитной организации, как правило, требует концентрации для производства данного следственного действия всех наличных ресурсов, а также привлечение дополнительных («силовые» подразделения правоохранительных органов, специалисты в сфере банковских технологий и т. п.) — для производства только этого следственного действия.

На данном этапе необходимо решить и вопрос об организационно-управленческой структуре, форме организации участников расследования (следственно-оперативная группа, следственная бригада, временное подключение следователей и оперативных работников для оказания помощи и т. п.) в тех случаях, когда данный вопрос не был решен на первоначальном этапе планирования.

Четвертый этап заключается в составлении письменного плана (программы и иной документации) расследования. Если планирование строится на основе отдельных планов, разработанных по каждому направлению, версии (эпизоду) и т. п., то несмотря на предварительную оптимизацию орган расследова-

ния вновь корректирует отдельные разделы (составные части) единого плана расследования.

Внесение изменений и дополнений в сформированный план расследования некоторые авторы выделяют в самостоятельный этап планирования либо выносят за рамки планирования и структурно включают в процесс реализации плановых решений. Представляется, что обе позиции не являются бесспорными. Не вызывает возражений то обстоятельство, что нередко случаи, когда на этапе «объединения» отдельных планов в общий либо в процессе реализации сформированного плана возникает необходимость внесения в него соответствующих изменений. Тем не менее выделять корректировку составленного плана расследования в самостоятельный этап не следует, так как процесс корректировки осуществляется на всем этапе планирования расследования, при этом структура планирования не будет менее эффективной.

Рассмотренные этапы планирования являются основной схемой формирования планов на первоначальном или последующем этапе расследования, а также по уголовному делу в целом. На завершающем этапе процесс планирования, как правило, приобретает упрощенную структуру.

Планирование отдельных процессуальных и иных действий (мероприятий) и (или) их комплексов, по существу, имеет ту же структуру, но меньший объем по содержанию.

Таким образом, конечный результат процесса планирования — готовый (сформулированный) план расследования.

Проведенное исследование позволяет предположить, что основные элементы структуры плана расследования должны соответствовать рассмотренным этапам планирования и могут быть представлены следующим образом:

- наименование документа — план по уголовному делу и его номер;
- место и дата составления плана;
- дата и время возбуждения уголовного дела и принятия его к производству;
- срок окончания расследования;
- краткая фабула уголовного дела;
- следственные версии и задачи расследования;

— процессуальные и иные действия (мероприятия) и (или) их комплексы, а в необходимых случаях тактические приемы таких действий и (или) комплексов;

— исполнители;

— сроки исполнения;

— результаты исполнения.

В дополнение к основному плану, а нередко и раньше его формирования, орган расследования разрабатывает, особенно по сложным и (или) многоэпизодным делам, вспомогательные документы планирования, а именно:

1) карточки («лицевые счета») на подозреваемых (обвиняемых), куда вносятся эпизоды преступной деятельности, в которых принимал участие подозреваемый (обвиняемый), и собранные по каждому эпизоду данные, подтверждающие его вину. «Лицевые счета» — это отдельные карточки (листы бумаги), составляемые по каждому обвиняемому отдельно, а картотека — это совокупность всех «лицевых счетов»;

2) шахматные ведомости («шахматки»): сочетание графика с описанием, развернутая на едином листе совокупность «лицевых счетов», где каждая горизонтальная графа представляет собой один из «лицевых счетов». Шахматная ведомость придает наглядность всем собранным по делу данным. «Лицевые счета» и «шахматки» могут составляться органами расследования и до выдвижения следственных версий, в процессе изучения первичной информации, как средство ее анализа и систематизации (логического упорядочения). Картотеки и шахматные ведомости могут выполнять и функции планирования. Каждая карточка картотеки и клетка «шахматки» делятся на две части: в одной содержатся систематизированные исходные данные, в другой — вопросы, подлежащие выяснению, и необходимые для этого действия и мероприятия;

3) различные схемы и графики, отражающие преступные связи обвиняемых, движение материальных ценностей и денежных средств, документооборот, организационную структуру предприятий и объединений, территориальное расположение отдельных организаций и т. д.

Все дополнительные формы планирования помогают лучше ориентироваться в материалах дела, разгружают память, придают большую наглядность собранным доказательствам и предстоя-

щим действиям, являются своеобразным накопительным фондом, информационной базой для расследования в целом и его планирования в частности.

Современный уровень теоретических представлений о планировании расследования преступлений позволяет ввести в научный и практический оборот понятие *«рабочая документация»*, под которой следует понимать *весь объем документов, которыми сопровождается расследование преступлений, но которые не являются процессуальными, документами-доказательствами или иными документами, которые на основании уголовно-процессуального закона приобщаются к материалам уголовного дела.* К таким документам следует относить:

- приказы и распоряжения о создании СОГ и следственных бригад и об изменении их составов;

- планы и программы расследования по конкретному уголовному делу;

- схемы: расследуемой преступной деятельности, предварительного расследования, связей между членами преступной группы (преступных сообществ и т. п.), движения преступного капитала, банковских технологий, которые использовались для совершения преступлений, и т. п.;

- графики;

- таблицы;

- рисунки;

- карточки на лиц, проходящих по делу («лицевые счета»);

- служебные (пояснительные) записки;

- другие документы.

Если расследование преступлений производится следственно-оперативной группой (СОГ), то планирование осуществляется групповым методом, т. е. руководителем СОГ с участием всех ее членов составляется общий план расследования по уголовному делу и, кроме того, каждый член такой группы составляет свой, индивидуальный план расследования.

Конкретное содержание индивидуальных планов зависит от того, как распределены обязанности между членами СОГ и какое задание получил каждый. На практике распределение обязанностей происходит по-разному. В одних случаях работа группы строится по следственным версиям, когда каждый член группы осуществляет проверку одной или нескольких намеченных версий;

в других — она организуется поэпизодно, и каждому члену группы поручается исследовать тот или иной эпизод или несколько взаимосвязанных эпизодов преступления; в третьих случаях, если преступления совершались в нескольких городах, регионах, члены группы распределяются по этим регионам, выезжают на места, где проводят расследование. Иногда кому-то из членов группы поручить выполнение определенных процессуальных и иных действий (мероприятий), например производство обысков, подготовка всех экспертных исследований и т. п.

Кроме того, нередко практикуется распределение работы в зависимости от числа обвиняемых. При этом каждому члену СОГ поручается исследование всех фактов преступной деятельности того или иного обвиняемого.

Структура и содержание индивидуальных планов расследования во всех приведенных случаях будут различны. Например, при региональном и поэпизодном принципе распределения работы СОГ индивидуальные планы похожи на типовой план расследования и содержат все его основные реквизиты. Если же члену СОГ будет поручена лишь подготовка и проведение по уголовному делу каких-то определенных процессуальных или иных действий, то, очевидно, его индивидуальный план расследования будет фрагментарным, ограниченным рамками данных процессуальных или иных действий.

По окончании процесса планирования общий план и план отдельных процессуальных и иных действий и (или) их комплексов должны быть оформлены документально и утверждены (завизированы) в установленном порядке.

Выводы органа расследования по каждому разделу общего плана расследования и по результатам производства конкретных процессуальных и иных действий и (или) их комплексов должны получать отражение в рабочих документах, которые в последующем могут быть использованы для составления итогового документа предварительного расследования (постановления о прекращении производства по делу; обвинительного заключения; обвинительного акта).

VIII. Следственные версии

Построение и проверка следственных версий, равно как и логические операции, осуществляемые при этом, являются составным элементом планирования расследования, а значит, и частной криминалистической методики расследования преступлений. Важное значение криминалистической (следственной) версии в решении задач расследования преступлений и необходимости детального анализа всех этапов ее прохождения от вероятного знания к достоверному заставляет уделить следственной версии особое внимание, рассмотрев ее в качестве самостоятельного аспекта, абстрагируясь, насколько это возможно, непосредственно от процесса (технологии) планирования расследования и в целом от частной криминалистической методики.

Роли следственных версий как составляющего элемента методики расследования преступлений уделялось должное внимание в криминалистической литературе. При этом ученые-криминалисты неизменно связывали проблемы версий с планированием расследования как в теоретическом, так и в практическом значении. Таким образом, следственные версии и планирование расследования сформировались в самостоятельную частную криминалистическую теорию. Современное состояние данного учения характеризуется широким охватом смежных отраслей знаний — философии, логики, психологии, науки управления и т. д.

Первое определение версии было предложено Б.М. Шавером и А.И. Винбергом. Под версией указанные авторы понимали основанное на материалах дела предположение следователя о характере расследуемого преступления, о мотивах, в силу которых оно совершено, и о лицах, которые могли совершить преступление. В последующем все авторы определяли данное понятие, как показало проведенное исследование, на основе логического содержания понятия «гипотеза» и обогащали его в той или иной степени содержательной и (или) функциональной составляющей.

Как правильно указывал В.Ф. Асмус, версия — это форма мышления, которая в логике именуется гипотезой. В структуре версии обнаруживаются те же элементы, что и в структуре гипотезы. Надо отметить, что аналогичную позицию заняли А.Н. Васильев, А.Р. Шляхов, И.М. Лузгин, А.М. Ларин, А.А. Старченко, М.С. Строгович и другие ученые.

В криминалистической литературе встречаются и иные (кроме отождествления гипотезы с версией) мнения. Так, С.А. Голунский полагал, что всякая версия по своей логической природе сходна с гипотезой. Отличие данных категорий он видел в характере объясняемых ими фактов и в степени их научной обоснованности. А.Ф. Зелинский первоначально считал, что версия может быть как гипотезой, так и прогнозом. При выдвижении предположительного объяснения известному обстоятельству, по его мнению, имеет место гипотеза, а когда на основании этих гипотез и установленных фактов выдвигается вероятностное суждение о неизвестном в данное время факте, происходит прогнозирование.

Данная позиция заслуживает внимание хотя бы потому, что автор невольно, как представляется, выделил одну из функций версии — *прогностическую*. В связи с этим точка зрения тех авторов, которые полагают, что версия всегда обращена в прошлое, а прогноз в будущее, не совсем верна. В части прогноза данное суждение правильно. Но согласиться с тем, что версии всегда обращены в прошлое, нельзя. Версия, как и гипотеза, строится на предположительном характере происшедшего события, события, которое происходит в момент построения версии (гипотезы) или возможно произойдет в будущем. Изложенная точка зрения отчасти находит подтверждение и в позициях некоторых ученых. Так, Л.Я. Драпкин признавал (правда, с натяжкой), что можно говорить о прогностическом характере розыскных версий следователя, содержащих предположение о путях будущего (по отношению к моменту выдвижения версий) перемещения разыскиваемого лица.

Кроме того, нельзя не согласиться с мнением Р.С. Белкина, критикующего позицию А.Ф. Зелинского, полагавшего, что не всякое предположение следует считать версией. Не могут считаться версиями предположительные объяснения обстоятельств, никак не связанных с предметом доказывания.

Последнее суждение предопределяет *содержательную составляющую* криминалистической версии. Здесь уместно привести точку зрения А.Н. Васильева, который считал, что версия — это предположение о наличии преступления в исследуемом событии, его характере, элементах состава преступления, об отдельных обстоятельствах и их значении, а также о виновных лицах, формах вины, мотивах и целях преступления. Такого же мнения придерживались А.И. Винберг, Г.М. Миньковский, Р.Д. Рахунов, И.М. Лузгин, И.Ф. Пантелеев, А.А. Эйсман и другие.

В настоящее время в литературе преобладают следующие определения криминалистической версии. В.Е. Корноухов определяет версию как основанное на фактических данных предположение следователя об обстоятельствах совершения преступления. Причем версии о предмете доказывания называются общими, а о доказательственных фактах и различных источниках доказательств — частными. Как представляется, в данном определении автор неправомерно сузил и субъектов версионного мышления, и его направленность.

А.Н. Васильев следственную версию охарактеризовал как индивидуальное умозаключение следователя в форме предположения, которое основано на фактических данных о событии преступления и его отдельных обстоятельствах, подлежит проверке по логическим правилам.

А.М. Ларин под следственной версией понимал строящуюся в целях установления объективной истины по делу интегральную идею, образ, несущий функции модели исследуемых обстоятельств, созданный воображением (фантазией), содержащий предположительную оценку наличных данных, служащий объяснением этих данных и выраженный в форме гипотезы. Как нетрудно заметить, А.Н. Васильев и А.М. Ларин дали определение одному из видов версий — следственной версии, при этом в определении А.Н. Васильева наличествует функциональная составляющая понятия версии.

По мнению И.М. Лузгина, под версией в криминалистике понимается основанное на фактах предположительное (вероятностное) объяснение сущности события или отдельных обстоятельств его совершения, причинной связи между фактами, подлежащими установлению по уголовному делу.

Р.С. Белкин определил криминалистическую версию как обоснованное предположение относительно отдельного факта или группы фактов, которые имеют или могут иметь для дела значение, указывающее на наличие и объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой и содержание и служащее целям установления объективной истины. В приведенных определениях И.М. Лузгина и Р.С. Белкина отсутствует упоминание о субъектах версионного мышления, с чем нельзя согласиться.

В связи с последней оговоркой следует признать небезынтересным мнение И.Ф. Герасимова и Л.Я. Драпкина, которые сформулировали понятие криминалистической версии как обоснованное предположение субъектов познавательной деятельности (следователь, прокурор, оперативный работник, судья, эксперт), дающее одно из возможных и допустимых объяснений уже выявленных исходных данных (фактическая база), позволяющее на их основе во взаимодействии с теоретической базой вероятно (неоднозначно) установить еще неизвестные обстоятельства, имеющие значение для дела.

В данном, по существу правильном, определении имеется излишне обширный перечень субъектов криминалистического версионного мышления. Как ранее указывалось, криминалистическая версия непосредственно связана с планированием расследования преступления, способствуя установлению истины по уголовному делу. Суд и эксперт же не обладают функцией расследования, в их задачи входит: суда – рассмотрение уголовных дел и принятие решения о виновности или невиновности подсудимого; эксперта – производство судебных экспертных исследований. Поскольку суд и эксперт не расследуют преступления, не планируют расследование, то логически следует, что включать в понятие криминалистических версий суд и эксперта как субъектов криминалистического версионного мышления не совсем обоснованно. Бесспорно при этом, что судья и эксперт используют в своей деятельности гипотезу как один из методов, связанный соответственно с рассмотрением и принятием решения по делу в процессе судебного слушания (заседания) и с судебно-экспертным исследованием.

Наиболее приемлемым является сформулированное Н.П. Яблоковым определение криминалистической версии, как логически построенного и основанного на фактических данных

предположительного умозаключения следователя (других субъектов познавательной деятельности по уголовному делу) о сути исследуемого деяния, отдельных его обстоятельствах и деталях, требующего соответствующей проверки и направленного на выявление истины по делу.

Представляется, что сформулировать определение следственной версии, как и любые общие определения, с исчерпывающим содержанием невозможно, констатируя последнее положение, которое не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость в оптимизации рассматриваемого понятия через его содержательную сторону.

Содержательная характеристика криминалистической версии неразрывно связана с ее *функциональной составляющей*, определяющей ее цель и задачи в расследовании преступлений. В литературе указывается на три аспекта рассматриваемой составляющей понятия версии: гносеологический, организационный и тактический.

Рассмотрение версии с *гносеологических* позиций означает определение ее как метода познания в уголовном судопроизводстве. Функция версии как метода познания может быть правильно воспринята исходя из сущности информационно-познавательного процесса. Следует признать, что содержанием информационно-познавательного процесса является, с одной стороны, ограничение разнообразия, выделение из бесконечного разнообразия предметов и явлений, их свойств и сторон, а с другой — наращивания, ограничивая поиск в зависимости от версии, органом расследования знаний об обстоятельствах изучаемого преступного деяния (события). Как заметил И.М. Лузгин, метод познания версии обеспечивает установление и исследование связей между сложными юридическими конструкциями, существующими в виде абстракций, отображающих конкретные «живые» факты объективной действительности.

Второй аспект функциональной составляющей версии, как было указано, — *организационный*. По общему признанию, версии определяют направление расследования, являются его организующим началом и ядром планирования действий органа расследования. Как подчеркивал Р.С. Белкин, версии составляют логическую, процессуальную и тактическую основы планирования расследования.

Третьим аспектом функциональной составляющей версии является *тактический* аспект, т. е. тактические рекомендации или правила при ее построении и проверке. Г.В. Арцишевский называл две группы правил выдвижения версий. К первой, по его мнению, относятся правила об основаниях и времени выдвижения версий: версия должна быть реальной, т. е. «привязана» к имеющимся сведениям и фактам; версия может и должна учитывать не только достоверную, но и непроверенную информацию; версия (или система версий) должна объяснять все имеющиеся данные о событии преступления; она не может отбрасываться до проверки противоречащих ей данных; версии должны выдвигаться как можно раньше, буквально в ходе осмотра места происшествия. Ко второй группе правил (рекомендаций), которые Г.В. Арцишевский называет тактико-логическими, он относит требования, чтобы версии были сопоставимы, альтернативны, а их ряд — исчерпывающим.

Как представляется, выделение трех аспектов функциональной составляющей версии является небесспорным.

Во-первых, метод сам по себе имеет логическую, процессуальную, тактическую, психологическую природу. Следует согласиться с мнением тех авторов, которые, определяя гносеологическую роль версий, указывают на то, что они позволяют разработать четкую систему правовых целей, а с учетом последних — систему целей тактических. При этом необходимо уточнить, что кроме правовых и тактических версии позволяют разработать логические, психологические и управленческие цели. Таким образом, дифференциация функциональной составляющей версии на гносеологический, организационный и тактический аспекты, надо полагать, искусственна.

Во-вторых, как нетрудно заметить, организационный и тактический аспект функциональной составляющей версии имеет общий элемент — тактику. Хотя в первом случае, по мнению Р.С. Белкина, она является основой, во втором — правилом выдвижения и проверки версий. Представляется, что правила выдвижения версии одновременно составляют ее основу.

В-третьих, бесспорно, что версии составляют процессуальную, тактическую, логическую, психологическую, управленческую основы расследования преступлений. В свою очередь, данные основы в совокупности представляют собой методическую

основу версии. Если коротко определить содержание каждого элемента методической основы версии, то можно указать следующее. Процессуальный элемент методической основы включает требования закона о порядке проведения процессуальных действий. Тактический — тактический замысел, которым руководствуется орган расследования, определяя время и последовательность своих действий, очередность проверки версии, формы взаимодействия с оперативными работниками, с контролирующими органами и т. д., а также правила выдвижения и проверки версии. Психологический — при выдвижении версии и ее проверке особенности психологии следователя, членов следственно-оперативной группы, обвиняемых, подозреваемых, свидетелей и т. д. Управленческий — общие требования по организации расследования преступлений.

Таким образом, можно было бы предположить, что функциональная составляющая понятия версии подразумевает, с одной стороны, метод познания при расследовании преступлений, включая планирование расследования, с другой — метод является основой самой версии. В том и другом случаях метод направлен на установление объективной истины по уголовному делу.

На основании проведенного исследования представляется возможным предложить следующее определение рассматриваемой категории. *Следственная версия — это абстрактная идеальная информационно-логическая модель обоснованного предположения органа расследования относительно отдельных обстоятельств (имеющих или могущих иметь значение для цели раскрытия, расследования и предупреждения преступлений) или их совокупности (полной или частичной), выдвигаемого с целью объяснения происхождения этих обстоятельств и связи между ними.*

Процесс развития криминалистических знаний о следственной версии неразрывно связан с классификацией версий. Необходимо рассмотреть некоторые из них.

По мнению И.М. Лузгина, классификацию версий можно производить по различным основаниям. Он полагает, что такими основаниями являются: объем понятий (общие и частные); сфера использования (следственные, экспертные, оперативно-розыскные и судебные версии); субъекты (версии следователя, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, защитника, специалиста, понятого); степень вероятности (версии маловероятные, наиболее

вероятные); время построения (первоначальные, последующие); отношение к предмету доказывания (версия обвинения, оправдательная версия).

Приведенные классификации имеют недостатки. Расширены основания: сфера использования версий и субъекты. Как уже указывалось, субъектами версионного мышления могут быть только органы расследования (следователь, дознаватель, прокурор). Этим же предопределяется и сфера использования криминалистических версий. В сфере экспертной и судебной деятельности правильнее было бы говорить о соответствующих гипотезах. Что же касается потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, понятого, то не следует их позиции по делу идентифицировать как криминалистические версии.

Так, обвиняемый (подозреваемый) может выдвинуть предположение о причастности или непричастности к преступному деянию, которое, как правильно указывается в литературе, скорее является алиби, которое органу расследования надлежит проверить.

Свидетель (потерпевший, понятой) может также выдвигать предположения относительно обстоятельств совершения преступления, но определять их как криминалистические версии не следует. Во-первых, предположения, как, впрочем, и утверждения свидетелей и потерпевших, подлежат проверке. Во-вторых, на основании предположений (показаний) свидетелей, с учетом совокупности имеющихся на конкретный момент расследования данных (доказательств) орган расследования выдвигает версии для установления истины по делу. В-третьих, не все предположения свидетелей, потерпевших, как и других участников, подлежат последующей проверке. Некоторые предположения уже на момент их появления являются ничтожными, так как к этому времени у органа расследования имеется совокупность доказательств, которые опровергают высказанные предположения. Последнее не значит, что предположения участников расследования не следует проверять.

Приведенная выше классификация И.М. Лузгина, как правильно замечает Р.С. Белкин, носит чисто процессуальный формальный характер.

По мнению Р.С. Белкина, классификации криминалистических версий можно свести к следующим основным видам:

— по субъекту выдвижения — версии следственные, оперативно-розыскные, судебные, экспертные (разновидностью следственных версий являются розыскные версии следователя);

— по объему (круг объясняемых фактов) — общие и частные;

— по степени определенности — типичные и конкретные.

Под типичными версиями Р.С. Белкин понимал наиболее характерное для данной ситуации с точки зрения соответствующей отрасли научного знания или обобщенной практики судебного исследования (оперативно-розыскной, следственной, судебной, экспертной) предположительное объяснение отдельных фактов или события в целом.

С данной системой классификации криминалистических (следственных) версий можно согласиться с учетом сделанного ранее замечания в части классификации по субъекту построения этих версий.

Следует также отметить, что в различного рода пособиях (руководствах и т. д.), посвященных практическим рекомендациям по расследованию преступлений, как правило, приводятся следующие виды версий: 1) общие версии; 2) частные версии; 3) установочные версии; 4) розыскные версии¹.

На основании проведенного исследования представляется возможным предложить следующую *классификацию криминалистических (следственных) версий*.

1. По функциям в поисково-познавательном процессе можно различать версии: описательные и объяснительные.

Описательная версия — это обоснованное предположение органа расследования о присущих событию преступления признаках, имеющих или могущих иметь значение для дела. Описательные версии могут выдвигаться с целью выявления признаков расследуемых обстоятельств, раскрытия механизма появления этих обстоятельств, определения их функциональных характеристик.

Объяснительная версия — это обоснованное предположение органа расследования о причинах появления расследуемых обстоятельств дела. Практика показывает, что в процессе расследования преступлений вначале возникают экзистенциальные версии, выясняющие факт существования конкретных обстоя-

¹ Расследование преступлений: Руководство для следователей. М., 1997. С. 29.

ятельств, подлежащих доказыванию. Затем возникают описательные версии, выясняющие признаки этих обстоятельств. Последняя ступень — построение объяснительных версий, раскрывающих механизм и причины возникновения расследуемых обстоятельств. Последовательное усложнение версии в процессе расследования преступления — о существовании, о признаках, о причинах — отражение присущей процессу познания диалектики: от простого — к сложному, от внешнего — к внутреннему, от явления — к сущности.

2. По объему понятия (круг устанавливаемых обстоятельств) различают версии: общие и частные.

Общей версией называют обоснованное предположение органа расследования о закономерных связях и об эмпирических регулярностях всего преступного деяния. Общие версии выполняют роль фундамента в расследовании преступления, отвечая не на один, а на несколько взаимосвязанных вопросов, выясняя всю совокупность юридически значимых обстоятельств дела. Неизвестной реальной причиной, по поводу которой выдвигается версия, выступает конкретная совокупность фактических обстоятельств, из которых объективно и закономерно складывалось конкретное преступление. Освещая все подлежащие выяснению на предварительном следствии вопросы, такая версия носит черты общего суммирующего предположения, объясняющего все расследуемые события в целом.

Частная версия — это обоснованное предположение органа расследования о происхождении отдельных обстоятельств, имеющих или могущих иметь значение для установления объективной истины по уголовному делу (кем, когда и где могло быть совершено преступление, умысел виновного лица и связь с преступным деянием, другие обстоятельства), и связи между ними. Будучи неизвестным или малоизвестным, каждое из обстоятельств (или их совокупность) является предметом расследования, по поводу каждого из них также могут выдвигаться версии, объясняющие особенности и происхождение этих обстоятельств.

Частные и общие версии тесно взаимосвязаны друг с другом в процессе расследования. Знания, полученные с помощью частных версий, служат основой для построения, конкретизации и уточнения общей версии, объясняющей преступное деяние в целом. В свою очередь, общая версия дает возможность наметить

основные направления для построения частных версий по поводу еще не выявленных обстоятельств дела.

Наряду с терминами «общая версия» и «частная версия» в криминалистической литературе используется термин «рабочая версия».

Рабочая версия — это выдвигаемое органом расследования на первоначальном этапе расследования преступления предположение, которое служит условным допущением, позволяющим аккумулировать имеющуюся информацию на момент возбуждения уголовного дела и дать ей первоначальное объяснение.

Специфика рабочей версии — в условном и тем самым временном ее принятии. Для организации расследования чрезвычайно важно систематизировать имеющуюся информацию о происшедшем в самом начале расследования, рационально обработать ее и составить план расследования. Рабочая версия как раз и выполняет в процессе расследования функцию первого систематизатора установленных обстоятельств.

В дальнейшем рабочая версия может превратиться в устойчивую общую или типовую версию. Вместе с тем она может быть заменена другой версией, если будет установлена ее несовместимость с новыми выявленными обстоятельствами.

3. По субъекту версионального мышления различают версии следственные и оперативно-розыскные. В связи с тем, что ранее подробно было рассмотрено данное основание классификации, ограничимся следующим замечанием. При совместном планировании расследования следователи и оперативные сотрудники объединяют *следственные и оперативно-розыскные версии* с целью проверки их как процессуальным путем, так и непроцессуальным (оперативно-розыскным). В таких случаях, возможно говорить о смешанной разновидности версии — *следственно-оперативной*, так как такие версии выдвигаются и проверяются совместными усилиями следственных и оперативных сотрудников.

4. По степени определенности бывают типичные и конкретные версии.

Под *типичными версиями* понимается наиболее характерное для определенной ситуации расследования обоснованное предположение органа расследования об отдельных обстоятельствах или их совокупности (полной или частичной) совершенного преступления. *Конкретная версия* — это обоснованное предположение

органа расследования в определенной ситуации (стадии) расследования об отдельных обстоятельствах (или их совокупности — полной или частичной) совершенного преступления.

Краткое рассмотрение проблемы формирования понятия и классификации криминалистических (следственных) версий дает возможность исследовать проблемы их построения и проверки.

Построение криминалистической версии представляет собой результат логического осмысливания обстоятельств дела. Решающим при построении версии является знание должностными лицами органа расследования научных положений криминалистики, уголовного процесса, уголовного права, психологии, логики и других прикладных отраслей знаний. Опираясь на комплекс специальных знаний, орган расследования изучает обстоятельства уголовного дела, исследует вещественные доказательства и иные документы, использует опыт расследования и на этой основе конструирует версию.

Построение версии в ходе расследования складывается из трех последующих этапов. Первый этап — анализ отдельных обстоятельств и отношений между ними, второй этап — синтез этих обстоятельств, их обобщение; третий этап — выдвижение предположения.

Анализ и синтез при построении версии должны отвечать требованиям логической определенности, последовательности и обоснованности. Определенность в мышлении, как указывал А.В. Савинов, достигается преимущественно процессами определения и деления понятий, истолкования суждений в пределах их логической формы. В процессе построения версии, чтобы уяснить характер преступного деяния и лиц, виновных в его совершении, необходимо *аналитически* исследовать имеющуюся фактическую информацию, т. е. мысленно расчленить ее на составляющие и последовательно изучить их. Цель анализа — выделить из всей совокупности информации на определенный момент расследования такую, которая прямо или косвенно, явно или неявно, близко или отдаленно связана с преступным событием.

Исходную информацию обнаруживают в процессе производства процессуальных действий (осмотров и обысков, при ознакомлении с документами, при допросах и т. д.). В процессе анализа важно выявить из общей информации об обстоятельствах нечто общее, а именно: связи этих обстоятельств, о которых име-

ется информация, с преступлением. При этом следует учитывать, что общий для многих обстоятельств признак — связь каждого из них с расследуемым деянием — проявляется каждый раз в специфической форме — в зависимости от особенностей конкретного дела.

Связь отдельных обстоятельств с событием преступления устанавливается логическим путем. Успешное решение этой задачи, помимо знания техники, тактики и методики расследования преступлений, предполагает также овладение искусством логического анализа. Умозаключения, с помощью которых анализируются факты, зависят как от особенностей самих фактов, так и от характера ранее приобретенных знаний. Если орган расследования прибегает к общим знаниям, его вывод протекает в форме дедуктивных умозаключений. В качестве исходных предпосылок таких силлогизмов выступают либо проверенные наукой положения, либо полученные в практической деятельности эмпирические обобщения.

В процессе анализа используют также информацию о единичных случаях и фактах, которые встречаются при расследовании других дел, т. е. строят умозаключения по *аналогии*, уподобляя одно единичное явление другому. Аналогия имеет особое значение на первоначальном этапе расследования, когда при минимальном объеме информации об обстоятельствах совершенного преступления возможно установление криминалистических связей и отношений выявленных обстоятельств с ранее расследуемыми обстоятельствами преступлений для более правильного и экономичного выдвижения версий и планирования расследования.

При построении версий и планировании расследования могут быть использованы следующие источники аналогии:

а) информация органов расследования о сходных по способу совершения раскрытых преступлениях;

б) информация органов расследования об одноподобных нераскрытых преступлениях;

в) анализ способа совершения преступления и обнаружение аналогичных преступлений (по месту их совершения, времени, применяемым орудиям преступления, технологии совершения преступления, объектам преступного посягательства т. д.);

г) обобщение, включая научное, практики расследования по конкретной категории уголовных дел, позволяющее избрать

определенное направление расследования для данного конкретного случая;

д) теоретические знания и практический личный опыт должностного лица органа расследования, которые помогают ему в выдвижении версии по сходной ситуации совершения преступления.

Таким образом, для органа расследования при отборе признаков и сравнений по аналогии ориентиром является криминалистическая характеристика преступления, типичные ситуации совершения преступления конкретного вида, разработанные частные криминалистические методики его расследования.

Анализ обстоятельств совершенного преступления может протекать и в форме *индукции и дедукции*. Первая, как известно, представляет собой умозаключение, в котором мысль следует от частных посылок к обобщающему их выводу. Вторая — противоположный прием — выведение частных следствий из общих положений. Обе эти формы при построении следственной версии могут быть тесно взаимосвязаны. При использовании этих форм в процессе расследования наблюдаются некоторые закономерности.

Если дедуктивные умозаключения применяются главным образом для построения частных версий, для объяснения единичных обстоятельств или отдельных признаков обстоятельства, то индуктивные умозаключения применяются в случаях, когда приходится обобщать некоторую совокупность обстоятельств.

В литературе отмечается, что в определении содержания версии и направления расследования особую роль играет специфический признак. Специфический признак характеризует какое-либо особое свойство объекта (события), типичное только для данного единичного случая стечения обстоятельств. Так, при расследовании преступлений, совершаемых с использованием банковских технологий, в большинстве случаев такие специфические признаки, характеризующие обстоятельства их совершения, обнаруживаются в банковской и иной документации. Типичными и наиболее высокоинформированными носителями и источниками доказательственной информации об отмывании доходов от индустрии наркобизнеса и их нахождения являются (1) документы национальных и зарубежных банков, через которые в абсолютном большинстве случаев осуществляются операции по перечислению полученных преступным путем денежных

средств как внутри страны, так и за границу; (2) учредительные, регистрационные, финансовые, бухгалтерские и иные сопутствующие документы зарубежных юридических лиц, значительная часть которых создается не для конкретной хозяйственной деятельности, а лишь для осуществления с использованием их счетов финансовых транзакций, направленных на отмывание (легализацию) полученных преступным путем денежных средств.

Итак, анализ позволяет выдвигать из множества исходных обстоятельств конкретные факты, прямо или косвенно указывающие на искомое событие.

Обобщение на этом уровне решает важную задачу относимости доказательственного материала: из множества исследованных фактов отбирают лишь такие, которые дают основания для предположения об их связи с преступлением.

Новый шаг в логической обработке обстоятельств — это *синтез*, т. е. мысленное объединение аналитически выделенных фактов в единство при отвлечении от случайных обстоятельств.

Расследование преступлений требует развитого аналитико-синтетического мышления, умения правильно связывать обстоятельства, выявлять среди них особенные, специфические. Обнаружение зависимости между обстоятельствами, временной последовательности их появления позволяют восстановить всю цепь причинной связи, познать те обстоятельства, которые лежат в начале этой цепи и которые обусловили появление всех других обстоятельств. Синтез таких обстоятельств в единую систему является основной предпосылкой построения криминалистической версии — рождения обоснованного предположения о событии преступления.

Каждое уголовное дело, наряду с общими чертами, представляет собой неповторимое стечение обстоятельств. Анализ и синтез предполагает выявление индивидуального характера связей между ними. Нередко особенное в отношениях между фактами проявляется в необычном характере самих фактов для данных условий, места и времени либо в неповторимом характере отдельных действий и обстоятельств. Такого рода факты и отношения могут послужить ключом к построению плодотворной версии об обстоятельствах преступления или версии о личности преступника.

Роль специфического признака могут выполнять особенности в действиях преступника, его поведении, а также принадлежащих ему вещей. Чаще всего особенное не находится на поверхности расследуемого преступления, а проявляется в особом характере отношений и связей между многочисленными и разнородными обстоятельствами дела. В этих случаях орган расследования, сопоставляя и связывая отдельные факты, уподобляется археологу, восстанавливающему разбитую вазу или статую из отдельных подходящих друг другу кусочков.

Логический механизм выдвижения предположения на основе анализа, синтеза, индукции, дедукции и аналогии сводится к следующему. Исходные обстоятельства анализируются в свете практических обобщений, отделяют существенное от несущественного и синтезируют относящиеся к делу факты в непротиворечивое множество. Оно выполняет роль эмпирического базиса, который вместе с предшествующими обобщениями служит предпосылкой для вероятного заключения о возможной причине, объясняющей происхождение этих обстоятельств.

Познавательная, или эвристическая, ценность версии определяется ее информативностью, которая выражается в предсказательной силе версии — в ее способности предсказывать, где и как отыскать новые, еще неизвестные обстоятельства и дать им рациональное объяснение.

Версия *проверяется* в два этапа: первый из них — дедуктивное выведение вытекающих из гипотезы следствий, второй — сопоставление следствий с установленными обстоятельствами.

Дедуктивное выделение следствий. Чтобы успешно провести гипотетико-дедуктивное выведение следствий, необходимо иметь достаточную информацию как о самой причине, так и о возможных в конкретных условиях месте и времени действий этой причины. Здесь орган расследования как раз и использует весь комплекс ранее приобретенных научных знаний в совокупности с обобщениями следственной практики и личными наблюдениями.

Поскольку орган расследования разрабатывает не одну, а несколько версий, по-разному объясняющих совершенное деяние, то и требование дедуктивного выведения расследования касается каждого выдвинутого предположения. Логическому

анализу при проверке подлежат все реально возможные в данных условиях объяснения.

Ценность логической операции дедуктивного выделения следствий определяется тем, что она позволяет рационально, т. е. последовательно, планомерно, эффективно, строить весь процесс расследования. Если первоначальное обобщение не отличается особой систематичностью и строгостью, то после построения версий и дедуктивного выделения следствий, оно становится более методичным и систематизированным, ибо теперь преследует задачу обнаружения не любых, а лишь тех фактов, которые вытекают из предположений. Версия выполняет роль логической основы планирования расследования.

Сопоставление следствий с фактами. Второй этап проверки версии состоит в сопоставлении логически выведенной информации с установленными обстоятельствами для ее опровержения или подтверждения. Опровержение версии протекает путем обнаружения обстоятельств, противоречащих выведенным из нее следствиям.

Версия считается опровергнутой лишь в том случае, если несостоятельность достаточно обоснованна. Это значит, что версию нельзя считать несостоятельной лишь на том основании, что вытекающие из нее следствия не подтверждаются обстоятельствами дела. Может случиться, что соответствующие обстоятельства просто не удалось обнаружить, закрепить и изъять.

Для опровержения версий необходимо, чтобы вытекающие из нее следствия не просто не совпали, а противоречили установленным обстоятельствам дела. Только в этом случае есть достаточное основание считать версию опровергнутой.

Среди различных способов и приемов, к которым прибегает орган расследования для опровержения версий, особое значение имеет эмпирическая проверка интересующих расследование обстоятельств в виде *следственного эксперимента*.

Последовательное опровержение в процессе проверки первоначально выдвинутых, но оказавшихся несостоятельными версий протекает методом исключения в форме отрицающе-утверждающего модуса разделительно-категоричного умозаключения. Исключая на основе данного метода ложные версии, тем самым сужают круг возможных объяснений и приближаются к выявлению подлинной причины преступления.

Подтверждение версии. Версия подтверждается, если выведенные из нее следствия совпадают с вновь обнаруженными обстоятельствами. Чем больше таких совпадений и чем разнообразнее следствие, тем достовернее версия.

При дедуктивном методе следствия вытекают из гипотезы с логической необходимостью. Однако реальное обнаружение каждого из них — это ожидаемость, которая расценивается в терминах вероятности. При этом вероятность каждого следствия должна быть выше вероятности самой версии, ибо только в таком случае можно повысить первоначальную вероятность версии, обнаружив ее следствия. Действительно, нецелесообразно выводить из версии следствия, вероятность которых равна вероятности самой версии. Подтверждение таких следствий никак не влияет на вероятностное значение версии. Еще менее рационально выводить следствия, вероятность которых ниже вероятности самой версии, ибо более вероятное нельзя подтвердить менее вероятным. Ничего не дают для подтверждения версии следствия, вероятность которых равна единице. Эти следствия известны (достоверное знание) независимо от вероятности и до ее возникновения.

Вероятностные подходы к вопросу о подтверждении версии путем подтверждения вытекающих из нее следствий имеют важное эвристическое значение для практики расследования преступлений, поскольку показывают принципиальную тенденцию повышения вероятностного значения версии. Однако сколько бы вероятной ни была криминалистическая версия, она не может служить сама по себе основой для принятия решения по делу. Объективное решение всегда должно быть основано на достоверном знании обстоятельств расследуемого уголовного дела. Это значит, что каждая версия в судебном исследовании должна быть доказана и тем самым должна превратиться в несомненное знание, содержащее объективную истину по делу.

Практике известны различные *способы доказывания* следственной версии. Основными среди них являются три способа: дедуктивное обоснование выраженного в версии предположения; логическое доказательство версии; непосредственное обнаружение искомых обстоятельств.

Применительно к задачам настоящей работы рассмотрим два способа превращения версий в достоверное знание.

Непосредственное обнаружение искомых обстоятельств. Криминалистические версии нередко ставят своей задачей выявление обстоятельств существования в определенное время и в определенном месте конкретных предметов и явлений либо отвечающих на вопрос о свойствах и качествах таких предметов. Наиболее убедительным способом превращения такого предположения в достоверное знание является непосредственное обнаружение в предположенное время или в предположенном месте искомых предметов либо непосредственное восприятие предположенных свойств.

Например, при расследовании преступлений о хищениях денежных средств важной задачей является обнаружение приобретенного или накопленного преступным путем имущества, в том числе денежных средств. В связи с этим и возникают частные версии о местонахождении такого имущества.

Логическое доказывание версий. Версии, объясняющие существенные обстоятельства расследуемых дел, превращаются в достоверное знание путем логического обоснования. Оно протекает опосредованным путем, ибо познаются события, имевшие место в прошлом, или явления, существующие и в настоящее время, но недоступные непосредственному восприятию. Так доказываются, например, версии о способе совершения преступления, о виновности, о мотивах совершения преступления, об объективных обстоятельствах, при которых было совершено деяние, и т. п.

Логическое доказывание версии в зависимости от способа обоснования может протекать в форме косвенного или прямого доказывания.

Косвенное доказывание протекает путем опровержения и исключения всех ложных версий, на основании чего утверждают достоверность единственного оставшегося предположения. Вывод протекает в форме отрицательно-утверждающего модуса разделительно-категорического умозаключения.

Заключение в этом выводе может расцениваться как достоверное, если, во-первых, построен исчерпывающий ряд версий, объясняющих исследуемое событие, и, во-вторых, в процессе проверки версий опровергнуты все ложные предположения. Версия, указывающая на оставшуюся причину, в этом случае будет единственной, а выраженное в ней знание будет выступать уже не как предположительное, а как достоверное.

Данный способ доказывания, протекающий по методу исключения, часто используется в практике расследования при доказывании как общих, так и частных версий.

Косвенное доказывание версии должно применяться с учетом особенностей этого вида исследования. Прежде всего следует отметить практическую трудность построения в отдельных случаях полного перечня версий, объясняющих исследуемое событие. При явной недостаточности исходного материала в начале расследования трудно бывает точно и определенно перечислить все реально возможные причины, которые объясняли бы происхождение обстоятельств. Поэтому наряду с версиями, содержащими точные и четкие указания на те или другие возможные причины, приходится выдвигать и малоопределенные предположения.

При обращении в процессе расследования к *методу исключения* при косвенном доказывании не следует переоценивать его значения и ограничиваться только этой логической операцией в процессе установления истины по делу. Косвенное доказывание должно сочетаться с прямым обоснованием оставшегося предположения.

Прямое доказывание версии протекает путем выведения из предположения разнообразных, но вытекающих только из данной версии следствий и подтверждения их вновь установленными обстоятельствами. При отсутствии косвенного доказывания простое совпадение обстоятельств с теми следствиями, которые выведены из версии, нельзя расценивать как достаточное основание истинности версий, ибо совпадающие обстоятельства могли быть вызваны и другими причинами.

Поскольку причина всегда накладывает отпечаток на ее действие, то при доказывании версии основное внимание уделяется выведению из версии не любых следствий, а таких, которые в совокупности обладали бы ярко выраженными неповторимыми, индивидуальными особенностями, указывающими на их происхождение лишь от одной, вполне определенной причины.

Такая следственная версия по делу должна быть подтверждена упорядоченной совокупностью установленных обстоятельств, которые, с одной стороны, служат необходимым основанием для вывода о достоверности единственного предположения, а с другой — исключают всякое иное объяснение обстоятельств дела.

IX. Организация расследования преступлений и криминалистическая методика

Проблемы соотношения организации расследования преступлений и криминалистической методики берут свое начало практически со времени формирования отечественной криминалистической науки, а в последние годы они приобрели новое качество. В связи с тем, что традиционно организационный аспект наличествует в многочисленных определениях понятия криминалистической методики, следует рассмотреть гносеологию и онтологию проблемы соотношения организации расследования преступлений с методиками расследованиями преступлений (частными криминалистическими методиками).

Трудности в правильном установлении соотношения рассматриваемых понятий в известной мере объясняются многообразием определений организации как научной категории. Свидетельством тому служат многочисленные определения организации в работах, посвященных управлению, философии, кибернетике, экономике и другим отраслям знаний.

Философы, равно как и специалисты в области кибернетики, связывают понятие организации с порядком, упорядочением, выделением конкретного свойства из множества свойств исследуемого объекта. В экономических науках организацию определяют как совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого.

В работах, посвященных управлению, подчеркивается, что понятие «организация» тесно связано с понятием «управление». Несмотря на то, что управление и организация являются взаимосвязанными категориями, они достаточно самостоятельны. По мнению В.Д. Зеленского, организацию и управление можно определить как взаимосвязанный процесс формирования структуры системы, ее качественного совершенствования, поддержания в организованном состоянии для целенаправленного опти-

мального функционирования. Анализ содержания организации и управления позволяет увидеть их взаимосвязь и взаимозависимость, а также определенную обособленность друг от друга.

Многогранность и сложность понятия «организация» становится очевидным и при рассмотрении деятельности по расследованию преступлений.

Об организации расследования преступлений писали многие криминалисты и процессуалисты. При рассмотрении истории зарождения и развития криминалистической методики было обращено внимание на то, что этим аспектом деятельности органов расследования авторы интересовались задолго до появления самой науки криминалистики. В первых работах по криминалистике организационный аспект расследования преступлений рассматривался как основная составляющая деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. В работах С.Н. Трегубова подробно рассматриваются вопросы организации и проведения следственных действий на месте преступления, производства обысков, идентификации преступников и т. п.

В.И. Громов еще в 20-е гг. прошлого столетия отметил важность для расследования преступлений научной организации труда, а также высказал мысль о том, что криминалистика должна заниматься наиболее правильным «организационным построением» всего процесса расследования.

После многолетнего перерыва проблему организации расследования преступлений подняли Л.М. Карнеева и В.И. Ключевский. Они отмечали, что необходимо правильно определить предпосылки для нормального ведения расследования, обеспечить наиболее целесообразное чередование по времени действий следователя. Каждое действие должно быть продуманно и целесообразно с тем, чтобы ни один час не проходил даром, все дела расследовались полно и в срок, ни один участок деятельности не страдал бы. В качестве основных организационных принципов работы следователя ими были названы участковая система и специализация.

В более поздних работах об организации (применительно к деятельности следователя) говорится в различных аспектах. А.И. Колесниченко писал об организационных мерах по подготовке следственных действий и их координации с оперативно-розыскными мероприятиями. А.В. Дулов и П.Д. Нестеренко счи-

тали, что существует принцип оптимальной организованности следственного действия, которая должна выражаться в предварительной плановости проведения действия, в отсутствии излишней суеты, в предельном предварительном знании каждым участником своих обязанностей, подлежащих выполнению действий, т. е. в качественной подготовке к проведению следственного действия. И.М. Лузгин писал об организационных формах расследования, производимого одним следователем или бригадой следователей.

Одно из первых определений понятия организации расследования преступлений было сформулировано А.М. Лариным. Он считал, что организация расследования – это рациональный выбор, расстановка и приложение сил, орудий и средств, которыми располагает следователь, создание и использование оптимальных условий для достижения целей судопроизводства. Приведенное определение отражает основные черты организации криминалистической деятельности, но в то же время не охватывает всех признаков данного понятия. Попытка перечислить весь «инструментарий» (силы, орудия и средства) и ограничение по субъекту судопроизводства (следователь) являются небесспорными.

В дальнейшем ученые-криминалисты, исследовавшие данную проблему, предпринимали попытки отразить в определениях основные, характеризующие организацию признаки. Анализ существующих позиций относительно понятия организации расследования преступлений позволяет обозначить две тенденции.

Первая тенденция связана с выделением обеспечительной функции организации расследования (А.М. Ларин, Г.Г. Зуйков, Р.С. Белкин, З.И. Кирсанов, С.А. Кучерук, В.Е. Корноухов, И.П. Можаяева, Н.П. Яблоков). Вторая – с раскрытием рассматриваемого понятия путем перечисления структурных элементов (В.Е. Коновалова, А.К. Кавалиерис, В.Д. Зеленский, А.А. Хмыров). Представляется, что последний подход является спорным, так как затруднительно перечислить все элементы организации расследования преступлений.

Кроме отмеченных позиций, в криминалистической литературе существует еще одна точка зрения, согласно которой организация расследования рассматривается широко (Л.П. Дубровицкая, М.П. Гутерман и другие). Так, Л.А. Соя-Серко среди структурных

элементов «организации следствия» рассматривает следственный аппарат, подследственность, надзор за следствием, права и обязанности следователей и других лиц, участвующих в расследовании, материальное обеспечение работы следователей, организацию их труда.

Представляется, что подобного рода дефиниции фактически определяют организацию управления деятельностью по расследованию преступлений, а не организацию расследования, что не одно и то же.

Существенным недостатком многих определений, как справедливо отмечает В.Д. Зеленский, является то, что их авторы пытаются сформулировать понятие организации расследования применительно и к конкретному акту расследования, и к действию всей системы расследования в целом.

Кроме того, несмотря на осознание факта, что организационное начало свойственно не только тактике следственных действий, но и методике всего расследования, ученые-криминалисты не выделяли организацию расследования преступлений в качестве самостоятельного элемента частных криминалистических методик. При этом одни — включили в содержание частной криминалистической методики организационные элементы (вопросы координации действий органов расследования, особенности планирования расследования в зависимости от вида преступлений и т. п.), другие — ограничились указанием на организацию расследования, организационную деятельность, организационные мероприятия при рассмотрении проблем криминалистической методики. Например, Р.С. Белкин полагал, что вопросы организации расследования преступлений на уровне криминалистической методики как раздела науки должны составлять органическую часть всех ее составных элементов, но не выделяться в самостоятельный подраздел или теорию.

Кроме перечисленных позиций ученых-криминалистов по проблеме соотношения организации расследования преступлений и криминалистической методики, существует еще одна, которая приобретает все больше сторонников. Согласно последней, организация расследования должна занять самостоятельное место в системе курса криминалистики, а значит, иметь четкие

отличительные признаки от методики как раздела дисциплины (курса) и науки криминалистики¹.

Начало дискуссии о необходимости выделения в самостоятельный раздел криминалистики организационных вопросов, очевидно, положил Н.В. Терзиев (1961 г.), который предложил пятичленную структуру криминалистики, выделив в ней самостоятельный раздел — следственные версии и планирование расследования. В последующем, развивая названную идею, С.С. Степичев предложил назвать данный раздел «Организационно-методические основы расследования». Настоящая позиция нашла и сторонников, и противников. Так, В.В. Клочков еще в 1988 г. отмечал, что заслуживает внимания вопрос о выделении нового раздела системы криминалистики, посвященного организации расследования. Аналогичную точку зрения высказывали в разное время А.В. Дулов, Н.А. Селиванов, В.В. Степанов, В.Д. Зеленский, А.Г. Филиппов, И.П. Можяева, А.М. Ларин, В.Ф. Статкус и другие ученые.

По мнению А.М. Ларина, рассуждение о противоречиях и пробелах, белых пятнах в структуре криминалистики наводят на мысль о том, что традиционные разделы криминалистики — техника, тактика и методика раскрытия отдельных видов преступле-

¹ Небезынтересной представляется структура криминалистики в США. Согласно исследованию А.Н. Гусакова, систему криминалистики составляют четыре части: общая часть, криминалистическая техника, тактика полиции и *организация расследования отдельных видов преступлений*. Четвертую часть составляют типичные методики расследования преступлений, где рассматриваются методики расследования наиболее распространенных в США преступлений (убийства, ограбления, изнасилования). Эта часть не систематизирована и не имеет общих положений, в ней также отсутствует система расположения типичных методик (Гусаков А.Н. Криминалистика США. Теория и практика ее применения. Екатеринбург, 1993). Анализ наиболее известных научных источников по криминалистике на английском языке, проведенный литовскими криминалистами, показал, что в криминалистике имеется раздел организации расследования преступлений, в котором освещаются истоки организации расследования наиболее распространенных преступлений и рекомендации по расследованию отдельных видов преступлений (*Видмантас Эгидинюс Курака, Гендрик Малевски, Снегуоле Матулене*. О понятии криминалистической характеристики преступлений и ее уровнях // Вестник криминалистики / отв ред. А.Г. Филиппов. М., 2005. Вып. 2 (14). С. 15).

ний — должны предваряться разделом, содержащим положения, общие для всех или многих следственных действий, для всех или многих уголовных дел — независимо от квалификации расследуемых преступлений. Этот раздел может быть назван общей методикой расследования. В его содержание войдут учение о версиях, основы организации и планирования расследования преступлений, криминалистическая идентификация, исследование личности обвиняемого, розыск обвиняемого, криминалистическая виктимология и др.

А.Г. Филиппов указывает, что вопросы, относящиеся к расследованию и раскрытию преступлений, объединяет то, что они не связаны ни с криминалистической техникой, ни с тактикой проведения отдельных следственных действий, ни с методикой расследования отдельных видов и групп преступлений, а носят преимущественно организационный характер, т. е. направлены на обеспечение успеха расследования преступлений. Исходя из данного суждения, ученый предложил рассматривать организацию расследования преступлений как самостоятельный раздел криминалистики, состоящий из научных положений и рекомендаций по планированию расследования, взаимодействию следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, использованию помощи населения и иным направлениям деятельности следователя, имеющим преимущественно организационный характер, которые обеспечивают максимальную эффективность работы по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений независимо от их вида или группы.

Он предложил изменить систему учебного курса криминалистики для высших юридических учебных заведений МВД России. Под редакцией А.Г. Филиппова и А.А. Кузнецова в 1993 г. был издан учебник криминалистики, в котором вопросы организации работы по раскрытию и расследованию преступлений были выведены в самостоятельный раздел. Среди авторов этого раздела были видные ученые-криминалисты (В.П. Лавров и другие). В последующем были изданы и другие учебники по криминалистике, в которых организационные аспекты расследования изложены в самостоятельном разделе. В 1997 г. на кафедре криминалистики Саратовской государственной академии права была подготовлена программа курса криминалистики, в которой

выделялся раздел, именуемый «Организация выявления, расследования и предупреждения преступлений». Авторы данной программы, очевидно, исходили из того, что при таком изменении структуры курса сложившаяся и ставшая уже традиционной система криминалистики в основном сохраняется и приобретает необходимую упорядоченность.

В настоящее время этот же принцип построения учебной дисциплины «Криминалистика» отражен в примерной программе, утвержденной начальником Департамента кадрового обеспечения МВД России 18 июня 2008 г.

И.П. Можаяева и В.В. Степанов в своих работах показывают значение организационных основ криминалистической деятельности и обосновывают, как они полагают, объективную необходимость существования в рамках криминалистики самостоятельного раздела «Организационные основы деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений».

Критикуя подобные подходы, Р.С. Белкин писал, что ни в науке, ни в учебном курсе криминалистики просто не может быть специального раздела, посвященного вопросам организации. Это неизбежно будут вопросы либо тактики, либо методики, искусственно отделенные от соответствующих научных положений, что ущербно и для них и для самих систем — тактики и методики. И далее он резюмировал: искусственное, чисто волюнтаристское перекраивание курса криминалистики неоправданно ни с научной, ни с дидактической точек зрения, а, наоборот, может привести к дезориентированию представлений о содержании соответствующих разделов криминалистической науки и дезорганизации ее учебного курса.

Как видится, в предложении о выделении самостоятельного раздела в криминалистике имеется рациональное зерно. Вероятно, истина находится где-то посередине высказанных суждений.

Во-первых, современная система криминалистики оперирует многочисленными условными категориями, прежде всего в названиях традиционных ее разделов. В данном случае имеются в виду разделы «Криминалистическая тактика» и «Криминалистическая методика». Например, И.А. Возгрин отмечает, что в криминалистике термин «тактика» используется в переносном смысле, условно для обозначения той части науки, которая изучает сущ-

ность и искусство *организации* следственной действительности. Как представляется, термин «криминалистическая методика» также используется в переносном смысле. Если следовать логико-формальным законам построения понятийного аппарата, то понятие «криминалистическая методика», как одно из разновидностей понятия «методика», не может включать признаки, увеличивающие его объем. Методика – это совокупность методов (от греч. *méthodos* – путь исследования или познания, теория, учение), т. е. приемов или операций практического или теоретического освоения действительности, подчиненных решению конкретной задачи. Понятие «методика» в конкретных областях знаний должно быть более предметным и не выходить за границы основного понятия, т. е. быть меньше в объеме. В то же время, как показали исследования, традиционное понимание криминалистической методики связано с таким признаком, как организация, что увеличивает объем производного понятия относительно производящего. Это не может быть признано методологически правильным.

Во-вторых, в результате обозначенных условностей содержание указанных разделов криминалистики приобретает гипертрофированные формы. Так, общие вопросы планирования и расследования криминалистических версий, взаимодействие участников уголовного судопроизводства, а также органов расследования с общественностью, с сотрудниками других ведомств, международное сотрудничество и т. п. рассматриваются параллельно в каждом из указанных разделов. В связи с этим следует согласиться с А.Г. Филипповым, полагающим, что можно говорить о планировании отдельных следственных действий (криминалистическая тактика) и о планировании расследования отдельных видов преступлений, но ими не исчерпывается криминалистическое учение о планировании расследования. Главная часть этого учения (понятие и значение планирования; его принципы; элементы планирования; особенности планирования расследования при возбуждении уголовных дел по официальным материалам и по оперативно-розыскным данным; техника планирования; общие вопросы планирования отдельных следственных действий и т. д.) не связана ни с тактикой, ни с методикой.

Одновременно хотелось бы отметить, что позиция А.Г. Филиппова имеет свои недостатки. Так, выделяя организацию раскрытия и расследования преступлений в самостоятельный раздел, ученый, как представляется, не в полной мере оценил следующие обстоятельства. Производство следственных действий (процессуальных), как и все расследование преступлений, имеет организационный аспект. Таким образом, оставляя без изменений названия традиционных разделов, А.Г. Филиппов фактически предлагает продолжить традиции использования в науке криминалистике условных терминов, которые в итоге порождают больше вопросов, чем дают ответов. В этом видится основной недостаток предложения ученого, который не позволяет принять, безусловно, прогрессивное предложение о структуре криминалистики, а именно: в первую часть, по его мнению, должны входить разделы «Теоретические основы криминалистики» и «Криминалистическая техника», которая составляет основу для второй части — «Криминалистическая тактика», «Организация раскрытия и расследования преступлений» и «Методика раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений».

Кроме того, выделение организации расследования преступлений в самостоятельный раздел науки криминалистики системно не обусловлено. Представляется искусственным включение в этот раздел таких вопросов, как розыскная работа следователя, расследование по горячим следам, и т. п.

Изложенное позволяет констатировать, что возникает проблема, не только связанная с самой криминалистической методикой как разделом науки криминалистики, но и со всей системой криминалистики. Постановка данной проблемы указывает на справедливость того, что невозможно постичь частное без общего, и наоборот.

Сложность разрешения вопроса об обоснованном выделении в самостоятельный раздел науки организационных аспектов расследования преступлений заключается в следующем. Изменение структуры криминалистики как науки и (или) как учебной дисциплины не может происходить без разрешения принципиально важных вопросов: о соотношении организационных аспектов расследования с тактикой и методикой; о названии, структуре и

содержании самостоятельного раздела криминалистики. Не разрешив эти и другие вопросы, невозможно менять структуру криминалистики без нанесения вреда данной отрасли научного знания.

Кроме того, ситуация усугубляется и тем, что не разрешена окончательно проблема однозначного разграничения организационно-криминалистических и организационно-управленческих аспектов расследования преступлений. Отдельные публикации не создают целостной картины разрешения этого вопроса.

Несмотря на перечисленные и иные сложности, тем не менее имеются все предпосылки для выделения организационных аспектов расследования преступлений в самостоятельную теорию. Выработанные в рамках этой теории общие положения организации расследования преступлений (принципы, методы, структура и т. п.) и отдельные учения (планирование расследования, криминалистическое прогнозирование, криминалистическое взаимодействие и т. п.) можно применять при исследовании проблем криминалистики (техники, тактики и методики).

Рассмотрение общих положений организационных аспектов в единой теории будет способствовать, с одной стороны, устранению дублирования этих положений в разных разделах криминалистики, с другой — более полному и всестороннему их исследованию.

Таким образом, организация расследования представляет собой один из ключевых элементов процесса расследования преступлений, тесно связанный с целями, задачами, этапами и другими структурными элементами частных криминалистических методик. С криминалистических позиций организацию можно определить на основе элементного либо деятельного подходов.

В первом случае под организацией расследования следует понимать упорядоченную совокупность устойчивых взаимосвязанных элементов (объект, субъект, средства и цель), обеспечивающих процесс расследования конкретной категории преступлений на каждом этапе, как единое целое.

Во втором случае организация расследования преступлений представляет собой разработку (определения) и реализацию комплекса мер, обеспечивающих процесс расследования конкретной категории преступлений на каждом этапе, как единое целое.

В рамках организационной структуры протекает весь процесс расследования (движение потоков информации, ресурсов, следственных версий, принятия тактических, управленческих и иных решений и т. п.), в котором участвуют органы расследования.

Одновременно следует заметить, что процесс расследования преступлений является самоорганизующейся системой, структура которой непрерывно меняется и практически не повторяется. Каждый отдельный процесс расследования имеет свою индивидуальную организационную структуру и связи между элементами этой структуры. Тем не менее возможно определить основные элементы организационной структуры расследования или, иначе говоря, элементы организации расследования, а именно:

- планирование расследования с учетом всех уголовных дел, одновременно находящихся в производстве у органа расследования;

- обеспечение ресурсами (техническими, кадровыми, нормативными и т. п.);

- обеспечение взаимодействия в процессе расследования между органом расследования, оперативными работниками, специалистами, экспертами, сотрудниками контролирующих и иных государственных органов, а в необходимых случаях и с представителями общественности, привлеченными к участию в расследовании;

- подготовка производства процессуальных и иных действий и (или) их комплексов;

- принятие мер, гарантирующих недопустимость разглашения данных предварительного расследования;

- обеспечение квалифицированного руководства следственной, следственно-оперативной группой, следственной бригадой и т. п. в случае формирования для работы по уголовному делу, проявляющегося в:

- а) четком распределении обязанностей между членами СОГ;

- б) постоянном контроле за действиями членов СОГ и их результатами, в частности путем проведения регулярных оперативных совещаний СОГ с обсуждением результатов и очередных задач расследования;

- в) налаживании систематического обмена информацией между участниками СОГ и т. п.;

г) иных организационных мероприятиях, необходимых для эффективного расследования преступлений.

Несложно убедиться, что центральное место в организации расследования преступлений занимает такой его элемент, как планирование расследования. В то же время планирование расследования традиционно включается и в структуру частных криминалистических методик.

Таким образом, частные криминалистические методики, обладая организационным аспектом, и имея в своей структуре аналогичные структурные элементы, свойственные организации расследования, по существу, не имеют отличий от последней. В этом мы видим известное системное противоречие в теории криминалистической методики, которое не только не исключает, а напротив, является одним из решающих оснований подробного рассмотрения теоретических основ планирования расследования преступлений как основополагающего организационного аспекта — элемента частных криминалистических методик.

Х. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений и частная криминалистическая методика

Анализ работ, посвященных криминалистическому обеспечению расследования преступлений (технико-криминалистическому обеспечению и т. п.), показал, что они фактически освещают вопросы криминалистической техники, тактики и методики расследования преступлений. Нередко такие работы даже не приводят понятия криминалистического обеспечения расследования преступлений, а тем более не рассматривают собственно деятельность по криминалистическому обеспечению расследования преступлений.

Такое положение не могло не привлечь внимание исследователей (Э.К. Горячев, А.А. Голованов и другие), некоторые из них пришли к выводу о том, что понятие «криминалистическое обеспечение» не несет никакой иной смысловой нагрузки, оно представляет использование рекомендаций, содержащихся в арсенале криминалистики (Г.И. Седова, В.В. Степанов).

В связи с изложенным представляется необходимым выявить сущность криминалистического обеспечения расследования преступлений и сопоставить данную категорию с частной криминалистической методикой.

Понятие криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел было разработано и введено в научный оборот и практику обучения на кафедре организации расследования преступлений Академии МВД СССР В.Г. Коломацким в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого века.

Позднее автор внес в предложенное определение незначительные правки и в окончательном варианте оно имеет следующий вид. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел — это система внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов

внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умение работников использовать научные, методические и тактические криминалистические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений.

В 1995 г. В.Г. Коломацкий подготовил соответствующую главу учебника «Криминалистика», в которой наиболее полно рассмотрел понятие, структуру и содержание криминалистического обеспечения расследования преступлений.

В постсоветский период оно стало широко использоваться в криминалистических исследованиях и учебной литературе. Одновременно в научный оборот введены понятия «технико-криминалистическое обеспечение», «тактико-криминалистическое обеспечение», «методико-криминалистическое обеспечение», «научно-криминалистическое обеспечение» и т. п.

Тем не менее следует признать, что проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений имеют перманентный характер. Уровень их практического разрешения остается низким. Традиционные проблемы до настоящего времени не только не получили своего разрешения, но и породили новые.

Анализ предлагаемых в настоящее время определений понятия «криминалистическое обеспечение расследования преступлений» и смежных с ним понятий («информационное обеспечение», «научно-техническое обеспечение», «оперативное и оперативно-розыскное обеспечение» и др.) позволяет сделать некоторые промежуточные выводы.

Во-первых, рассматриваемые категории авторы понимают по-разному и в основном произвольно трактуют их на практике. Видимо, такое положение обусловлено широким пониманием слова «обеспечение». Можно, например, говорить о материальном обеспечении, техническом обеспечении, пенсионном обеспечении, об обеспечении успеха, обеспечении безопасности, законности, обеспечении прав и свобод человека и гражданина, обеспечении прав несовершеннолетнего, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого при совершении следственных действий и т. д.

Таким образом, на первый взгляд абсолютно понятное слово «обеспечение» в то же время употребляется в разных случаях, и несет оно при этом различную смысловую нагрузку.

Если обратиться к словарям, то и там можно обнаружить аналогичную ситуацию. Например, в словаре В. Даля «обеспечивать, обеспечить» означает дать что-либо верное, снабжать всем нужным, оградить от убытков, недостатка, нужды, от грозящей кому опасности и пр.

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова при разъяснении существительного «обеспечение»: отсылает нас к смысловому значению глагола «обеспечить»; объясняет, что это то, чем обеспечивают кого-нибудь, что-нибудь. Глагол «обеспечить» означает:

1) (кого — что чем) снабдить чем-нибудь в нужном количестве (обеспечить сырьем, обеспечить фермы техникой);

2) (кого — что) предоставить достаточные материальные средства к жизни (обеспечить свою семью, обеспеченная старость);

3) (что) сделать вполне возможным (обеспечить успех);

4) (кого — что от кого — чего) оградить, охранить.

Почти во всех указанных значениях термин «обеспечение» и был приведен в рассмотренных выше примерах (категориях).

Во-вторых, криминалистическое обеспечение расследования преступлений определяется через прилагательное «криминалистическое», что указывает на связь с наукой криминалистикой. Содержание криминалистической науки составляют криминалистические знания, т. е. результат познания ею закономерностей, составляющих предмет криминалистики, и материализации данного результата в виде предлагаемых практике средств, методов и рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений.

В-третьих, криминалистическое обеспечение расследования преступлений — это деятельность системного свойства (динамическая (функциональная) система), связанная с представлением заранее сформированных (усовершенствованных) криминалистических знаний должностным лицам, принимающим участие в расследовании преступлений (следователь, дознаватель, эксперт и т. п.). Кроме того, эти знания способствуют развитию навыков и умений соответствующих должностных лиц.

В-четвертых, криминалистическое обеспечение расследования преступлений не характеризуется непосредственной реализацией полученных должностными лицами, принимающими участие в расследовании преступлений, криминалистических знаний и основанных на них навыках и умениях по конкретному уголовному делу.

В-пятых, криминалистическое обеспечение расследования преступлений должно создавать условия (гарантии) для эффективного расследования преступлений, но оно не включает ресурсное обеспечение (материальное, кадровое, правовое и т. п.). Последнее характеризует управленческую деятельность по расследованию преступлений и является предметом изучения таких дисциплин, как «Управление органами расследования преступлений», «Организация деятельности органов расследования преступлений», и т. п.

В-шестых, расследование преступлений является процессом установления истины по уголовным делам. В качестве функций этого процесса выделяют раскрытие, предупреждение, пресечение преступлений. Значит, выделять указанные функции из общего процесса расследования преступлений нецелесообразно.

В-седьмых, криминалистическое обеспечение расследования преступлений должно рассматриваться как подсистема системы более высокого уровня — управления деятельностью органов, осуществляющих борьбу с преступностью. Но эта подсистема обладает определенной степенью автономности. Причем система управления такими органами включает, наряду с криминалистическим обеспечением, также правовое, организационное, научно-методическое, кадровое и техническое обеспечение.

Таким образом, понятие «криминалистическое обеспечение расследования преступлений» можно сформулировать как систему создания компетентным должностным лицам условий в целях быстрого, полного, объективного и эффективного установления истины по уголовным делам. Но, очевидно, данное определение настолько общее, что из него невозможно выделить тот криминалистический аспект, который свидетельствовал бы об адекватности (относимости) определяемого понятия.

Чтобы сформировать окончательный вариант определения криминалистического обеспечения расследования преступлений, необходимо рассмотреть его структуру и содержание.

Многие авторы в структуру криминалистического обеспечения включают различные виды обеспечения (правовое, научное, организационное, кадровое и др.). Например, В.А. Волынский считает, что структуру криминалистического обеспечения составляют (а) правовое; (б) организационное; (в) научно-методическое; (г) научно-техническое; (д) кадровое обеспечение (криминалистическая подготовка кадров).

Э.К. Горячев, И.В. Тишутина называют в структуре криминалистического обеспечения такие же элементы, что и В.А. Волынский, заменив лишь научно-методическое обеспечение методическим. Кроме того, они полагают что технико-, тактико-, методико-криминалистическое обеспечение — это также подсистемы единой системы криминалистического обеспечения как вида деятельности, характеризующегося рядом общих признаков, в частности касающихся ее целей, задач, субъектов, объектов воздействия и т. п.

Представляется, что авторы вплотную подошли к вопросу об организационной структуре криминалистического обеспечения расследования преступлений, определив общие признаки такой деятельности.

Соотносят структуру криминалистического обеспечения со структурой науки криминалистики и включают в нее технико-криминалистическое, тактико-криминалистическое и методико-криминалистическое обеспечение Ю.Ю. Барбачакова, К.С. Егоров, М.Ш. Махтаев и другие. Некоторые из них выделяют другие элементы, называя их по-иному. Так, технико-криминалистическое обеспечение, по мнению Ю.Ю. Барбачаковой, включает: научно-технический, правовой, организационный, кадрово-методический аспекты.

М.Ш. Махтаев придерживается позиции, что указанная структура криминалистического обеспечения (технико-криминалистическое, тактико-криминалистическое и методико-криминалистическое обеспечение) включает научно-исследовательскую, организационно-техническую, организационно-управленческую деятельность и научно-педагогическую деятельность.

А.Ф. Волынский считает, что с формально-структурных позиций систему криминалистического обеспечения можно представить в соответствии с системой криминалистики:

— теоретические основы криминалистического обеспечения;

- технико-криминалистическое обеспечение;
- тактико-криминалистическое обеспечение;
- методико-криминалистическое обеспечение.

Но данная систематизация дает повод для дискуссии о самостоятельности криминалистического обеспечения как специфического вида деятельности, как самостоятельной научно-прикладной категории в связи с тем, что в ряде случаев содержание названных частей криминалистического обеспечения смешивается с содержанием соответствующих разделов криминалистики.

С данным опасением можно согласиться. В связи с этим видится наиболее правильной позиция В.П. Лаврова, называющего три направления криминалистического обеспечения как деятельности: технико-криминалистическое, тактическое и методико-криминалистическое. Данную позицию разделяют и некоторые другие авторы.

С содержательной точки зрения, по мнению А.Ф. Волынского, криминалистическое обеспечение структурируется с учетом предмета и направленности деятельности, связанной с разработкой, внедрением и использованием криминалистических методов, средств и рекомендаций в практике раскрытия и расследования преступлений. В систему криминалистического обеспечения он включает следующие элементы:

- теоретические основы обеспечения;
- правовое обеспечение;
- организационное обеспечение;
- научно-техническое и научно-методическое обеспечение;
- учебно-методическое обеспечение,
- материально-техническое обеспечение.

Данная структура напоминает систему криминалистического обеспечения, предложенную А.В. Волынским, но отличается тем, что в нее включены такие элементы, как учебно-методическое обеспечение, материально-техническое обеспечение и теоретические основы обеспечения, а также в систему не входит кадровое обеспечение.

В криминалистической литературе существует множество других подходов к рассматриваемому вопросу. Большинство из них связано с перечислением следующих элементов (виды обеспечения) структуры криминалистического обеспечения: правовое обеспечение, кадровое обеспечение, организационное обеспече-

ние, материально-техническое обеспечение. Можно согласиться с тем, что данные виды обеспечения необходимы для расследования преступлений, но это не означает, что они являются элементами структуры криминалистического обеспечения расследования преступлений. Следовательно, подобного рода концепция криминалистического обеспечения расследования преступлений не может быть частной криминалистической теорией, поскольку отражает комплекс научных и практических аспектов, выходящих за пределы криминалистики. Представляет интерес высказанное А.М. Нуждиным предложение о необходимости произвести разделение терминов «общее обеспечение раскрытия и расследования» и «криминалистическое обеспечение расследования преступлений». К общему обеспечению деятельности правоохранительных органов, включая обеспечение расследования, по его мнению, можно отнести такие виды обеспечения, как: научное, правовое, информационное, организационное, кадровое, финансовое, материально-техническое обеспечение.

Очевидно, что невозможно рассматривать в качестве структурных элементов криминалистического обеспечения расследования преступлений научно-педагогическую деятельность. В задачи криминалистического обеспечения входит определение того, что преподавать (какие криминалистические знания необходимы должностным лицам, принимающим участие в расследовании преступлений), а не как преподавать, — это относится к педагогической деятельности (педагогическим наукам).

Другого взгляда на систему криминалистического обеспечения расследования преступлений придерживается В.Г. Коломацкий. Он включает в систему криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел три относительно самостоятельных подсистемы: криминалистическую науку, криминалистическое образование, криминалистическую технику — и называет системообразующим фактором криминалистические знания, которые, с одной стороны, выступают как продукт криминалистической науки и содержание криминалистического образования, а с другой — как предмет потребления практики расследования. Объясняя такой состав структуры, он говорит, что система криминалистического обеспечения объединяет криминалистическую науку — производителя криминалистических знаний с криминалистическим образованием, которое дифференцирует

и систематизирует криминалистические знания в комплексы криминалистических знаний и умений, соответствующие профессиональным и должностным потребностям, а усвоением этих комплексов (курсов учебной дисциплины «Криминалистика») обеспечивается реализация в практической деятельности по расследованию преступлений криминалистических методических рекомендаций, тактико-криминалистических приемов и технико-криминалистических средств.

Р.С. Белкин, соглашаясь с тремя составляющими криминалистического обеспечения расследования преступлений, называет первую подсистему криминалистическими знаниями вместо криминалистической науки, отмечая, что криминалистические знания составляют содержание криминалистической науки и представляют собой результат познания ею закономерностей, составляющих предмет криминалистики, и материализации этого результата в виде предлагаемых практике средств, методов и рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений.

В остальном Р.С. Белкин полностью поддерживает мнение В.Г. Коломацкого, соглашаясь с содержанием следующих подсистем: криминалистического образования и криминалистической техники.

Рассмотренные точки зрения критикуют Э.К. Горячев, И.В. Тишутина, считая, что было бы более правильным говорить не о криминалистическом образовании как элементе данной системы, а о криминалистической подготовке, об обучении субъектов раскрытия и расследования преступлений, мотивируя это тем, что в указанном определении не учитываются реальные потребности практики, и отмечая, что образование и обучение по своим целям и методикам имеют принципиальные различия.

Они считают нелогичным включать в рассматриваемую систему в качестве самостоятельного элемента криминалистическую науку, объясняя это тем, что криминалистическое обеспечение в определенном смысле — одна из категорий этой науки, а частное не может поглощать или охватывать общее.

Кроме того, по их мнению, необъяснимо, почему В.Г. Коломацкий и его последователи в качестве самостоятельного элемента криминалистического обеспечения обозначают криминалистическую технику, почему вне этой системы остаются другие разделы криминалистики.

С подобного рода критикой можно согласиться лишь частично. Действительно, образование и обучение — не одно и то же. Но в своих работах В.Г. Коломацкий связывает криминалистическое образование с обучением работников правоохранительных органов по использованию методов и средств криминалистики в практической деятельности. Нельзя согласиться с исследователями в том, что одна из категорий науки не может рассматривать саму науку или отдельные ее аспекты. В данном случае совсем не говорится о поглощении частным общего. Криминалистическая техника, как структурный элемент криминалистического обеспечения расследования преступлений, рассматривается В.Г. Коломацким и Р.С. Белкиным не как раздел криминалистики, а как совокупность технических средств и т. д.

С.И. Соболевская, включая в систему криминалистического обеспечения три подсистемы (криминалистические знания, криминалистическое образование, криминалистическую технику), так же как Э.К. Горячев и И.В. Тишутина, считает не вполне справедливым рассматривать криминалистическую технику лишь как совокупность технических средств. Она рассматривает понятие криминалистической техники шире и включает в него, с одной стороны, технику работы с вещественными доказательствами; технику получения информации из материальных следов преступления, используемую правоохранительными органами; систему научных положений и основанных на них технических средств сохранения вещественных доказательств, их исследования, оценки и использования полученной информации о событии, содержащем признаки преступления, личности преступника и иных обстоятельствах преступления; а с другой стороны — раздел науки криминалистики.

Представляется, что позиция С.И. Соболевской непоследовательная. Выделив криминалистическую технику, как раздел науки в качестве структурного элемента криминалистического обеспечения, она игнорирует другие разделы криминалистики, что противоречит здравому смыслу.

Некоторые авторы, как ранее отмечалось, выделяют в структуре криминалистического обеспечения расследования преступлений два уровня: 1) создание условий постоянной готовности; 2) реализацию этих условий. По содержанию данных признаков

нет единого мнения. Исследователи включают различный смысл в понимание создания условий постоянной готовности.

Например, А.Ф. Волынский условно различает два уровня криминалистического обеспечения: созидательный (т. е. создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций) и деятельный — их практическая реализация.

Формирование условий постоянной готовности предполагает совершенствование:

- криминалистических знаний, т. е. содержания самой науки и организации научных разработок актуальных проблем криминалистической практики;

- криминалистического образования, т. е. криминалистической подготовки субъектов раскрытия и расследования преступлений;

- организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений с учетом реальных потребностей практики в их помощи и уровня развития криминалистической техники;

- правового регулирования использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Анализируя позицию А.Ф. Волынского об уровнях криминалистического обеспечения, А.Я. Эрекаев пришел к выводу, что в его системе следует различать, во-первых, само формирование такой системы (правовая база, организация криминалистической деятельности следователей, оперативных работников, специалистов-криминалистов, их обеспечение современными средствами криминалистической техники и научно-методическими рекомендациями по ее применению, а также — по тактике и методике и т. д.), а во-вторых, — реализацию возможностей такой системы в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений, что также связано с обеспечением надлежащей криминалистической подготовки.

Два уровня реализации криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов различает В.А. Афицинский. Он считает, что на первом уровне решается проблема соответствующего создания криминалистического арсенала средств борьбы с преступностью и снабжения им пра-

воохранительных органов, а на втором уровне происходит его непосредственное эффективное использование.

Подводя итог рассмотрению позиций различных авторов о структуре и содержании криминалистического обеспечения расследования преступлений, необходимо отметить следующее.

Во-первых, структурировать рассматриваемую категорию аналогично структуре науки криминалистики, как было отмечено, нецелесообразно. Разделы (части) криминалистической науки формируются в процессе познавательной деятельности субъектов познания и находят свое отражение путем представления в криминалистической науке и образовании. Все четыре современных раздела криминалистики могут быть направлениями криминалистического обеспечения расследования преступлений.

Во-вторых, криминалистическая наука и криминалистическое образование, включая и самообразование, в своей основе содержат криминалистические знания, структурированные в процессе научной и преподавательской деятельности. Эти знания воплощены в двух формах: фундаментальных знаний и прикладных.

Фундаментальные криминалистические знания составляют содержание общей теории криминалистики и частных теорий и учений. Прикладные криминалистические знания выступают в форме научных рекомендаций, криминалистических приемов и технологий, тактических комплексов, частных криминалистических методик, технико-криминалистических средств.

В-третьих, криминалистические знания развиваются в тесном взаимодействии с другими отраслями научного знания (правовыми, техническими, естественными, общественными). Такое взаимодействие — проявление одного из законов развития криминалистики (дифференциации и интеграции научного знания), оно выражается в разных формах: от использования данных об изучаемых этими отраслями знаний закономерностях объективной действительности — до создания на их базе или на базе специальных методов названных отраслей специальных методов и рекомендаций криминалистики. По мнению Т.В. Аверьяновой, процесс интеграции знаний проявляется в формах:

1) переноса идей и представлений из одной области знаний в другую;

- 2) использования понятийно-концептуального аппарата, методов и иных познавательных средств других областей науки;
- 3) формирования комплексных проблем и направлений исследований;
- 4) формирования новых научных дисциплин «пограничного типа» на стыке известных отраслей знания;
- 5) сближения, усиления взаимосвязи и воздействия наук, различающихся своими предметными областями;
- 6) сближения наук различных типов — функциональных и прикладных, эмпирических и теоретических, высокоформализованных и описательных и др.;
- 7) универсализации средств языка науки;
- 8) выработки региональных и общенаучных форм и средств познания;
- 9) усилении взаимодействия между философским и нефилософским знаниями;
- 10) усилении интегративной роли философии.

Интеграционные процессы можно наблюдать непосредственно в самом процессе криминалистического обеспечения расследования преступлений. Они заключаются в комплексном подходе по созданию условий должностным лицам, принимающим участие в расследовании преступлений, для полного, объективного, всестороннего и эффективного установления истины по уголовным делам. Лишь комплексный подход специалистов разного профиля (криминалистов, педагогов, управленцев и др.) позволяет обеспечить цели и задачи предварительного расследования. Необходимость такого подхода предопределена следственной, экспертной практикой и уровнем развития криминалистического знания.

Практически каждый вид обеспечения процесса расследования преступлений включает в себя не одно средство, а комплекс средств обеспечения разных наук.

Дифференциация научного знания проявляется, с одной стороны, в появлении новых, наиболее эффективных средств, позволяющих познать различные стороны объектов исследования, с другой — во вновь появившихся средствах исследования, разработанных одной наукой, которые используются в других областях знания и становятся общими для многих наук. Настоящее положение полностью относится и к процессу криминали-

стического обеспечения расследования преступлений. В то же время использование заимствованных средств данного процесса из других отраслей знаний не означает поглощение или слияние разных видов обеспечительной деятельности предварительного расследования.

Следовательно, криминалистическое обеспечение расследования преступлений опосредованно «использует» знания других наук, в частности управления, технологий, правовых, педагогических, только в том объеме, который необходим для выработки криминалистических рекомендаций по эффективному расследованию преступлений. Без правовых предписаний, без учета информационных, организационных, технологических и педагогических основ невозможно разрабатывать криминалистические рекомендации по расследованию конкретной категории преступлений. Данная постановка вопроса служит дополнительным аргументом высказанной позиции относительно дифференциации рассматриваемого понятия от понятий «организационное обеспечение», «правовое обеспечение» и т. п.

В-четвертых, криминалистическая техника (или в целях устранения путаницы — технико-криминалистические средства) является продуктом криминалистического знания. Иначе говоря, технико-криминалистические средства следует рассматривать как овеществленное криминалистическое знание. Закономерности работы с такой техникой являются предметом науки криминалистики, а приемы этой работы и сама техника являются одним из предметов криминалистического образования. Иначе говоря, знания о технико-криминалистических средствах, необходимые для эффективного расследования преступлений, так же как и знания о тактических приемах производственных следственных действий, о методике расследования конкретной категории преступлений, являются результатом научной деятельности и внедряются в практику посредством образования.

Значит, выделение технико-криминалистических средств в самостоятельный структурный элемент криминалистического обеспечения расследования преступлений носит в определенной степени условный характер. Аргумент, связанный с тем, что криминалистические знания реализуются в деятельности по расследованию преступлений только с применением определенных технических средств, в связи с чем третьим элементом системы

криминалистического обеспечения является криминалистическая техника, не убедителен.

В-пятых, криминалистическое образование представляет собой интегрированную в соответствии с социальными функциями и структурированную адекватно параметру моделей подготавливаемых специалистов систему обучения использованию методов и средств криминалистики в практической деятельности и привития обучающимся необходимых для этого использования умений и навыков.

Представляется, что в криминалистическое обеспечение расследования преступлений должны входить не вся система образования (образовательные технологии), а только структурированные криминалистические знания, которые в процессе образования предоставляются потребителям (обучающимся) и тем самым трансформируются в элемент профессиональных знаний.

Таким образом, в целом разделяя взгляды В.Г. Коломацкого и Р.С. Белкина, можно предложить следующую структуру криминалистического обеспечения расследования преступлений: 1) формирование криминалистических знаний, осуществляемое в рамках криминалистической науки, включая технико-криминалистические средства как овеществленное криминалистическое знание; 2) представление этих знаний должностным лицам, участвующим в расследовании преступлений.

Следовательно, под **криминалистическим обеспечением расследования преступлений** следует понимать *создающую условия для эффективного установления истины по уголовным делам систему предоставления криминалистических знаний правоохранительным органам и основанных на этих знаниях навыков и умений их должностных лиц.*

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, являющееся категорией науки криминалистики и носящее практический характер, связанный с деятельностью по созданию условий эффективного расследования преступлений, не означает поглощение криминалистикой данной деятельности, а тем более поглощение этой деятельностью науки.

Криминалистические знания, будучи основой криминалистического обеспечения расследования преступлений, составляют знания общей теории криминалистики, криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической

методики. Частная криминалистическая методика является квинтэссенцией всех разделов науки криминалистики, значит, применительно к расследованию конкретной категории преступлений, криминалистическое обеспечение будет основываться на том объеме знаний, которые содержатся в этих разделах.

Криминалистические знания становятся доступными для восприятия, когда они приобретают информационную форму: монографии, диссертации, статьи и иные публикации. Средством их предоставления служат технико-криминалистические средства — овеществленное криминалистическое знание, различные практические и методические руководства, наставления, инструкции, информационно-справочные системы и т. п.

Следует разделить позицию В.Г. Коломацкого о том, что «несмотря на выраженное прилагательным определение «криминалистическая», криминалистическое обеспечение расследования преступлений не является органической частью науки криминалистики в традиционной трактовке ее предмета и структуры»¹.

Не являясь частью науки криминалистики, криминалистическое обеспечение расследования преступлений тем не менее является категорией этой науки, имеющей, как можно было убедиться, свое содержание. Следовательно, с понятием криминалистического обеспечения, наряду с научной и практической функциями, связана дидактическая функция криминалистической науки.

Невозможно согласиться с утверждением о том, что проблема криминалистического обеспечения возникла в связи с отсутствием в криминалистике самостоятельного раздела «Организационные основы выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений».

Очевидно, что криминалистические знания сами по себе не реализуются. Для этого требуются, как правильно отмечают сторонники данной позиции, целенаправленные усилия, связанные с организационной стороной. Но данная аргументация не представляется убедительной, так как организация расследования преступлений напрямую не связана с формированием кримина-

¹ Коломацкий В.Г. К истории криминалистического обеспечения расследования преступлений // Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью: информ. бюллетень по материалам Криминалистических чтений. М., 2001. № 13. С. 22.

листических знаний и их представлением органам расследования и другим лицам, принимающим участие в расследовании преступлений. Основой организации расследования преступлений, как было отмечено, является упорядочение процесса расследования.

Подводя итог рассмотрению проблемы соотношения криминалистического обеспечения расследования преступлений и частных криминалистических методик как научных криминалистических категорий, следует констатировать, что данные категории самостоятельны, имеют различное содержание. Они не являются синонимами, как представляют себе многие авторы, которые если даже и не пишут об этом, но излагают свои работы, посвященные, судя по названиям, криминалистическому обеспечению, идентично работам по частным криминалистическим методикам.

XI. Тактические комплексы и частные криминалистические методики

Исследование проблем криминалистической методики связано с определением соотношения тактических комплексов и частных криминалистических методик.

Проблема тактических комплексов начала проявляться уже на стадии рассмотрения терминологического аппарата, по поводу которого в настоящее время идут бурные дискуссии. Так, в криминалистической литературе можно встретить следующие термины: *«тактическая комбинация»*, *«тактическая операция»*, *«криминалистическая операция»*, *«тактический комплекс»*, *«комплексная операция»*, *«тактическая комбинационная операция»*, *«следственная операция»*, *«специальная операция»*.

Очевидно, что, не участвуя в этой дискуссии, невозможно аргументированно обосновать свое видение проблемы.

Следует отметить, что впервые проблему, связанную с комплексом следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий поднял А. В. Дулов, который счел недостаточной возможность решения задач предварительного расследования только в рамках проведения отдельно взятого следственного действия. Поэтому он предложил для разрешения разнообразных сложных задач предварительного расследования разрабатывать тактические рекомендации в рамках совокупности указанных действий (мероприятий) и назвал их тактическими операциями.

Позиция А. В. Дулова нашла поддержку среди ученых-криминалистов. В результате научной дискуссии по вопросу о понятии и содержании тактической операции автор сформулировал определение рассматриваемого понятия, а именно: тактическая операция — это совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и проводимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может

быть решена производством по делу отдельных следственных действий.

По-своему разрешал проблему, связанную с комплексом следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, Р.С. Белкин, который предложил использовать в научном обороте понятие «тактическая комбинация» как определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее целью решение конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией.

В настоящее время большинство авторов (А.В. Дулов, Р.А. Каледин, В.Я. Колдин, Н.А. Марочкин, А.Е. Михальчук, В.Я. Решетников, С.Б. Россинский, Н.А. Селиванов, В.В. Степанов, С.И. Цветков, В.И. Шиканов, Н.П. Яблоков и другие) придерживаются позиции о самостоятельном существовании в криминалистике категорий «тактическая комбинация» и «тактическая операция». Обобщая существующие позиции ученых по соотношению категорий «тактическая операция» и «тактическая комбинация», следует констатировать, что большинство из них полагают: тактическая операция включает в себя весь комплекс приемов и действий (мероприятий), который свойствен тактической комбинации. Данный вывод важен в методологическом плане и решающим образом сказывается на результатах исследования рассматриваемой проблемы.

Необходимо отметить, что в специальной литературе наряду с криминалистическими категориями «тактическая операция» и «тактическая комбинация» используются и иные. Например, о специальных операциях пишут В.Н. Григорьев, Н.В. Волковский и В.Н. Соглаев и другие авторы. Так, С.Б. Россинский предложил свое оригинальное определение, а именно: специальная операция — это организационная форма производства следственного действия, которая характеризуется большим числом субъектов и сопряжена с собиранием и исследованием на обширной территории множества объектов, несущих криминалистически значимую информацию. При этом он полагает, что специальная операция является самостоятельной категорией и может быть включена как в сложную тактическую комбинацию, так и в тактическую операцию. Причем, подчеркивает С.Б. Россинский, если специальная операция является одним из элементов тактической комбинации, это, как правило, ее начальный элемент.

Кроме того, в настоящее время предпринимаются попытки систематизировать научные знания о тактических операциях и тактических комбинациях путем сведения их под «одну крышу». С этой целью используется термин «тактический комплекс» (В.Я. Колдин и другие). В частности, А.Ю. Головин определил тактические комплексы как разноуровневые системы следственных, оперативно-розыскных и организационных действий, приемов, направленных на решение стоящих задач при расследовании уголовного дела. И хотя предложенное А.Ю. Головиным определение не лишено недостатков (например, представляются неточными выражения «расследовать уголовное дело» или ограничивать перечень «действий», исключая тем самым, процессуальные, но не следственные, действия, технические мероприятия и т. п.), использование данного термина, во-первых, обеспечивает систематизацию научных знаний о тактических комбинациях и тактических операциях, во-вторых, позволяет проводить их дальнейшие криминалистические исследования в едином терминологическом пространстве.

Исследование тактических комплексов неизбежно приводит к рассмотрению их классификационного аппарата.

Первую попытку классификации тактических операций предпринял Л.Я. Драпкин. Он разделил их: а) по содержанию — на неоднородные тактические операции, включающие в себя следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия и иные действия, и однородные, состоящие только из следственных действий; б) по временной структуре — на сквозные, производство которых осуществляется на протяжении нескольких этапов расследования, и локальные тактические операции, проводимые на каком-нибудь одном этапе расследования; в) по организационной структуре — на тактические операции, осуществляемые работниками, объединенными в постоянное структурно-организационное звено (ОУР и т. д.), и тактические операции, проводимые работниками, объединенными во временное структурно-функциональное звено (следственная бригада, следственно-оперативная группа).

Основываясь на классификации, предложенной Л.Я. Драпкиным, исключив из нее третье основание классификации — по организационной структуре (как лишенное практического значения и имеющее смысл только при различении тактических и опе-

ративно-розыскных комбинаций), Р.С. Белкин дифференцировал тактические комбинации на простые (элементарные), которые заключаются в системе тактических приемов, проводимых в рамках одного следственного действия, и сложные, т. е. состоящие из отдельных следственных действий.

В свою очередь, простые тактические комбинации он дифференцировал на рефлексивные, целью которых является рефлексивное управление лицом, противодействующим следствию, обеспечивающие и контрольные, осуществляемые для проверки правильности хода расследования, хода отдельных следственных действий и т. д. Сложные — дифференцировались:

— по содержанию — на однородные (одноименные), т. е. состоящие из одноименных следственных действий, и разнородные (разноименные), т. е. состоящие из различных следственных действий или следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

— по временной структуре — на сквозные, производство, которых осуществляется на протяжении нескольких этапов расследования, и локальные, которые проводятся на каком-то одном этапе.

Таким образом, несложно убедиться, что между понятиями «сложная тактическая комбинация» (предложено Р.С. Белкиным) и «тактическая операция» в указанном значении нет разницы. В связи с этим ученый в последних своих работах не отвергал понятие «тактической операции».

В целом, поддерживая подход Р.С. Белкина к построению классификационной системы тактических комбинаций, необходимо отметить следующее. Во-первых, как надо полагать, деление тактических комбинаций на простые и сложные, в понимании ученого, является условным. Ведь говорить о «простых» тактических комбинациях при производстве расследования, когда появляется необходимость прибегать к их использованию, не приходится, тем более в случаях противодействия расследованию или при контроле за правильностью производства расследования. Во-вторых, такая разновидность «простых» тактических комбинаций, как «рефлексная», не обязательно бывает связана только с лицами, которые противодействуют следствию. Например, не исключается возможность использования рефлексной разновидности тактических комбинаций и при отсутствии такого проти-

водействия. При этом такой случай (разновидность тактических комбинаций) в предложенной классификации Р.С. Белкиным не предусмотрен. Последнее означает: либо автор полагает, что при отсутствии противодействия органу расследования применение «простых» тактических комбинаций исключено, либо необходимо признать — предложенная классификация неполная.

Кроме того, в криминалистической литературе можно встретить классификационные системы тактических комплексов на основе типичности, функциональной составляющей, приоритета решения поставленных тактических задач, субъекта их реализации.

Так, в зависимости от *типичности поставленной задачи* тактические комплексы подразделяются на типовые и специфические. Типовые комплексы активно разрабатываются в криминалистической науке, как правило, применительно к специфике расследования отдельных видов преступлений.

Функциональная составляющая задачи, как основание дифференциации, характеризует классификации тактических комбинаций и операций, встречающиеся в работах А.В. Дулова, А.В. Лагутина, В.А. Образцова, С.И. Цветкова, В.И. Шиканова. Например, А.В. Дулов в качестве элементов такой системы выделяет следующие классификационные группы:

— операции группы «сбор информации» (обеспечение системного сбора информации, относящейся к одному явлению, объекту; построение общей системы знаний об этом объекте, явлении);

— операции группы «фиксация» (установление факта непосредственного контакта лица с объектами, являющимися элементами структуры преступления);

— операции группы «поиск» (поиск отсутствующих источников криминалистической информации);

— комплексные операции (одновременное изъятие необходимых для расследования объектов, фиксация связи субъектов с совершением противоправных действий, поиск доказательств преступных действий).

Как представляется, предложенные А.В. Дуловым элементы системы классификации не вполне логичны. Сбор информации представляет собой целенаправленные действия по ее поиску (обнаружению), фиксации и изъятию. Это положение, веро-

ятно, в предложенном варианте классификации не учитывается. Кроме того, классификационная система не содержит операций, направленных на исследование информации, что также нельзя признать правильным.

А.Ю. Головин предложил классификацию тактических комплексов *по приоритету решения стоящих задач расследования*. По этому основанию, как он полагает, можно выделять *первоочередные* и *последующие тактические комплексы*. Первоочередной тактический комплекс представляет собой систему действий, направленную на быстрое обнаружение, изъятие, фиксацию и исследование информации, получаемой следователем в процессе расследования преступлений.

Как представляется, такая классификация тактических комплексов имеет право на существование (по аналогии с первоначальными и последующими следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями), но обращает на себя внимание неточность позиции А.Ю. Головина, которая проявляется сразу же при попытке ее уточнить. Так, автор пишет, что данном случае речь идет преимущественно о *тактических операциях*, в числе которых следует особо выделить неотложные операции как средства решения задачи по оперативному изменению сложившейся следственной ситуации в благоприятную сторону. Таковой является, например, *комбинация «Атрибуция трупа»*, направленная на получение данных о личности погибшего, а также сведений о времени, месте и иных обстоятельствах смерти.

Таким образом, либо А.Ю. Головин сделал опisku (опечатку), приравнивая к тактической операции комбинацию, либо, что наиболее вероятно, он фактически не разделяет эти понятия, хотя, как было указано выше, продекларировал обратное.

А.Ю. Головин предложил также тактические комплексы дифференцировать в зависимости от *субъектного состава их разработки и проведения* (субъекта реализации тактических комплексов. — А.Ш.), а именно, проводимые:

- следователем единолично;
- группой следователей (при их совместной работе по уголовному делу);
- следователем совместно с органом дознания;
- органом дознания без непосредственного участия следователя, но под его общим руководством.

Приведенная классификация не лишена недостатков. Во-первых, неточно определено основание классификации. Ведь разрабатывать и проводить тактические комплексы могут разные субъекты (следователь, орган дознания, специалист). В связи с этим и классификация должна предусматривать данную особенность. Во-вторых, орган дознания может быть самостоятельным субъектом предварительного расследования, что предопределяет его самостоятельную деятельность (независимо от следователя). В-третьих, в разработке и проведении тактических комплексов могут участвовать и иные лица — участники предварительного расследования (например, специалист), что необходимо учитывать при построении классификационной системы по рассматриваемому основанию.

Таким образом, рассмотрение проблем классификации тактических комплексов, как и их содержания, приводит к промежуточному выводу о том, что нет существенной разницы между тактической операцией и тактической комбинацией. Независимо от рассматриваемых категорий авторы, как правило, придерживаются одних и тех же подходов, принципов, а также вкладывают в содержание каждой классификационной группы одно и то же содержание. Все это предопределяет дальнейшие исследования проблем организационно-тактических комплексов, процессуальных и иных действий (мероприятий) путем лингвистического толкования рассматриваемых понятий. При этом с учетом того, что их конструкция содержит общий элемент («тактическая»), исследование данных категорий необходимо провести на уровне их вторых элементов.

Лингвистическое толкование понятий «операция» и «комбинация» позволяет заключить, что не существует строгого различия между этими понятиями. Так, под комбинацией (от лат. *combination* — сочетание) понимается совокупность объединенных единым замыслом приемов или действий и т. п. или сочетание, соединение, взаимообусловленное расположение чего-либо (обычно однородного) или же это сложный замысел, целый ряд ухищрений, уловок, для достижения каких-либо целей. Под операцией же — законченное действие или ряд связанных между собой действий, направленных на решение определенной задачи. Таким образом, как комбинация, так и операция представляют собой совокупность действий (приемов), объединенных общим

замыслом, или, иначе говоря, направленных на решение определенной задачи, т. е. рассматриваемые понятия в русском языке используются в качестве синонимов.

Отличия между указанными понятиями весьма незначительны («еле уловимые») и, скорее, непринципиальны. Тем не менее их необходимо обозначить для целей настоящего исследования. Как можно было убедиться, иногда в содержание понятия «комбинация» включается такой элемент, как «прием» (1), а также указывается на сочетание чего-либо «обычно однородного» (2). При этом понятие «операция» содержит указание только на действие и, как может показаться, — безотносительно к такому элементу, как «прием». Но прием является неотъемлемой частью действия, точнее, способом этого действия.

В остатке сравнительного анализа понятий «комбинация» и «операция» остается только вид (характеристика) действий (приемов). В то же время указание в определении понятия «комбинация» на что-либо (обычно однородное) не исключает взаимообусловленность и неоднородного (например, следственных и оперативно-розыскных мероприятий).

Дальнейшее развитие теории криминалистики, связанной с тактическими комплексами, может совершенствоваться по двум направлениям. Первое — дальнейшее углубление теорий тактических операций и тактических комбинаций, определение их содержания и соотносимости, построение их классификационных систем, разработка рекомендаций по их применению на практике и т. п. Второе — объединение указанных теорий в одну, отказ при этом от проведения различий соответствующих понятий, в рамках которого продолжаются теоретические исследования.

Если избрать первое направление, по которому преимущественно в настоящее время развивается криминалистическая теория организационно-тактических форм процессуальных (следственных) и иных действий (мероприятий), то на основе проведенного анализа можно предложить следующие определения рассмотренных категорий.

Тактическая комбинация — это комплекс тактических приемов и (или) процессуальных действий, направленных на разрешение задачи предварительного расследования или обусловленных этой задачей и следственной ситуацией.

Тактическая операция — это комплекс процессуальных и иных действий (мероприятий), направленных на разрешение задачи предварительного расследования или обусловленных этой задачей и следственной ситуацией.

Таким образом, можно предположить, что различия между этими понятиями заключаются в следующем. Во-первых, приемы и процессуальные действия тактической комбинации в отличие от тактической операции реализуются вне связи с оперативно-розыскными и (или) организационно-техническими мероприятиями. Такая позиция основана на том, что, как указывалось, комбинацию обычно составляют однородные действия (приемы). В данном случае действие не следует понимать как телодвижение: надо исходить из определенной системы процессуальных действий, которые в их совокупности можно условно представить как однородные (процессуальные).

Во-вторых, тактическая комбинация всегда реализуется в рамках уголовно-процессуального законодательства, а тактическая операция — не во всех случаях, так как в ее структуру входят иные действия (мероприятия), включая оперативно-розыскные, регулируемые соответствующим законодательством и могущие реализовываться вне рамок предварительного расследования.

В то же время невозможно согласиться с распространенным в криминалистической литературе мнением о том, что тактическая комбинация и тактическая операция различаются по характеру задач расследования, на решение которых они могут быть направлены, так как задача любого расследования одинаковая (полное, всестороннее и объективное расследование преступлений). Отличаются только пути (способы, технология) достижения этой задачи. В одних случаях достижению задачи предварительного расследования может служить решение частной задачи, например обнаружение объектов, подлежащих розыску (Н.И. Порубов), в других — передача информации подозреваемому или ограничение доступа подозреваемого к этой информации (А.В. Маркс), в третьих — формирование у противодействующей стороны состояния неопределенности либо побуждение ее к совершению определенных действий (В.П. Гмырко) и т. п. Не могут быть признаны в качестве различий тактических комбинаций и операций также промежуточность задачи расследования (Л.Я. Драпкин и В.А. Князев) или конкретность цели расследования (С.И. Цветков).

Невозможно согласиться с мнениями А.Е. Михальчука и Р.А. Каледина, отмечающих, что тактическая операция и тактическая комбинация могут различаться по месту, длительности проведения действий и их масштабу, а также с позицией А.С. Подшибякина и С.Б. Россинского, полагающих, что круг участников тактической операции всегда шире, чем при проведении отдельного следственного действия и, следовательно, тактической комбинации.

Оставляя без комментариев позицию последних авторов из-за очевидности их неубедительности, можно перейти ко второму предложенному направлению криминалистических исследований по рассматриваемой проблеме.

Следует признать, что предложение о рассмотрении теорий тактической операции и тактической комбинации в качестве единой (под одним названием) не ново. Так, казахский ученый Е.Г. Джакишев объединил различающиеся понятия «тактическая комбинация» и «тактическая операция» в одно, назвав полученное определение «тактическая комбинационная операция» и отметив, что именно в такой форме эти понятия не противоречат друг другу, а наоборот, взаимно друг друга дополняют и могут быть использованы одновременно для характеристики всей системы из сочетания следственных мероприятий.

В связи с изложенным (по второму направлению) и с учетом того, что независимо от различия точек зрения ученых-криминалистов на рассматриваемую проблему, все едины в одном — в основе тактической операции и тактической комбинации находятся комплексы действий (приемов), представляется возможным «соединить» эти категории и рассматривать организационно-тактические комплексы процессуальных и иных действий (мероприятий), используя единое понятие. Таким понятием (категорией) может служить *«тактический комплекс»*, который можно определить как *организационно-упорядоченную совокупность (систему) тактических приемов и (или) процессуальных действий, и (или) оперативно-розыскных и (или) иных мероприятий, направленных на разрешение задач предварительного расследования или обусловленных этой задачей и следственной ситуацией.*

Предложенный подход к разрешению рассмотренной проблемы имеет принципиальные преимущества. Во-первых, он основан на общепризнанном всеми учеными положении о том,

что независимо от индивидуальных интерпретаций рассматриваемого процесса он представляет собой комплекс тактических приемов и (или) процессуальных действий и (или) оперативно-розыскных и (или) иных мероприятий. Во-вторых, использование единого термина разрешает вопрос о практическом значении самостоятельного рассмотрения таких категорий, как «тактические комбинации», «тактические операции», и др. В-третьих, данный подход предопределяет наиболее системную и целенаправленную разработку классификационных систем организационно-тактических комплексов процессуальных и иных действий (мероприятий).

Тактические комплексы могут включать в себя следующие элементы:

- тактические приемы;
- следственные действия;
- иные процессуальные действия;
- организационные мероприятия;
- технические мероприятия;
- оперативно-розыскные мероприятия;
- ревизии и документальные проверки (налоговые проверки);
- мероприятия по изучению документальной информации;
- мероприятия по использованию средств массовой информации и интернет-технологий в процессе расследования преступлений;
- мероприятия, связанные с использованием помощи общественности (общественных организаций, других объединений граждан);
- иные.

Характеризуя тактические комплексы (в авторском определении), следует обратить внимание на ряд обстоятельств:

- тактический комплекс представляет собой сложную организационную структуру, являющуюся составной частью предварительного расследования;
- тактический комплекс проводится для решения задач предварительного расследования, выступающих в качестве цели данного комплекса;
- предметно-практические приемы и действия (мероприятия), реализуемые в рамках тактического комплекса образуют

определенным образом организационно-упорядоченную совокупность (систему), все элементы которой тесно связаны между собой, взаимодополняя и развивая друг друга;

— тактические комплексы организуются и проводятся под руководством и с участием органа расследования, в производстве которого находится уголовное дело;

— общим объектом тактического воздействия при проведении указанного комплекса является следственная ситуация, сложившаяся в ходе предварительного расследования.

Определив понятие «тактический комплекс», закономерно следует попытаться предложить классификацию тактических комплексов на основе рассмотренных классификационных систем.

Система классификации тактических комплексов может быть представлена следующим образом:

— по форме — *процессуальные*, реализация которых регламентирована уголовно-процессуальным законом, *непроцессуальные* — не регламентирована уголовно-процессуальным законом, и *смешанные* — основана на элементах, как процессуальной, так и непроцессуальной форм. При этом первый вид тактических комплексов может дифференцироваться — на *процессуальные приемы, следственные действия и иные процессуальные тактические комплексы*; второй — на *оперативно-розыскные, ревизионные (проверочные), организационно-технические* и т. п.;

— по содержанию — *однородные* (одноименные), т. е. состоящие из одноименных тактических приемов, а также процессуальных или иных действий (мероприятий), и *разнородные* (разноименные), т. е. состоящие из различных тактических приемов и (или) процессуальных и (или) иных действий (мероприятий);

— по временной структуре — *сквозные*, реализация которых происходит на протяжении нескольких этапов расследования, *локальные*, которые реализуются на каком-то одном этапе, и *разовые* — в рамках одного процессуального или иного действия (мероприятия);

— по приоритету решения стоящих задач расследования — *неотложные* и *последующие тактические комплексы*;

— по этапам предварительного расследования — *первоначальные, промежуточные* и *заключительные*. Иногда в криминалистической литературе в качестве самостоятельного этапа выделяют

стадию возбуждения уголовного дела. В таком случае четвертой разновидностью классификации тактических комплексов по данному основанию будут — *доследственные* тактические комплексы.

— по направленности — *обеспечивающие*, реализация которых направлена на подготовку эффективного их (тактических комплексов) проведения, *доказательственные* — на получение новых и проверку имеющихся доказательств по уголовному делу, и *контрольные* — на проверку результатов процесса расследования или хода отдельных процессуальных или иных действий (мероприятий);

— по функциональной составляющей — связанные с *поиском, фиксацией, изъятием, исследованием и использованием доказательственной информации*;

— по отношению к предмету доказывания — способствующие установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания и способствующие установлению вспомогательных фактов;

— по характеру и содержанию процедур — состоящие только из тактических приемов или следственных действий, или оперативно-розыскных мероприятий, или иных действий (например, ревизионных, организационно-технических и т. п.) либо смешанных процедур;

— по содержанию решаемых задач — способствующие поиску людей или трупов, обнаружению предметов или документов;

— по уровню общности — *специфические* и *типичные*;

— по видам (группам) расследуемых преступлений;

— по месту — проводимые в одном месте, проводимые в разных местах;

— по времени совершения процедур — реализуемые в одно время, реализуемые в разное время;

По субъектному составу проведения можно выделять операции, проводимые:

а) органом расследования (следователем) единолично;

б) должностными лицами правоохранительных органов без непосредственного участия органа расследования (следователя), но под его общим руководством (по поручению органа расследования);

в) органом расследования (следователем) совместно с должностными лицами правоохранительных органов, без создания групп (бригад);

г) следственной группой (бригадой);

д) следственно-оперативной группой (бригадой).

Кроме того, каждая разновидность тактического комплекса может дифференцироваться на подгруппы в зависимости от привлечения к их реализации участников предварительного расследования (например, специалисты, эксперты, ревизоры и т. п.).

Наряду с перечисленными основаниями классификационных систем могут существовать и другие, что лишний раз подтверждает многогранность тактических комплексов.

Криминалистическая классификация тактических комплексов позволяет глубже проникнуть в сущность данного объекта, более полно, четко, в развернутом виде увидеть его содержание, вскрыть лежащие в его основе закономерности.

Подводя итог рассмотрению вопроса о соотношении криминалистических комплексов и частных криминалистических методик, следует отметить, что главное, в чем проявляется их отличие, — это предназначение этих категорий и криминалистических теорий. Следует согласиться с Н.А. Селивановым, который заметил в отношении тактической операции, что она является локальной методикой, направленной на решение отдельной частной задачи расследования.

Если криминалистические комплексы предназначены для решения отдельных (промежуточных) задач расследования преступлений, то частные криминалистические методики связаны с достижением основной цели предварительного расследования — установления истины по уголовному делу (установить предмет доказывания).

ХII. Технология расследования преступлений и частная криминалистическая методика

Понятие «технология» все настойчивее входит в научную жизнь и представляет собой важную составляющую практической деятельности. Во второй половине XX в. оно получило мировоззренческое значение. И хотя данное понятие «пробивает» себе дорогу во всех сферах человеческой деятельности, указанная тенденция в меньшей степени относится к юридическим наукам, включая криминалистику.

Насколько известно автору настоящей работы, в криминалистике понятие «технология» впервые было использовано А.И. Винбергом (1956 г.). В одной из своих работ он отмечал значимость экспертного эксперимента при производстве многих криминалистических экспертиз и признавал необходимость выделения его в заключении эксперта специальным разделом, в котором должна быть указана, помимо прочего, и «технология» процесса фиксации эксперимента. Термин «экспертные технологии» был предложен М.Я. Сегай и В.К. Стринжа (1983 г.), не был востребован учеными и практическими работниками — экспертами.

Таким образом, появление в криминалистике понятия «технология» связано с экспертно-криминалистической деятельностью.

Применительно к расследованию преступлений одно из первых упоминаний о технологиях можно встретить в работах Л.Д. Самыгина. Рассматривая уровни организации расследования преступлений, он обращал внимание на то, что организация конкретного акта расследования (третий уровень) состоит из отдельных элементов или подуровней. *Верхний* — стратегический. *Средний* подуровень — тактический, в рамках организации и производства отдельных следственных действий и тактических

комбинаций. *Базовый* подуровень — технологический, состоящий из отдельных технологических операций (манипуляций) с теми или иными объектами, при помощи тех или иных технических методов, приемов, способов и средств. Операции являются элементами, из которых складывается каждое следственное действие. И хотя такое понимание технологии в расследовании преступления по меньшей мере спорно, в данном случае это не принципиально.

Осознание необходимости разработки проблем криминалистики с технологических позиций пришло в постсоветский период отечественной истории. Широкое использование рассматриваемого понятия в криминалистике связано с работами В.А. Образцова, в которых предложено определять науку криминалистики посредством терминологической конструкции — «технология расследования».

Р.С. Белкин высоко оценил заслугу В.А. Образцова в возврате очень важного и емкого термина «технология» в язык криминалистики. Рассуждая о технологии и криминалистике, Р.С. Белкин пришел к выводу о том, что тактика и методика в криминалистике в известном смысле играют схожую с технологией роль. Как средство организации, осуществления какого-либо процесса с наибольшим эффектом они также нацелены на преобразование объекта воздействия. В таком смысле можно сказать, что криминалистическая методика — это своеобразная технология процесса расследования.

В дальнейшем термин «технология» все больше стал применяться в научно-криминалистических исследованиях (например, в работах С.И. Коновалова, В.П. Корж, В.И. Шаврова и других) и учебно-практической литературе (например, в трудах Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, И.А. Возгина, А.М. Зинина, Ю.Г. Корухова, Н.П. Майлис, Е.Р. Россинской и других). В частности, Н.П. Яблоков выделил технологические методы ведения следствия, имеющие целью обеспечить системное, целенаправленное, оперативное и успешное собирание информации, необходимой для раскрытия и расследования преступлений, а также обратил внимание на значение технолого-методологического арсенала криминалистики, тактико-технологических рекомендаций. А.С. Шаталов связывает эффективность существующих

и разработку новых технологий расследования преступлений с криминалистической алгоритмизацией и программированием расследования.

Технологический подход стал применяться при исследовании криминалистами преступной деятельности (преступлений). Так, о технологической стороне преступлений, о закономерностях технологий в механизме преступления пишет А.Ю. Головин. Н.П. Яблоков рассматривает механизм преступления во взаимосвязи с технологической картиной процесса совершения преступлений. А.В. Дулов указывает на технологические связи между элементами преступления. Об экспертных технологиях пишут Н.А. Замараева, С.М. Плешаков, А.М. Зинин и Н.П. Майлис и другие авторы.

Е.Р. Россинская отметила, что использование понятия технология в криминалистике, в частности в криминалистической тактике, позволяет не только по-новому подойти к изложению классических глав учебного курса, но и дает новый импульс развитию именно технологии осуществления ряда следственных действий.

Единичные авторы предприняли попытки определить понятие и сущность криминалистических технологий (В.А. Юматов).

Изучению проблем криминалистики и судебных экспертиз с технологических позиций посвящен ряд исследований автора настоящего пособия (2001–2010 гг.).

Как представляется, понятие «технология» применяется в криминалистике скорее интуитивно, по наитию, но не как научно обоснованная категория, используемая в целенаправленных криминалистических исследованиях, а также в практической деятельности. При этом рассматриваемое понятие применяется криминалистами и в качестве самостоятельного понятия, и в конструкции с другими криминалистическими понятиями (например, «технология расследования», «технология преступлений», «технология раскрытия преступлений», «технологии производства следственных действий», «экспертные технологии» и т. п.). При этом до настоящего времени в криминалистике отсутствуют, за исключением наших работ, исследования, направленные на определение понятия «технология» (1), на определение правомерности использования его в криминалистической науке и в практической деятельности (2), а в случае положительного раз-

решения последнего на определение соотношения технологий с криминалистикой в целом и отдельными разделами (теориями) и категориями в частности (3), что препятствует научно обоснованному использованию рассматриваемой категории в криминалистических исследованиях и практической деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Термин «технология» имеет уникальный характер, сформировавшийся в системе разных наук: технических, экономических, социологических, психологических, правовых — и получивший выход в сферу практической деятельности. Представляется, что под *технологией* следует понимать абстрактное научное понятие о функционально-информационной модели, дающей представление о целенаправленной и упорядоченной совокупности действий (деятельности) субъекта, обеспеченных соответствующими ресурсами.

С позиций криминалистики технологии пронизывают как преступную деятельность, так и деятельность органов расследования и других субъектов правоохранительной системы (эксперта и др.), направленную на расследование преступлений. В данном ключе следует признать правомерность использования понятия «технология» в криминалистических исследованиях и практической деятельности правоохранительных органов. Но, как представляется, следует не просто механически «присоединять» данное понятие к уже известным и устоявшимся в криминалистике категориям, тем самым как бы показывая новизну или новое направление проводимых исследований, а обстоятельно и последовательно анализировать и другие проблемы.

Технологический подход в криминалистических исследованиях может стать новой парадигмой криминалистической науки, способной вывести ее из кризиса, о котором с конца XX в. так часто говорят ученые-криминалисты.

Констатируя отсутствие в криминалистической литературе исследований, посвященных технологиям, следует отметить, что проблема деятельности в тех или иных аспектах и с различной полнотой рассматривалась в работах Р.С. Белкина, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина, В.Я. Колдина, С.И. Коновалова, В.Е. Корноухова, Н.П. Яблокова и других авторов. При этом позиции ученых по данной проблеме весьма противоречивы: от катего-

рического отрицания теории криминалистической деятельности (Р.С. Белкин и другие) до возведения такой деятельности в ранг объекта науки криминалистики (С.И. Коновалов, В.Я. Колдин, Н.П. Яблоков и другие).

Как представляется, проблема заключается в следующем. Криминалистика является синтетической наукой, включающей и интерпретирующей положения уголовного процесса, оперативно-розыскной теории, административного права и других наук. Но коль скоро криминалистика имеет свой особый объект, отличный от указанных отраслей научного знания, а именно: закономерности единого процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, — то правомерно выделить криминалистический аспект такого процесса.

Таким образом, вопрос заключается только в том, каким образом определить криминалистический аспект процесса расследования преступлений, который в той или иной степени является предметом исследований других наук.

Деятельность (процесс) расследования преступлений может быть определена через понятие «технология». Технология расследования преступлений представляет собой одну из форм проявления такой деятельности, включающей не только криминалистическую методику (частные криминалистические методики), но и другие элементы.

Таким образом, речь идет не просто о специфической форме деятельности (процессе), основанной на использовании криминалистической методики, а о полноструктурной технологии расследования, в которой методика расследования, наряду с другими компонентами и организационной составляющей, выступает проявлением деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Вот почему эффективную деятельность расследования преступлений, которая знает причины своей эффективности, опирается на них, т. е. обосновывается теоретическим знанием о криминалистическом методе (методики расследования), возможно называть технологией расследования.

Технологический аспект деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений проявляется сначала на уровне осознания в виде знания о технологии расследования

(его структуры, взаимосвязи элементов структуры, проявляющейся в организации расследования), затем в процессе такой деятельности (практическая реализация технологии расследования) и, наконец, в ее результате, проявляющемся в формально-юридическом (процессуальном) акте.

Криминалистика обладает технологией и сама является технологией. Иными словами, технология в данном случае выступает одновременно и как явление, внешнее по отношению к криминалистике, и как внутреннее содержание криминалистики.

На основании проведенного исследования представляется возможным под *технологией расследования преступлений* понимать *функционально-обусловленную упорядоченную совокупность действий (деятельность), обеспеченных необходимыми ресурсами, реализуемыми соответствующим субъектом в процессе расследования преступлений.*

В свою очередь под структурой технологий расследования преступлений понимается взаимосвязанная система элементов, из которых складывается данная форма проявления деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, в пространстве («устройство», функции) и (или) во времени (этапы расследования). При этом следует иметь в виду, что не бывает ничего «в пространстве», не протяженного «во времени». Не бывает связи «во времени», если нет связи «в пространстве». Значит, рассмотрение пространственно-временной структуры технологии расследования имеет значение для систематизации знаний о рассматриваемом криминалистическом объекте.

При анализе пространственной (функциональной) структуры технологии расследования необходимо исходить из того, что такие технологии представляют собой одну из форм деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. В связи с этим целесообразно рассмотреть наиболее распространенные в криминалистике структуры такой деятельности.

В криминалистической литературе предлагаются разные варианты структуры деятельности органов расследования или процесса расследования преступлений.

Разделяя позицию А.Л. Леонтьева, согласно которой любая деятельность есть активное воздействие социального субъекта на объект, осуществляемое с помощью определенных средств (мето-

дов, приемов, способов и технических средств) ради достижения стоящих перед ним целей, считаем, что структура технологии расследования преступлений состоит из следующих элементов: субъекта расследования; объекта расследования; цели расследования; средств расследования.

Субъект расследования — это дознаватель, орган дознания, следователь, следователь-криминалист, руководитель следственного органа и др.

Объект расследования — событие, подлежащее расследованию, которое может носить непреступный и преступный характер. Объект расследования имеет две стороны. Одна сторона характеризуется информацией о расследуемом событии, которой располагает орган расследования на всех этапах предварительного расследования (динамично меняющейся), вторая — предмет доказывания. Под *предметом доказывания* следует понимать абстрактное научное понятие об информационной модели обстоятельств расследуемого события, основанное на нормах уголовно-процессуального и уголовного закона, а в ряде случаев конкретизируемое нормами гражданского, финансового, банковского и других отраслей права.

Средства расследования — разнообразные элементы типичных технологий расследования преступлений, которые состоят из: приемов (их комплексов), обстановки расследования (место, время и т. п.), организационных мероприятий (включая планирование расследования), технико-криминалистической техники, частных криминалистических методик и других подструктурных элементов.

В числе основных *приемов (их комплексов)*, составляющих содержание средств расследования, следует выделить:

— тактические приемы следственных и иных процессуальных действий;

— следственные и иные процессуальные действия;

— непроцессуальные мероприятия;

— комплексы перечисленных действий и мероприятий, охватываемые единым замыслом на решение поставленных задач расследования (тактические операции, тактические комбинации).

Обстановка, в которой осуществляется расследование преступления, может рассматриваться как в общем, так и в более конкретном плане:

— общая криминогенная обстановка в регионе, отражающая состояние борьбы с преступлениями как в целом, так и с определенными их категориями;

— конкретная обстановка расследования преступления, т. е. сложившаяся на определенный момент времени следственная ситуация, играющая ключевую роль в принятии решений органом расследования, определении направлений и тактики расследования.

С криминалистических позиций главной отправной точкой при определении обстановки расследования преступлений является сложившаяся ситуация (следственная ситуация). Так, И.Ф. Герасимов писал, что следственная ситуация — это категория, которая характеризует обстановку расследования, обуславливает принятие решений о направлениях расследования, планирование следственных действий и других мероприятий. Следственные ситуации, как показывает практика, оказывают влияние в первую очередь на организацию и планирование расследования по делу в целом.

Именно оценка конкретных следственных ситуаций обуславливает решение проблем взаимодействия органов следствия и дознания по делу, принятие решений о направлении расследования, о формах взаимодействия с другими службами и общественностью, о проведении тактических операций и т. п.

Самостоятельными подструктурными элементами обстановки расследования являются время и место.

В криминалистической литературе справедливо отмечается, что *время* имеет значение как длительность, продолжительность расследования в целом, его этапов и отдельных действий, а также как последовательность этапов и действий.

Фактор времени оказывает существенное влияние на расследование преступлений. В.П. Лавров справедливо отмечает, что по своей направленности он носит двойственный характер. С одной стороны, с увеличением промежутка времени, прошедшего с момента совершения преступления, процесс установления истины затрудняется. С другой — со временем нередко появляется имеющая отношение к преступлению новая информация, возникают дополнительные возможности ее обнаружения и использования в целях установления истины.

Кроме того, именно по временному признаку в общей системе расследования преступлений выделяются такие ее подсистемы, как деятельность по расследованию преступления по горячим следам и деятельность следователя по приостановленному уголовному делу.

Закрепление сроков предварительного расследования в нормах уголовно-процессуального законодательства (ст. 162 и ст. 223 УПК РФ) способствует быстроте и активности расследования, не допускает волокиты и медлительности при производстве по уголовному делу.

Место, как подструктурный элемент обстановки технологии расследования преступлений, добавляет определенную специфику в ее реализацию. Кроме того, место в ряде случаев определяет специфический характер тактики проведения отдельных следственных действий (например, выемка в офисе организации — налогоплательщика, обыск в кредитной организации и т. п.).

По общему правилу, предварительное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Анализ положений ст. 152 УПК позволяет говорить о пяти исключениях из этого правила. Во-первых, уголовное дело расследуется по месту окончания преступления, если преступление было начато в одном месте, а окончено в другом (ч. 2 ст. 152). Во-вторых, уголовное дело может расследоваться по месту совершения большинства из совершенных нескольких преступлений (ч. 3 ст. 152). В-третьих, уголовное дело может расследоваться по месту совершения наиболее тяжкого из совершенных преступлений (ч. 3 ст. 152). В-четвертых, предварительное расследование проводится по месту нахождения обвиняемого (ч. 4 ст. 152). В-пятых, предварительное расследование проводится по месту нахождения большинства свидетелей (ч. 4 ст. 152).

Совместный приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ, ФСКН РФ № 39/1070/1021/253/780/353/399 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений» устанавливает еще одно исключение из правила определения территориальной подследственности. Так, в абз. 2 п. 7 Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, утвержденного настоящим приказом, закреплено, что учет преступлений, а также иных объ-

ектов учета осуществляется ИЦ, на территории оперативного обслуживания которого совершено преступление. В случае, если определить место совершения преступления не представляется возможным, оно подлежит учету по месту его выявления.

Под частной криминалистической методикой, как одним из подструктурных элементов технологии расследования преступлений, следует понимать *совокупность методов и иных средств, т. е. систем связей и отношений субъекта расследования с объектом расследования, образующих способ и порядок расследования, направленных для получения более полного и соответствующего истине результата*. Такие связи и отношения выстраиваются посредством иных средств расследования, а сама методика в технологии расследования преступлений проявляется в форме целенаправленной деятельности органа расследования по расследованию преступлений, от следственной ситуации к предмету доказывания по уголовному делу. При этом следует отметить, что следственная ситуация не может быть элементом технологий расследования преступлений, так как по отношению к деятельности (процессу) расследования преступлений она носит внешний характер.

Порядок расследования в методике определяется системой предписаний по применению в определенной последовательности и в определенных существующих условиях (следственной ситуации) методов и иных средств установления истины по уголовному делу (предмета доказывания). Предписания могут носить категорический (жесткую систему действий) или альтернативный (предоставляющий возможность выбора из нескольких вариантов действий) характер.

В связи с этим нельзя согласиться с позицией В.А. Юматова, который полагает, что криминалистическая технология есть прежде всего система инструктивных предписаний выражения знаний и опыта, позволяющая рационально организовать получение проектного результата. С учетом данного посыла автор определяет криминалистическую технологию как неразрывно связанный комплекс последовательных процедур, которые выполняются нормативно зафиксированными способами действий с целью достижения запланированной эффективной деятельности по выявлению и расследованию преступлений. Получается, что

криминалистические технологии служат организации расследования (являются основой организации расследования), и она отождествляется с инструктивными предписаниями. В такой постановке вопроса происходит подмена понятий «криминалистическая технология» и «методика расследования».

Таким образом, методика расследования преступлений, как мыслительный образ, выступает в качестве, с одной стороны, средства расследования, с другой — идеальной модели технологии расследования. Именно эта двойственность, как полагает В.А. Юматов, является одним из серьезных препятствий к адекватному пониманию значения, функции и содержания методики расследования преступлений (частных криминалистических методик) в современной криминалистике.

Как уже было отмечено, расследование преступлений — сложная социальная деятельность. В каждом отдельном случае структуру технологии расследования определяет субъект расследования. Он формирует цели, определяет и конкретизирует обстоятельства, подлежащие установлению по делу, создает мысленную модель предстоящего расследования.

Рассмотрение в предложенном ключе понятия и содержания технологии расследования преступлений невозможно без поиска новых путей разрешения проблемы структуры криминалистики. Как представляется, результаты поиска новых подходов к построению структуры криминалистики находятся в непосредственной связи с пониманием структуры и содержания криминалистической методики (частных криминалистических методик).

В то же время одной из ключевых проблем современной структуры криминалистики, как было отмечено, является правильное определение места организационных аспектов в системе криминалистики в целом и криминалистической методике (методиках расследования преступлений) в частности.

Обосновывая необходимость приведения науки криминалистики в стройную и непротиворечивую систему научных знаний, можно внести в название ее разделов изменения, а именно: третий раздел наименовать «Технология тактических комплексов», а четвертый — «Технология расследования преступлений», оставив первые два раздела криминалистики с традиционными названиями.

На первый взгляд, каких-либо изменений системы криминалистики в связи с предлагаемыми изменениями названий ее разделов не произошло. Тем более само предложение нельзя отнести к абсолютно новому. Так, в одном из учебников по криминалистике коллективом авторитетных авторов уже осуществлена попытка ввести в название трех разделов криминалистики термин «технология». Данный подход не является для отечественной криминалистики новым. Еще в 20–30-х гг. прошлого века разделы немалого количества криминалистических работ носили аналогичные названия (вместо термина «технология» использовался термин «техника» в широком смысле слова). Но в отличие от подобного рода попыток, которые, скорее, нужно отнести к разряду научных экспериментов, в предлагаемом варианте содержится принципиально иной подход. Изменение названий разделов связано с изменением их структуры относительно действующих, включая структуру учебника по криминалистике, в котором термин «технология» используется, видимо, в качестве «приставки» к традиционным названиям разделов и не несет никакой полезной нагрузки.

Во-первых, предлагается из разделов «Криминалистическая техника», «Технология тактических комплексов» и «Технология расследования преступлений» перенести общие положения в первый раздел, так как частные криминалистические теории в настоящее время «впитали» все аспекты этих положений. Таким образом будет решена задача устранения дублирования многочисленных повторений, и, как следствие, сама наука криминалистика будет отвечать принципу системности.

Во-вторых, все вопросы организации расследования преступлений как «сквозные», в частности связанные с организацией использования криминалистической техники, производства процессуальных и иных действий, а также всего расследования, предлагается излагать в самостоятельном подразделе первого раздела — «Общая теория криминалистики». Реализация общих положений организации расследования преступлений будет происходить предметно при рассмотрении (исследовании) проблем криминалистической техники, технологии тактических комплексов и технологии расследования преступлений.

В-третьих, предложенный подход к системе криминалистики позволит начать процедуру ликвидации (замены) условно-поня-

тийного аппарата, как говорится, «с головы». При этом криминалистика-тактика и криминалистика-методика (методика расследования преступлений) займут в системе криминалистики наиболее обоснованные места, а именно: будут рассматриваться в рамках соответствующих разделов как их необходимый элемент наряду с организацией тактических комплексов либо с организацией расследования преступлений, соответственно.

В результате реализации перечисленных предложений система криминалистики приобретет более стройный характер, будет отвечать формально-логическому (логико-гносеологическому) принципу построения науки, а также учитывать исторические закономерности развитие системы науки криминалистики.

Заключение

Рассмотрение проблем криминалистической методики позволяет сформировать следующие выводы и предложения о перспективах развития данной подотрасли (заключительного раздела) науки криминалистики и частных криминалистических методик.

1. В настоящее время начался новый этап развития криминалистической методики как заключительного раздела науки криминалистики. Она поднялась на новый уровень, получив возможность объяснить избирательность в деятельности по расследованию преступлений и его детерминацию не просто «внешними причинами» (следами преступления) или «внутренними основаниями» (опыт, знания, учения, навыки и т.п.), а тем системным единством, которое порождается при взаимодействии субъекта и объекта познания. Проявление данной тенденции, очевидно, следует связывать с появлением криминалистической ситуалогии и криминалистической технологии. И это не случайно. Ситуационный и технологический подходы в криминалистической методике были предопределены всем ходом развития криминалистики. Именно они являются основополагающими и центральными при определении предмета криминалистической методики.

Криминалистическая ситуалогия и технология позволяют разрешить структурные проблемы криминалистической методики, определить место и значение организационных аспектов не только в криминалистической методике, но и в целом в криминалистике, систематизировать криминалистические знания о расследовании преступлений в стройную и непротиворечивую криминалистическую теорию—технологию расследования преступлений.

2. Технологический аспект расследования преступлений проявляется сначала на уровне сознания — в виде знания о техно-

логии расследования преступлений (его структуры, взаимосвязи элементов структуры и т.п.), затем в процессе расследования преступлений (практическая реализация технологий расследования) и, наконец, в ее результате, проявляющемся в формально-юридическом (процессуальном) акте.

3. Разработка теоретических и практических основ криминалистической методики должна идти по пути унификации и индивидуализации структур технологий расследования преступлений, которые представляют собой комплексы рекомендаций по организации и осуществлению расследования преступлений. Представление технологий расследования преступлений должно идти по пути алгоритмизации (программирования) с минимально необходимым обоснованием содержащихся в ней положений. Последнее положение предопределяет необходимость разработки структуры технологий расследования, или, как принято говорить, частных криминалистических методик, способных обеспечить реализацию алгоритмизированного подхода. Поставленная задача может быть разрешена посредством временной и функциональной структур технологий расследования преступлений (частных криминалистических методик), рассмотренных в настоящем пособии.

4. Особое значение на современном этапе приобретает разработка интеграционных (комплексных) технологий расследования взаимосвязанных преступлений, квалифицируемых по совокупности совершаемых преступными формированиями (организованными группами, преступными сообществами) часто на нескольких объектах. В уголовном праве данная проблема определяется как множественность преступлений, проявляющихся в различных формах, установление которых с помощью криминалистических методов и средств составляет одну из важнейших задач. Безусловно, разработка таких технологий не сводится к обычному их сложению. Она должна представлять собой качественно новую систему криминалистических рекомендаций, учитывающих типичность сочетания взаимосвязанных преступных действий, их последствий, а также типичные следственные ситуации каждого этапа предварительного расследования.

5. В современных условиях важная роль отводится криминалистическому прогнозированию при разработке технологий расследования преступлений (частных криминалистических мето-

дик). Традиционная схема разработки методик (технологий) — от практики к созданию научно обоснованных методик — в настоящее время не срабатывает. В связи с этим необходимо сосредоточить усилия (как в организационном, так и в научном плане) на проведении криминалистических экспертиз (по аналогии с криминологической экспертизой) законопроектов, а также иных нормативных актов, существенным образом меняющих условия общественной жизни, в целях моделирования способов совершения преступлений. На данной основе возможно упреждающе разрабатывать криминалистические рекомендации по расследованию «модельных» преступлений. Совершенно очевидно, что криминалистике, а тем более практике необходимы готовые рекомендации по методике расследования преступлений, появление которых можно предсказать с достаточной степенью вероятности.

Кроме того, следует организовать обмен информацией, который обеспечил бы незамедлительное представление следственными органами научным учреждениям (единому научному центру) сведений о новых способах преступлений в целях оперативного получения предварительных рекомендаций по расследованию, а в последующем разработке частных криминалистических методик для их использования в практической деятельности следственными органами.

Представляется, что перечисленные и иные, рассмотренные в настоящем пособии, направления разрешения актуальных проблем криминалистической методики, будут способствовать не только развитию криминалистической теории, но и оптимизации практики расследования преступлений, повышая эффективность деятельности органов предварительного расследования.

Оглавление

Введение	3
I. Зарождение, развитие и современное состояние криминалистической методики.....	5
II. Понятийный аппарат криминалистической методики	24
III. Структура частных криминалистических методик	31
IV. Классификация частных криминалистических методик.....	47
V. Криминалистическая характеристика преступлений как основа частной криминалистической методики.....	59
VI. Ситуационность расследования преступлений	88
VII. Планирование расследования преступлений	108
VIII. Следственные версии	130
IX. Организация расследования преступлений и криминалистическая методика	150
X. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений и частная криминалистическая методика.....	162
XI. Тактические комплексы и частные криминалистические методики.....	178
XII. Технология расследования преступлений и частная криминалистическая методика.....	192
Заключение	205

Шмонин Андрей Владимирович

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ

Учебное пособие

Редактор *В.М. Мякишева*
Компьютерная верстка *С.В. Рубченкова*

Подписано в печать 28.12.2010. Формат 60 × 84/16.
Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 12,1. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в подразделении оперативной полиграфии РИО
Академии управления МВД России, Москва